

ГОРБИ GORBY

№ 6

ФЕВРАЛЬ 2024

ГОРБИ / GORBY • ФЕВРАЛЬ 2024

**ДВА ГОДА НАЗАД НАЧАЛАСЬ
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ.**

**НА СНИМКЕ: ПОСЛЕДНИЙ НОВЫЙ ГОД
В МАРИУПОЛЕ ПЕРЕД СВО**

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — ЗАЛОГ МИРА. При Горбачеве с публичного обсуждения этой проблемы было снято клеймо «вмешательства во внутренние дела» страны

Анатолий ЧЕРНЯЕВ. **Без кавычек.** Из сборника документов: «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». **стр. 4**

«У нас, когда речь заходит о правах человека, срабатывает рефлекс съезживания». Из выступления Горбачева на собрании сотрудников МИД СССР, май 1986 года. **стр. 5**

«Мы не можем изложить американскому народу нашу точку зрения. Поэтому в целях равенства глушим «Голос Америки». Из переговоров Горбачева с Рональдом Рейганом, Рейкьявик, 11 октября 1986 года. **стр. 5**

«Вопросы гуманитарного порядка, включая воссоединение семей и выезды, мы будем и дальше решать в позитивном духе». Из переговоров Горбачева с Маргарет Тэтчер. Москва, 30 марта 1987 года. **стр. 6**

«Культура демократии должна пронизывать все сферы человеческих отношений». Из доклада М.С. Горбачева о 70-летию Октябрьской революции, 2 ноября 1987 года. **стр. 7**

«Общеввропейский дом мы мыслим как правовое сообщество». Из речи Горбачева перед депутатами Парламентской ассамблеи Совета Европы. Страсбург, 6 июля 1989 года. **стр. 7**

Владимир ГЕЛЬМАН. **Невостребованный атрибут.** Почему спрос на права человека со стороны общества и власти оказался в постсоветской России столь невысоким. **стр. 8**

Кирилл КОРОТЕЕВ. **Что дал российскому обществу Европейский суд по правам человека.** **стр. 12**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Роман ЯНУШЕВСКИЙ. **Зловещий силуэт Ирана.** Больше трех месяцев Иран посредством своих прокси воюет с Израилем и США. Каковы перспективы этой войны? **стр. 14**

Татьяна БРИЦКАЯ. **Где ваша честь?** Суды стали играть роль нотариуса при следствии. Их почему-то не оскорбляет неуважение к ним обвинителей. **стр. 22**

Александр СОЛДАТОВ. **Альтернативы Апокалипсису.** Как трансформируется религия в мире и в России. Что приходит на смену секулярности. Какова официальная религия РФ. **стр. 26**

О чем думают в России: социологическая рубрика. **Три образа «свободы».** **стр. 32**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Рифмы: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. **Вниз по лестнице, ведущей вверх.** Куда ведет культурная политика всеобщего захвата. **стр. 38**

Алексей ЛЕВИНСОН. **Что делать меньшинству.** Подавляющее большинство вкупе с государством способно заставить несогласных опасаться и молчать. **стр. 42**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Василий БУРОВ. **Перспективы развития или угроза существованию?** Как найти человеческое в искусственном интеллекте и не стать его жертвами. **стр. 48**

Кирилл ФОКИН. **Повелители нарративов.** Ложь, способы достижения цели, ресурсы для их достижения — вот, что сегодня больше ценится политиками, чем идеи и смыслы. **стр. 52**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Сергей НИКИТИН. **Желательные иностранцы.** Как «англосаксонские» квакеры спасали от голода жителей Поволжья. **стр. 56**

Михаил ДАВЫДОВ. **Любая монополия на идеал ведет к загниванию.** Как Россия настаивала на антикапиталистической утопии и почему военный фактор так важен для русского сознания. Беседовала Ольга Тимофеева. **стр. 62**

Мария ТЕНДРЯКОВА. **Охота на ведьм.** Эта болезнь периодически повторяется в истории человечества. Особенно во время переломных периодов и общественных потрясений. Беседовала Галина Мурсалиева. **стр. 68**

Василий ЖАРКОВ. **Миропорядок, или четыре столетия кризиса.** Война вовсе не продолжение политики другими средствами, а ее гибель. **стр. 74**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Михаил АЙЗЕНБЕРГ. **Возвращение биографии.** Почему культура в опасные времена вещество гениальности. **стр. 78**

Борис МИНАЕВ. **Выбор Шехтеля и выбор Щусева.** Про два способа осуществиться в искусстве. **стр. 82**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Майя КУЧЕРСКАЯ. **Кровь и голоса улицы.** О «Слове пацана» Роберта Гарая и «Семечках» Константина Вагинова. **стр. 90**

Леонид НИКИТИНСКИЙ. **Фашизм и демократия.** Общество проникается фашизмом не в один присест и незаметно для себя. Размышления над книгами Уильяма Ширера и Майкла Манна. **стр. 92**

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

Права человека – залог мира

ПРИ ГОРБАЧЕВЕ С ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ЭТОЙ
ПРОБЛЕМЫ БЫЛО СНЯТО КЛЕЙМО «ВМЕШАТЕЛЬСТВА
ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА» СТРАНЫ

Без кавычек

Из введения к части 2 сборника документов «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 121. Автор текста — А.С. Черняев

По мере практического осуществления нового курса на первый план все больше выдвигалась такая проблема внешней политики перестройки, как права человека. Она стала камнем преткновения для всей новой политики: ее значение для успешного ведения международных дел было оценено не сразу.

Согласно советской идеологии, считалось, что социалистическое общество самое справедливое, оно обеспечивает социальные права трудящихся. А что касается «прав человека» в западном понимании, то они представлялись как буржуазное изобретение. И нам их навязывают с недобрыми, даже подрывными намерениями.

Такова была позиция первое время и при Горбачеве, хотя еще за 10 лет до него СССР подписал Хельсинкский акт, где была так называемая «третья корзина», наполненная этими самыми правами. Ее мы фактически игнорировали. Для советского руководства Хельсинкское совещание имело значение лишь как закрепление послевоенных границ в Европе.

Однако перестройка предполагала «открытие страны», включение ее в общечивилизационный процесс в самой продвинутой его части. А там права человека были общепринятой демократической нормой.

С отсутствием реальных политических прав советских граждан Горбачев столкнулся сразу же — в преобразования нужно было включить «человеческий фактор», а для этого необходима была реальная свобода. Недаром же гласность была провозглашена раньше всех других начинаний.

Во внешних делах проблема возникла при первых же выходах на лидеров Запада. Горбачев хотел улучшения отношений, нормализации, отказа от идеологической войны. Но там многие годы утверждалось, что нельзя доверять государству, где людей преследуют за убеждения, где установлена жесткая цензура, где СМИ и суды действуют по указаниям партийных органов, где запрещена эмиграция и вообще до предела ограничены выезды из страны, где глушат радиопередачи, где исключена деятельность оппозиционных партий, да и вообще всяких, кроме безраздельно правящей... иначе говоря, где власть неподконтрольна обществу, населению.

Горбачеву потребовалось некоторое время, чтобы достаточно полно освоить ненормальность положения с «правами человека», признать, что без их включения в реформаторскую деятельность ничего не продвинется, в том числе в главной сфере его забот — прекращении гонки вооружений. Лишь постепенно — и параллельно с процессом международной разрядки — перестройка стала отождествляться с реальной демократизацией общества, а права человека (без кавычек) восприниматься как неотъемлемая часть и фактор прогресса.

Соответственно, Горбачев перестал расценивать постановку вопроса о правах человека его собеседниками как «вмешательство во внутренние дела» СССР.

«У нас, когда речь заходит о правах человека, срабатывает рефлекс съезживания»

Из выступления Горбачева на собрании сотрудников МИД СССР, май 1986 года

Поворот нами делается и в гуманитарных вопросах. Есть мнение, что защита прав человека якобы не функция социалистического общества. У нас, когда речь заходит о правах человека, срабатывает рефлекс съезживания. Дело доходит

до того, что сами слова «права человека» ставили в кавычки и говорили о так называемых правах человека, как будто наша революция не имеет отношения к правам человека. Мы к этому стремились, ликвидировали бесправие. Откуда же революция появилась, если бы в старом обществе с правами было все в порядке? От застарелого подхода к этой проблеме надо решительно отказаться. Не надо самим себе создавать трудности, действуя по инерции. Надо освободиться от некоего подобия страха и на всю эту проблему посмотреть шире, с учетом, конечно, наших государственных интересов. Пора переходить от обороны к наступлению.

Следует, в частности, подойти более конкретно к вопросу воссоединения семей, въезда-выезда, осуществить разбор уже накопленного опыта. Все это — часть разрядочного процесса, элемент роста доверия.

М. С. Горбачев. Годы трудных решений. М., 1993. С. 53

«Мы не можем изложить американскому народу нашу точку зрения. Поэтому в целях равенства глушим «Голос Америки»

Из переговоров с Рональдом Рейганом. Рейкьявик, 11 октября 1986 года

РЕЙГАН. Хочу добавить, что, по моему мнению, мы действительно должны будем поговорить о правах человека. В отличие от других вопросов, которые мы называли, эта проблематика не будет предметом официальных соглашений между нами, однако она оказывает большое влияние на то, насколько далеко мы можем пойти в сотрудничестве с Советским Союзом перед лицом нашего общественного мнения. Я уже говорил вам в Женеве и повторю сейчас, что права человека, в частности, вопросы выезда из Советского Союза, постоянно фигурируют в обращениях ко мне. И если нам не удастся решить эти проблемы удовлетворительным образом, то это скажется и на других вопросах в том смысле, что общественность не даст американскому правительству кредита на осуществление возможных договоренностей, если мы не убедим советскую сторону пойти на смягчение позиции по правам человека.

<...> Мы не хотим вмешиваться во внутренние функции вашего правительства. Но мы считаем важным, чтобы вы знали силу общественного мнения США...

(К правам человека американский президент возвращается вновь при обсуждении итогового документа встречи.)

РЕЙГАН. Здесь, правда, ничего не сказано об одном вопросе — правах человека. Я не хочу предъявлять вам каких-то требований относительно воссоединения семей, эмиграции, положения верующих и т.д. Но я хотел бы, чтобы вы поняли, что это — принципиально важный фактор в определении того, в какой мере мы сможем с вами сотрудничать в важных областях. <...>

ГОРБАЧЕВ. Жаль, г-н президент, у нас с вами недостаточно времени, чтобы обсудить гуманитарные вопросы. У нас есть на этот счет конкретные идеи, которые мы просто не успеваем обсудить. Должен сказать, что в Советском Союзе имеется немалая озабоченность по поводу положения с правами человека в США. Есть еще одна важная тема. Речь идет о важности в наше время взаимной информации. Ситуация сейчас такая: радиостанция «Голос Америки» ведет круглосуточные передачи на многих языках со станций, имеющихся у вас в различных странах Европы и Азии, а мы не можем изложить американскому народу нашу точку зрения. Поэтому в целях равенства нам приходится глушить передачи «Голоса Америки». <...>

РЕЙГАН. Различие между нами в том, что мы признаем свободу печати, право людей выслушать любую точку зрения. В вашей прессе этого нет. Вот сегодня у вас будет пресс-конференция, и американцы увидят ее, газеты опубликуют ее текст. У вас в стране не так. Ваша система предусматривает лишь правительственную прессу.

ГОРБАЧЕВ. Но я задал конкретный вопрос, предложил, что мы можем прекратить глушение «Голоса Америки», если вы пойдете навстречу нам, дадите нам возможность арендовать у вас радиостанцию или арендовать или построить станцию у ваших соседей.

РЕЙГАН. Я проконсультируюсь об этом по возвращении в США, и я займу благоприятную позицию.

Сборник «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 123–124

«Вопросы гуманитарного порядка, включая воссоединение семей и выезды, мы будем и дальше решать в позитивном духе»

Из переговоров Горбачева с Маргарет Тэтчер. Москва, 30 марта 1987 года

ТЭТЧЕР. <...> Я понимаю вашу историю, ваши традиции. Мы не стараемся подорвать или уничтожить вашу систему. Это было бы глупо. Но мы хотели бы, чтобы ваша система давала народу такую же личную свободу, как наша, включая право свободного выезда из страны.

ГОРБАЧЕВ. Ну давайте считать свободы. Что дает наша система? Автономия, я об этом уже говорил. Право на труд, право на гарантированное получение работы. Равенство в образовании, право на получение жилья, отсутствие дискриминации по национальному и расовому признаку. Представительство в правительстве и участие в управлении страной.

ТЭТЧЕР. У нас тоже все имеют право голоса, кроме лордов.

ГОРБАЧЕВ. Ну вы лукавите. А как с 3,5 млн безработных?

ТЭТЧЕР. Вы проводите политику перераспределения сверху рабочей силы, а мы нет. Но у нас каждый безработный получает еженедельное пособие, размеры которого возрастают в зависимости от числа детей в семье. Он имеет право на дешевое жилье и освобождение от местных налогов...

Но этот разговор мы могли бы вести часами. <...> А если мы расходимся во взглядах в идеологической и гуманитарной областях, то здесь есть Хельсинкские соглашения, которые мы обязались выполнять...

...Вы подписали Хельсинкские соглашения и заключили в тюрьму тех, кто пытался контролировать их выполнение в Советском Союзе. Я знаю, что сейчас вы выпустили многих политических заключенных, на Западе вам за это благодарны. Я беседовала со многими представителями еврейских и религиозных организаций. Они надеются, что в новых условиях в Советском Союзе эти группы людей будут иметь больше прав, тогда это будет вести к увеличению доверия...

Я недавно беседовала с главным раввином Великобритании. Это очень интересный человек. Он говорил мне, что в Советском Союзе живут две трети евреев Европы, и никто не ставит вопрос, чтобы все они выехали из Советского Союза. Вообще у евреев к Советскому Союзу хорошее отношение, они всегда будут помнить вашу роль в борьбе против Гитлера, не забудут, что советские войска освободили Освенцим. Да и премьер-министр Голда Меир была родом из Советского Союза. Вы много сделали для создания Израиля. Но, конечно, евреи были бы вам признательны, если бы в вашей стране евреи могли бы пользоваться более широкими правами в плане посещения синагог, изучения иврита, отправления религиозного культа и т.д.

ГОРБАЧЕВ. Мы уделяем очень много внимания решению гуманитарных проблем. Будем уделять еще больше внимания этим вопросам. Но у нас есть государство, есть его интересы, и мы решительно против того, чтобы использовать гуманитарные проблемы для вмешательства в наши внутренние дела, для ущемления этих интересов. А в том, как ставятся эти вопросы на Западе, мы видим много спекулятивного, рассчитанного на то, чтобы исказить облик Советского Союза, а то и просто провокационного...

...Что касается Хельсинкских соглашений, то мы готовы в любой момент сопоставить нашу готовность и Запада выполнять в полном объеме обязательства о контактах, о политических, социальных и культурных правах, о том, как лучше понимать друг друга. Мы готовы продвигать общеевропейский процесс. А вопросы гуманитарного порядка, включая воссоединение семей и выезды, мы будем и дальше решать в позитивном духе. Разумеется, за исключением тех случаев, когда такое решение невозможно по соображениям государственной безопасности или правового характера.

РИА Новости

«Культура демократии должна пронизывать все сферы человеческих отношений»

Из доклада М.С. Горбачева о 70-летию
Октябрьской революции,
2 ноября 1987 года

Перестраивая нашу экономическую и политическую систему, мы обязаны создать, во-первых, надежный и гибкий механизм реального вовлечения всех трудящихся в решение государственных и общественных дел. Во-вторых, на практике научить людей жить в условиях углубляющейся демократии, расширять и укреплять права человека, возвращать современную политическую культуру масс. Иными словами — учить и учиться демократии. <...>

Многие пока «робеют», действуют с оглядкой, боятся ответственности, находятся еще в плену устаревших правил и инструкций. Задача состоит в том, чтобы прививать людям

вкус к самостоятельности и ответственности в подходе к производственным и общественным делам любого масштаба, развивать самоуправление как власть народа, осуществляемую самим народом и в интересах народа. <...>

Развернувшиеся в стране новые процессы по-новому ставят и вопросы общей, политической и правовой культуры, я бы сказал, культуры социалистического демократизма. Именно с недостатком этой культуры во многом связаны такие пороки, как бюрократизм и злоупотребление властью, чиновничество, бесхозяйственность и безответственность...

Культура демократии не может ограничиваться сферой политики. Она должна пронизывать все сферы человеческих отношений. Мы исходим из того, что социализм — это общество нарастающего многообразия в суждениях, взаимоотношениях, деятельности людей. У каждого человека свой социальный опыт, свой уровень знаний, образованности, свои особенности восприятия происходящего. Отсюда огромный диапазон мнений, убеждений, оценок, которые, естественно, требуют внимательного учета, сопоставления. Мы за разнообразие общественного мнения, богатство духовной жизни. Нам не надо бояться открыто ставить и решать трудные проблемы общественного развития, критиковать и спорить. В таких условиях как раз и рождается истина, формируются правильные решения.

Сборник «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства».
М., 2010. С. 129

«Общеввропейский дом мы мыслим как правовое сообщество»

Из речи Горбачева перед депутатами
Парламентской ассамблеи Совета
Европы. Страсбург, 6 июля 1989 года

Мир, в котором удастся сократить военные арсеналы, но в котором будут нарушаться права человека, не может чувствовать себя уверенно. К этому выводу мы для себя пришли окончательно и бесповоротно.

Мы убеждены, что под общеевропейский процесс должна быть подведена надежная правовая основа. Общеввропейский дом мы мыслим как правовое сообщество. И со своей стороны начали движение в этом направлении.

В постановлении Съезда народных депутатов СССР, меж-
ду прочим, сказано: «Опираясь на международные нормы

и принципы, в том числе содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека, Хельсинкских соглашениях и договоренностях на венских встречах, приводя внутреннее законодательство в соответствие с ними, СССР будет способствовать созданию мирового содружества правовых государств».

Европа могла бы и тут быть примером. Естественно, ее международно-правовая целостность включает национальные и социальные особенности государств. Каждая европейская страна, США и Канада имеют свои законы и традиции в гуманитарной сфере. Хотя существуют и общепризнанные нормы и принципы.

Было бы, наверное, полезно провести сравнение существующих законодательств по правам человека, создав для этого или специальную рабочую группу, или что-то вроде европейского института сравнительного гуманитарного права. Полного совпадения точек зрения, учитывая разницу социальных систем, мы, скорее всего, не добьемся. Но имеются и могут быть умножены общие взгляды и общие подходы.

Это позволяет говорить о возможности создания европейского правового пространства.

*«Визит М.С. Горбачева во Францию...
Документы и материалы».*
М.: Политиздат, 1989. С. 140–141

Петр САРУХАНОВ

Саруханов

Не востребо- ванный атрибу

ПОЧЕМУ СПРОС НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ ОКАЗАЛСЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ СТОЛЬ
НЕВЫСОКИМ

Владимир

Гельман,

профессор университета
Хельсинки

В 1993 году мне довелось в составе довольно большой группы россиян посетить Совет Европы в Страсбурге и присутствовать там на обширной дискуссии, посвященной проблематике прав человека. После ее окончания двое моих сверстников — предприниматель и депутат одной из региональных legislатур — обменялись мнениями об этой дискуссии. Оба они весьма пренебрежительно охарактеризовали содержание этой дискуссии как «говорильню», не имеющую, по их мнению, отношения к реальности. После чего вместе отправились на шопинг на другой берег Рейна, в немецкий Кель. Этот на первый взгляд мелкий эпизод не только наглядно характеризует то место, которое занимали права человека в представлениях нового российского политического класса, но и наглядно иллюстрирует последующий упадок дискурса о правах человека в России в последующие три десятилетия.

В самом деле, в период перестройки права человека, казалось бы, стали одним из ключевых слов, обозначивших масштабные перемены в жизни Советского Союза. В предшествующие два десятилетия правозащитная проблематика была ареной борьбы между диссидентским движением, опиравшимся на международные документы (Всеобщая декларация 1948 года и Хельсинкский акт 1975 года), и советским официозом, который употреблял сам этот термин почти исключительно в формате «так называемые права человека». Голоса правозащитников — прежде всего академика Сахарова — громко прозвучали на весь мир, но были почти не слышны внутри страны, во многом изолированной от внешнего мира посредством пропаганды и «глушилок».

Правозащитная проблематика в СССР была периферийной, и спрос на права человека предъявляли главным образом представители различных этнических

и религиозных меньшинств, подвергавшихся дискриминации со стороны государства. И лишь в конце 1980-х руководство Советского Союза во главе с Горбачевым взяло курс на смену парадигмы. Права человека были не просто провозглашены приоритетом государственной политики, но стали основой для принятия важнейших решений, изменивших политический ландшафт страны. Право на получение информации позволило гражданам узнать правду не только о страницах прошлого, но и о многочисленных текущих проблемах страны, и о злоупотреблениях властей. Право на свободу передвижения открыло границы страны для миллионов граждан, а заодно снизило барьеры на их перемещение внутри страны. Право на вероисповедание обеспечило гражданам открытый доступ к практикам и ритуалам различных религиозных конфессий. Казалось бы, всего за несколько лет гражданские и политические права оказались в центре происходивших перемен. Тем более удивительным кажется пренебрежение ими уже вскоре после распада СССР, отразившееся, в частности, в диалоге с моими страсбургскими собеседниками, и низкая востребованность прав человека в России в последующие три десятилетия. В чем же причины такого поворота?

На первый взгляд дарованные «сверху» права ценятся меньше, нежели завоеванные в борьбе. В то время как распространение гражданских и политических прав в странах Западной Европы после Второй

мировой войны стало итогом длительной и драматической борьбы граждан за их расширение, в Советском Союзе времен перестройки провозглашение прав человека в качестве приоритета стало возможным благодаря усилиям представителей элит. Но гораздо важнее другое: в контексте перестройки значимость прав человека воспринималась многими представителями общественности не столько как важная ценность сама по себе, сколько как инструмент делегитимации прежнего советского политического порядка и его последующего разрушения: это была прежде всего борьба против цензуры в СМИ, разрешений на выезд за границу и советского атеизма, нежели за обеспечение соответствующих прав человека как таковых. Уже позднее, в контексте сближения России со странами Запада, провозглашение приоритета прав человека воспринималось отечественной общественностью как атрибут, необходимый для вхождения в международное «высшее общество». В ходе той же дискуссии в Совете Европы россияне получали четкие сигналы: принятие законодательных актов о правах человека является необходимым условием для вступления страны в эту международную организацию.

Статья 55 конституции предусматривает возможность ограничений прав человека «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» — то есть практически по любому удобному для руководства страны поводу

Невостре- бован- ный атрибут

Иными словами, права человека выглядели скорее как требование Запада по отношению к России, нежели выступали внутренней потребностью российского политического класса, да и многих граждан страны. Да, в ходе перестройки в СССР и позднее в ряде постсоветских государств началось формирование активного правозащитного сообщества, которое было представлено такими организациями, как «Мемориал» (*признан Минюстом «иноагентом» и ликвидирован. — Ред.*). Однако их усилий для продвижения правозащитной повестки дня оказалось явно недостаточно.

Противоречия между декларациями прав человека в России и их воплощением в жизнь нашли свое отражение в тексте конституции страны, принятой на референдуме в декабре 1993 года. С одной стороны, ее вторая глава включает обширный список из 48 статей, которые подробно описывают различные права человека. С другой стороны, хотя конституция и провозглашает, что «права человека и гражданина являются непосредственно действующими» (статья 18), но непосредственных механизмов их реализации текст конституции не содержит, ограничившись отсылками к текущему законодательству. Вместе с тем «гарантом прав и свобод человека и гражданина» конституция провозгласила президента России (статья 80), который «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства». Иначе говоря, логика дарованных «сверху» прав человека оказалась закреплена в Основном законе страны, который был поддержан многими правозащитниками. Неудивительно, что президенты страны — сперва Ельцин, а затем Путин — использовали свой статус гаранта прав человека по собственному усмотрению, в зависимости как от своих личных приоритетов и представлений, так и от текущей политической конъюнктуры. Более того, статья 55 конституции предусматривает возможность ограничений прав человека «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

обеспечения обороны страны и безопасности государства» — то есть практически по любому удобному для руководства страны поводу. Неудивительно, что при таком подходе права человека в России превратились со временем если не совсем в «говорильню», то в набор благих пожеланий, слабо соотносившихся с политической практикой страны.

Среди тех, кто провозгласил права человека политическим приоритетом СССР в период перестройки, преобладали «шестидесятники» — политики и интеллектуалы, чье мировоззрение сформировалось в период оттепели и для кого политическая либерализация страны служила нормативным идеалом (путь к которому оказался растянут после двух десятилетий застоя). Однако вскоре после распада СССР в России произошла смена политических поколений: на авансцену на смену «шестидесятникам» вышли «семидесят-

ники», сформировавшиеся как личности в эпоху застоя и занявшие ключевые позиции в элите в 1990-е и начале 2000-х годов. Для них гораздо важнее оказалась не политическая, а экономическая либерализация — возможности для ведения бизнеса и обеспечение прав частной собственности. К гражданским и политическим правам многие из «семидесятников» относились выборочно — конечно, они не были сторонниками сохранения многочисленных запретов советского периода и желали путешествовать по миру и заниматься бизнесом безо всяких ограничений. Но в целом права человека воспринимались ими в лучшем случае как такое благо, которое может себе позволить лишь страна, достигшая экономического процветания, но никак не Россия, переживавшая после распада СССР комплексную и драматичную трансформацию. Некоторые из этих политиков и интел-

В ходе перестройки в СССР и позднее в ряде постсоветских государств началось формирование активного правозащитного сообщества. Однако его усилий для продвижения правозащитной повестки дня оказалось явно недостаточно

Fabrice COFFRINI / AFP

лектуалов не скрывали своей готовности пожертвовать гражданскими и политическими правами россиян во имя рыночных свобод. Со временем эти представления оказались не более чем иллюзиями, но именно они во многом определили то периферийное место, которое вновь стали занимать права человека в России, теперь уже в начале XXI века.

Справедливости ради стоит отметить, что и российские граждане после распада СССР не слишком проявляли интерес к гражданским и политическим правам. Их приоритеты, особенно на фоне длительного и глубокого экономического

спада 1990-х годов, да уже и после его завершения, концентрировались на социально-экономических правах. По данным массовых опросов «Левада-центра»* (до 2003 года — ВЦИОМ), среди наиболее значимых прав человека в 1994–2005 годах россияне называли «право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни», а также «право на жизнь» и «право на хорошо оплачиваемую работу по специальности». В то же время такие пра-

ва и свободы, как «право на получение информации», «право избирать своих представителей в органы власти», а также «свобода вероисповедания» и «право уехать в другую страну и вернуться» получали в 2–3 раза меньшую поддержку, нежели лидеры списка. Гражданские и политические права обычные россияне, скорее всего, воспринимали как благие пожелания, имевшие отдаленное отношение к их повседневной жизни и решению текущих проблем. Взаимосвязь между избранием своих представителей в органы власти и социальными гарантиями со стороны государства, не столь однозначная даже и в развитых демократиях, оказалась совершенно неочевидной для россиян на фоне усиления авторитарных тенденций в политической жизни страны. И если для ряда обеспеченных россиян «право уехать в другую страну и вернуться» составляло часть их образа жизни, то для большинства обычных граждан России использование этого права оставалось за пределами доступности. В свою очередь, российские элиты прилагали немалые усилия к тому, чтобы спрос россиян на гражданские и политические права оставался весьма низким в течение всего постсоветского периода.

В результате обеспечение прав человека в России столкнулось с разрывом между обильными, но весьма слабо подкрепленными практикой конституционными декларациями гражданских и политических прав и их низким приоритетом в глазах российских элит и граждан (хотя и по различным причинам). Понятно, что в таких условиях у российских политиков не оказалось значимых стимулов, чтобы права человека в стране реально соблюдались, а не оставались декларативным атрибутом внешнеполитического признания статуса России как «нормальной» страны на международной арене. Неудивительно, что в ходе конфронтации со странами Запада после февраля 2022 года, когда о легитимации России в глазах американцев и европейцев российские власти уже могли более не заботиться, весь дискурс прав человека в России оказался если не полностью отброшен за ненадобностью, то изменился почти до неузнаваемости. Да, пока еще российский официоз, в отличие от советского, не использует оборот «так называемые права человека», но значимость прав человека в стране все более стремится к столь высоко ценимым российскими властями образцам советских времен. Во многом этот упадок стал логическим исходом процессов трех с лишним постсоветских десятилетий.

*Признан Минюстом РФ «иноагентом».

Что дал российскому обществу **Европейский суд по правам человека**

REUTERS

Советский Союз никогда не был членом Совета Европы, но Михаил Горбачев произнес в его Парламентской ассамблее в 1989 году одну из важнейших речей для континента, говоря об «общем европейском доме». Речь важна не только тем, что было сказано, но и тем, что даже упомянуто не было. Слово «суд», например, в ней отсутствует. Но именно поэтому тридцать лет и три года спустя, включившие четверть века членства России в Совете Европы, эта речь удивительно точно позволяет осмыслить роль европейской интеграции для российской правовой системы.

Идея Горбачева об общем европейском доме была не перестроечной романтикой,

а концепцией безопасности, основанной на том, что в этом доме не должно быть вооруженных конфликтов ни между блоками, ни внутри блоков. Это должно было состояться благодаря самоограничению государств. Несмотря на ожидания членов ПАСЕ, что Европейская Конвенция будет упомянута как одна из основ европейского дома, правам человека никакой роли в этом доме не отводилось, более того, Горбачев прямо сказал, что договориться по этому вопросу государствам разных блоков едва ли удастся. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, никогда не создававшее обязательных для государств правовых норм, в концепцию последнего советского лидера вписывалось куда лучше.

Понимание, что Европейская Конвенция ограничивает свободу действия национальных властей международными нормами, кажется, так и не появилось в 1990-е годы, когда при ратификации этого договора депутаты Государственной думы больше интересовались выдачей шенгенских виз самим себе и материальной выгодой, чем проблемами законодательства. В последующие десятилетия идея о связанности государственных органов ранее существовавшими нормами права перестала хотя бы приблизительно описывать российскую действительность. Но это вовсе не означает, что 25 лет работы Европейского суда по правам человека по российским делам прошли впустую. Как нередко бывает, для общества его решения

Кирилл

Коротеев

могли оказаться куда более важными, чем для чиновников.

Во-первых, решения Европейского суда помогли определить ранее не замеченные проблемы и сделать их предметом общественного обсуждения, на которое власти должны были реагировать. Самые первые решения Страсбурга в 2002 году касались неисполнения решений российских судов и бесчеловечных условий содержания под стражей. Именно эти решения спровоцировали и обсуждение, и даже определенные реформы, поскольку до них ни усилия внутри страны (попытки чернобыльцев получить полагающиеся им выплаты через суд), ни на международном уровне (отчет спецдокладчика ООН по пыткам Найджела Родли о положении в СИЗО и тюрьмах) результата не принесли. Из более современных примеров можно вспомнить дела об отбывании наказания вдали от дома и о тюремной медицине. Эти проблемы стали заметны благодаря наиболее известным заключенным, но касались и, увы, все еще касаются тысяч человек.

Во-вторых, решения Европейского суда стали — часто с большим опозданием — правовой основой для требований реформ. Так, дела о домашнем насилии, рассмотренные в конце 2010-х годов, были не первым международным осуждением России за непринятие мер по защите женщин, поскольку в рамках системы ООН уже были решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Но именно решения ЕСПЧ усилили и помогли сформулировать требования реформы, которая, увы, так до сих пор полноценно не проведена. То же можно сказать и о признании однополых партнерств: решение Европейского суда по этому вопросу принято уже после исключения России из Совета Европы, но сохраняет свою обязательную силу и не может быть отменено никакими решениями о признании «международного движения ЛГБТ» экстремистским.

В-третьих, в сотнях дел Европейский суд должен был устанавливать факты, когда российские расследования не приводили ни к какому результату или когда их результат был явно неудовлет-

ворителен. Это в первую очередь дела о преступлениях против гражданского населения на Северном Кавказе: внесудебные казни, неизбирательные бомбардировки, пытки и насильственные исчезновения — количественно самая большая из этих подгрупп. Следствие или годами воспроизводило одну и ту же формулу, что не удалось найти «неустановленных лиц в камуфлированной форме и масках», или выдвигало невероятные версии, или находило оправдания в духе «провести проверку паспортного режима обычными средствами не удалось, поэтому с военной точки зрения генерал Недобитко был прав, применив авиацию и артиллерию». Но для ЕСПЧ важна последовательность и убедительность доказательств, он, в отличие от российских следователей, прокуроров и судей, не был готов некритично принимать доказательства только потому, что они происходили от правительства. Поэтому его решения часто приводили к совсем иной картине событий, чем та, которую воспроизводили власти. И хотя мы так и не узнали, ни каков был состав газа, примененного после захвата заложников на мюзикле «Норд-Ост», ни кто несет ответственность за первый взрыв в Беслане, решения Европейского суда по событиям этих терактов не игнорируют доказательства бывших заложников, а потому являются текстами, лучше всего установившими факты тех событий. К сожалению, решения по затонувшей в 2011 году платформе «Кольская» до сих пор нет.

В-четвертых, развитие права, несмотря на сопротивление властей, отвечавших за это развитие, все же происходило. Один из примеров — эволюция практики по делам о защите чести и достоинства, когда суды только после решений ЕСПЧ признали хотя бы в принципе, что следует различать утверждения о фактах и оценочные суждения. Применение этого различия на практике, увы, продолжало зависеть не от содержания высказываний и представленных доказательств, а от близости оскорбившейся стороны к властям.

В-пятых, по порядку, но точно не по значению, Европейский суд принес возможность восстановления индивидуальных прав: признание нарушений и выплаты компенсаций. Для многих был важен именно факт принятия решения авторитетным международным судом, признававшим, что произошедшее с ними или с их ближайшими родственниками нарушает нормы права. Компенсация, даже сравнительно небольшая, могла помочь улучшить жизнь или просто начать ее снова. Не будем забывать, что многим Европейский суд просто спас жизнь, когда речь шла об экстрадиции в страны, где

пытки являются частью следствия, или о жизненно важном лечении в тюрьме.

Многое произошло слишком поздно. Большое количество проблем, волновавших российское общество или имевших значение для правовой системы, рассматривалось в Страсбурге по 10 лет: антиэкстремистское законодательство, система прослушки телефонов и перехвата цифровых сообщений, дела «иностранных агентов», женщин, пострадавших от насилия, мирных демонстрантов, заключенных на низких ступенях тюремной иерархии — список можно только продолжать. Многие вопросы еще не решены, будь то справедливость процедур дисциплинарной ответственности судей, во многом влияющих на их независимость, или правомерность ограничений на банковские операции для внесенных в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга, хотя жалобы были поданы больше 10 лет назад. Жалобы против России о событиях в Абхазии рассматривались почти 20 лет, жалобы по выборным делам — после того, как прошла еще одна легислатура после той, на выборы в которую заявители жаловались.

Таким образом, нельзя сказать, что российские власти — несмотря на их многолетнюю риторику — только страдали от европейского судебного контроля, напротив, нередко он был к ним благосклонным, в частности, задерживая решения до тех пор, когда они уже ни на что повлиять не могли. А по многим темам, от условий содержания в СИЗО до запрета заместительной терапии для лиц, употребляющих наркотики, именно правительство выходило победителем. Но факт наличия судебного контроля, пусть и несовершенного, явно ставил российскую исполнительную власть, привыкшую за последние годы к его отсутствию, в неудобное положение, даже если не мешал действовать так, как ей это заблагорассудится. Это отношение к правовым нормам, очевидно, было унаследовано от советских времен, когда не было и не могло быть норм, способных эффективно ограничивать власть партии. Конечно, многие государства не готовы мириться с международным судебным контролем, но в странах, отличающихся относительно демократическим порядком, намного сложнее представить исполнительную власть, пренебрегающую соблюдением и наднациональных, и национальных норм права под надзором судов. Тут Горбачев (увы!) оказался точен: общего языка о правах человека найти, несмотря на все уступки со стороны Совета Европы, не удалось. Безопасность, однако, также не была обеспечена: если одна страна отказывается от самоограничения и нет механизмов ее остановить, о безопасности говорить невозможно.

ГОРБИ
GORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мрачный силуэт Ирана

БОЛЬШЕ ТРЕХ МЕСЯЦЕВ ИРАН ПОСРЕДСТВОМ СВОИХ ПРОКСИ ВОЮЕТ С ИЗРАИЛЕМ И США. КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТОЙ ВОЙНЫ?

Ж

*естокая
и крова-
вая ата-
ка ХАМАС
в Израиле*

запустила цепь событий, которые грозят вылиться в крупную региональную войну с разрушениями и потерями для всех ее участников. Сектору Газа уже нанесен значительный ущерб из-за тесного переплетения военной и гражданской инфраструктуры. Теперь все глаза устремлены на полыхающую границу Ливана и Израиля, где в любой момент может начаться еще более масштабная и разрушительная война, а также в сторону Йемена, который парализовал коммерческое судоходство в Красном море. На всех этих направлениях ситуация выглядит тупиковой. И за всеми этими конфликтами угадывается силуэт Ирана. К чему приведут эти войны?

Когда запущена машина насилия, ее участникам приходится реагировать на те или иные события. И даже если все они не заинтересованы в полномасштабной войне, в итоге они могут быть втянуты в нее помимо своей воли — просто по инерции.

Роман

Янушевский

Хронология событий

Рано утром 7 октября 2023 года, в шаббат и израильский религиозный праздник Симхат Тора, исламистское движение ХАМАС, которое в ряде стран считается террористической организацией, начало неспровоцированный массированный ракетный обстрел израильской территории. Затем боевики спецподразделения ХАМАС «Нухба» одновременно в десятках точках прорвали пограничные заграждения и вторглись в Израиль, где устроили бойню в приграничных районах, захватив там поселки и городки, безжалостно убивая, насилуя, расчлняя еще живых людей или сжигая их заживо в своих домах, а выживших уводя в плен в Газу.

Несмотря на оказанное тут и там сопротивление, силы были неравны. В итоге за один день погибли более 1200 израильтян и граждан других стран, не менее 253 человек были похищены. Это стало крупнейшим палестинским мегатерактом в истории Израиля и самой массовой гибелью евреев за сутки — с событий Холокоста.

Достаточно быстро стало очевидно, что к этой атаке причастен Иран, который как минимум помогал тренировать боевиков «Нухбы», предоставлял ХАМАС логистическую, финансовую и военную поддержку. В некоторых роликах, снятых и опубликованных террористами ХАМАС 7 октября, на заднем фоне слышны фразы на фарси.

В конце декабря депутат иранского меджлиса Моджтаба Тавангар сообщил в соцсетях, что ликвидированный в Сирии генерал КСИР Реза Мусави был одним из организаторов атаки ХАМАС. Затем ответственность за нее взял на себя Корпус стражей исламской революции в Иране, заявив, что нападение 7 октября стало ответом на ликвидацию США в Ираке командующего иранского спецподразделения «Кудс» Касема Сулеймани тремя годами ранее.

Параллельно хамасовской атаке уже в первые дни войны Израиль стал подвергаться обстрелам со стороны проиранских группировок в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене, которые фактически открыли отдельные фронты против еврейского государства.

Ливанская шиитская группировка «Хезболла», которая является самым

крупным иранским заграничным «активом», 8 октября создала постоянный очаг напряженности на границе Ливана и Израиля, что вынудило более ста тысяч человек по обе стороны границы покинуть дома. До сих пор каждый день боевики «Хезболлы» обстреливают Израиль при помощи РПГ, минометов и ракетных установок, а также запускают беспилотники. Ответными атаками и в результате точечных ликвидаций Израиля уничтожено более 150 боевиков группировки.

19 октября проиранская группировка «Ансар Аллах» (хуситы), захватившая власть в Йемене, объявила о поддержке войны ХАМАС в Газе. Хуситы стали атаковать коммерческие суда, которые, по их мнению, направляются в Израиль или из Израиля. Их атаки в Красном море привели к тому, что крупнейшие судоходные компании отказались от использования этого маршрута. Это повысило стоимость международных перевозок — из-за увеличения премии за страхование грузов, а также возросших расходов на их доставку — судам приходится теперь идти в обход, огибая Африку.

18 декабря США начали военную операцию «Страж процветания» против йеменских хуситов. К операции присоединились: Великобритания, Франция, Канада, Италия, Нидерланды, Норвегия, Испания, Бахрейн, Австралия, Греция, Сейшельские острова и другие страны. После серии предупреждений хуситам, которые были проигнорированы, в ночь на 12 января силы международной коалиции начали наносить удары по объектам военной инфраструктуры «Ансар Аллах», открылся новый фронт.

Никита СМАГИН:

«Иран — условный кукловод»

Немало экспертов, в том числе члены разведсообщества, сходятся на том, что Иран разработал план нанесения одновременного удара по Израилю с использованием созданных им милиций в ряде стран региона: в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене. Однако, по всей видимости, в ближайшее время этот план полноценно применен не будет.

«Пока рано говорить о региональной войне, это слишком громкое слово для разворачивающихся событий, — считает Никита СМАГИН, востоковед и автор telegram-канала «Дежурный по Ирану», три

года работавший в Иране. — Но то, что происходит в Газе, — это да, скорее прокси-война полувоенных организаций, которые периодически инициируют столкновения и конфликты».

По его мнению, события, которые происходят в последние месяцы вокруг Израиля, — это активизация иранской региональной политики, но при этом Иран четко и последовательно воздерживается от прямой конфронтации с США и Израилем, которых он рассматривает как единого противника. При этом Иран видит и использует возможность усложнить жизнь США и Израиля в регионе. В связи с чем силы, которые связаны с Ираном, начинают оказывать давление на еврейское государство по различным направлениям — это и удары «Хезболлы» по израильской территории, это и попытки обстрела Израиля из Сирии и Ирака, и обстрелы военных баз и объектов США в этих странах, это и активизация действий йеменских хуситов, которые сначала пытались наносить символические удары по Израилю, а теперь атакуют и захватывают торговые суда.

соцсети

— Можно ли сказать, что в данной ситуации Иран выступает в качестве кукловода?

— Это очень условный кукловод. У каждой из союзнических сил своя повестка и свои интересы. Только «Хезболла» напрямую координирует действия с Ираном, и еще некоторые группировки в Сирии. Те же проиранские милиции в Ираке и хуситы в Йемене сами определяют свое поведение. Иран скорее подсказывает им и помогает, но решения они принимают самостоятельно, а Иран лишь координирует их деятельность.

Мрачный силуэт Ирана

— Почему «Хезболла» атакует Израиль именно в таком виде — регулярно, но аккуратно и стараясь не перегибать палку?

— Судя по всему, за последние 30 лет эта организация выросла и стала больше, чем просто военизированная структура. У нее множество интересов в Ливане — политических, экономических. Из-за чего ее поведение стало более рациональным. Теперь ей есть что терять.

Кстати, Иран как государство в этой связи имеет еще больше оснований для рационального поведения. Конфликт с Израилем для него — не единственный. И иранская элита прежде всего заинтересована в собственном выживании и в выживании режима. Потому выбрана стратегия давления. При этом стараются не пересекать черту, за которой появляется угроза уничтожения «Хезболлы» либо угроза прямого столкновения с Ираном.

— Где проходит эта черта?

— «Хезболла» увидела, что ей необходимо обозначить свое участие в конфликте, потому она наносит удары. С другой стороны, ей важно не вынудить Израиль и США начать вторжение в Ливан или нанести полномасштабный удар по Ливану.

— В силовых структурах Израиля уверены, что война с «Хезболлой» неизбежна, это просто вопрос времени. Вы согласны с такой точкой зрения?

— Не уверен, что это так в краткосрочной перспективе. Израиль прибегает традиционно к стратегии сдерживания. Она заключается в том, что обозначаются некие красные линии, после пересече-

bizmedia.kz

ния которых наносится мощный и непропорциональный удар по противнику. Соответственно, если «Хезболла» наносит серьезный удар по Израилю, нарушив эти красные линии, Израиль отвечает мощными ударами по объектам группировки. Эта стратегия работала очень эффективно десятки лет, например, в Сирии. Как только «Хезболла» или Иран подходили слишком близко к границе, по ним следовал удар. Но после атаки 7 октября эта стратегия уже не так хорошо работает. За ударом следует более сильный контрудар, так идет постепенное нарастание. Это может привести к полномасштабной войне, ситуация незаурядная. Может привести, но не обязательно приведет.

— Насколько трезво в «Хезболле» понимают эти риски?

— И в «Хезболле», и в Иране прекрасно понимают, что сейчас война им не нужна. Но воронка насилия не предполагает, что будет какой-то красный рубеж, после которого все изменится. Война может наступить постепенно. Поведение «Хезболлы» и Ирана рационально, и у них достаточно оснований, чтобы в какой-то момент остановить конфронтацию. Но все несколько сложнее, чем просто

очерчивание красных линий. Есть ответ Израиля, который необходимо воспринимать и на который нужно реагировать. Главная проблема не в отсутствии рациональности, а в том, что воронка насилия очень медленно погружает регион в конфронтацию.

— Координировал ли ХАМАС атаку с Ираном?

— Непосредственной координации, судя по всему, не было. Иран скорее помогал ХАМАС в постоянном режиме, тренируя боевиков и оказывая военную помощь. Но конкретная операция группировки стала для Тегерана сюрпризом по последствиям. Тегеран понимал, что что-то подобное готовится, но никто не верил, что ХАМАС способен добиться такого эффекта, как он добился 7 октября. И вот это стало сюрпризом.

После нее Иран начал менять свои подходы и разработал новую стратегию — с одной стороны, избегать прямой конфронтации, с другой — обозначать поддержку Движения сопротивления (в которое входят все его прокси-силы) палестинцев и параллельно давить на Израиль и США, потому что это подходящий момент.

— Не может ли быть война в Газе и эскалация конфликтов с участием иранских прокси-сил в регионе отвлекающим маневром Ирана для ускорения своей ядерной программы — ведь всем сейчас не до нее?

— Иран постепенно увеличивает уровень обогащения урана и наращивает количество обогащенного урана, но какой-то информации, свидетельствующей о том, что он ускорил свою ядерную программу на фоне сложившейся ситуации, нет. Наращивание ведется в прежнем режиме. Общая стратегия Ирана — не получить ядерное оружие, а создать условия, когда вопрос получения этого оружия станет вопросом нескольких месяцев, если будет принято решение. То есть стать пороговым государством.

— Если такое решение иранское руководство примет, не факт, что оно станет объявлять о нем, зачем привлекать к себе лишнее внимание?

— Сейчас достаточно актуальной информации по иранской ядерной программе, на местах работают наблюдатели, пусть их и стало меньше. Более-менее ясно, что Иран делает в данный момент и куда движется. Он превращается в полноценное пороговое государство, как Япония, но нет свидетельств, что именно разрабатывает ядерное оружие.

Ксения СВЕТЛОВА:

«Ружье на стене выстрелит, вопрос в том, чей выстрел будет первый»

Израильский арабист и старший научный сотрудник института Atlantic Council в Вашингтоне, в прошлом депутат Кнессета, автор telegram-канала «Восточный синдром», Ксения СВЕТЛОВА считает, что война Израиля и Ливана неизбежна — даже если на данном этапе «Хезболла» не заинтересована в расширении эскалации.

— Это не моя оценка. Это то, что мы слышим от военной разведки АМАН, от ШАБАКА и «Моссада» уже несколько лет. Непременно будет война на севере — не только с «Хезболлой», но и с иранскими прокси в других странах. Но когда точно это случится, мы сказать не можем. Сейчас понятно, что Израиль не заинтересован в том, чтобы делать первый выстрел. Это можно было бы сделать

Соцсети

давным-давно и приблизить все к неизбежной развязке.

Но то, что над границей нависает мощная враждебная сила, которая настолько хорошо вооружена, — это то самое ружье на стене. Оно обязательно выстрелит. Вопрос лишь в том, кто сделает первый выстрел.

«Хезболла» утратила фактор неожиданности 7 октября. Потому что после атаки ХАМАС стало ясно, что Израиль начнет стягивать силы к границе. Что касается нынешних обстрелов, то в нашем представлении — это такой обмен любезностями. Еще не повод для войны.

Предупреждения о предстоящей войне с «Хезболлой» я слышу уже много лет. Например, когда была депутатом Кнессета с 2015 по 2019 год. Силовые структуры были встревожены планами группировки и настаивали на том, что этой войны не избежать. Вопрос лишь в том, как мы в нее войдем, кто сделает первый выстрел и к какому результату должен стремиться Израиль.

— Какова роль Ирана в войне в Газе?

— Наши разведывательные службы продолжают еще собирать информацию, чтобы сложилась полная картина, как именно был задействован Иран и кого именно тренировали. ХАМАС очень хочет, чтобы мы поверили, будто бы никто, даже Катар, не был детально посвящен в его планы. Отчасти, возможно, это правда. Не знали, что это произойдет именно 7.10. Но я убеждена абсолютно — из того, что известно о подготовке, о взаимодействии сил, о случайных заявлениях иранских лидеров, которые затем пытались объяснить иначе, — элемент тренировки ХАМАС был. О дате не знали, но знали, что что-то планировали, и активно в этом участвовали.

Что иранские инструкторы бывают в Газе — это тоже не новость. К тому же слаженные и скоординированные дей-

ствия ХАМАС 7 октября — это не то, что отличает эту группировку. То есть они прошли отличную тренировку. В чем участвовал не только Иран, но и «Исламское государство» (*ИГ запрещено в РФ. — Ред.*). С 2014 года ХАМАС учился у этой группировки на Синае, там было тесное сотрудничество. Палестинские исламисты анализировали захват ими Мосула, Ракки и других городов.

Египтяне были в бешенстве. Израиль был посвящен и даже помогал египтянам бороться с «Исламским государством», нанося с египетского разрешения авиаудары по позициям боевиков на севере Синайского полуострова. Египет, разумеется, этого не подтверждает, но об этом писали достаточно много.

Сотрудничество с Ираном для ХАМАС тоже важно, потому что это государство, которое в данный момент возглавляет антиизраильский блок международного джихада. Тем более что у Ирана в бюджете есть статья расходов на поддержку «Исламского джихада» и других проиранских милиций.

Ранее ХАМАС опирался на поддержку различных организаций в Саудовской Аравии, но по мере того, как этот источник дохода стал иссякать, в группировке начали искать новых покровителей. А Иран как раз создает антиизраильские форпосты в ряде стран региона — в Сирии, Ираке, Йемене. ХАМАС не был создан при поддержке Ирана, но вполне вписался в этот формат. Иран играет значительную роль в координации действий с другими группировками, оказывает финансовую помощь, помогает оружием и разработками.

В данный момент нет полной информации о сотрудничестве Ирана с ХАМАС до 7 октября. Израильская военная разведка по мере продвижения в Газе и захвата оперативных штабов ХАМАС получила доступ к огромному массиву данных — миллионы документов, фотографий, записей, и все их необходимо еще «переварить». Только это может дать точный ответ на вопрос, что именно знали в Иране и Катаре по поводу готовящейся атаки.

Работу игиловских инструкторов выдает образ действий палестинских боевиков 7 октября. Но тут еще и грамотная логистика, сбор разведанных, технологии БПЛА. Пока это на уровне предположения, но высока вероятность, что тут не обошлось без Ирана.

Мрачный силуэт Ирана

— Есть другие государства, которые могут быть причастны к подготовке мегатеракта 7 октября?

— В Сети гуляет много предположений по поводу участия России и Китая, но мы не видели ни одного достоверного донесения разведки, которое напрямую бы убедительно раскрывало существование подобного сотрудничества. Только сливы, полунамеки и косвенные доказательства. То, что в Газе нашли советское и российское оружие, это ничего не доказывает, потому что оно есть у всего Ближнего Востока.

Еще работая журналистом, я освещала и отслеживала тему контактов ХАМАС с Россией. И у меня всегда было ощущение, что эти контакты очень поверхностные. Там нет глубоких интересов. Москва дает низкий приоритет палестинской тематике. Да, предлагали идею созыва мирной конференции. Это было в 2005 году. До сих пор собирают. Москве палестинцы не особо интересны. Это не Сирия, где можно зацепиться территориально. Там нет крупных запасов полезных ископаемых. Это не большая рыба, которая может служить российским интересам. А потому помощь скорее символическая, и она часто идет даже не в Газу, а в Рамаллу.

Эти контакты важнее для палестинцев, чем для россиян. Некая эмоциональная связь с прошлым, голосование в Совете Безопасности ООН против Израиля — одни сантименты. Обещали им БТРы, но они так и не доехали в Рамаллу. Пробки, наверное. Что касается визитов ХАМАС в Москву, то это скорее церемониал, они абсолютно пустые. Но это столица мировой державы с правом вето в ООН, поэ-

тому в ХАМАС очень ценят это. В итоге они как будто становятся вровень с Абу Мазеном.

Да, с началом войны Россия воспользовалась ситуацией, обернув ее в свою пользу. Она попыталась привлечь на свою сторону арабские народы, которые критически относятся к США и Израилю, выступая против Израиля.

Поддерживая контакты с ХАМАС, Россия считает, что репутационно ничего не теряет. И это удобно — есть контакты со всеми ключевыми игроками на палестинской арене. Если будет переворот, Москва уже дружит с ХАМАС.

Но я бы не стала проводить прямую линию от этой точки до помощи в подготовке теракта. Не вижу никаких индикаций этому. Что-то бы уже обязательно всплыло.

То же касается и китайского оружия, найденного в Газе. Не надо преувеличивать. Это крупный мировой экспортер оружия, который не может контролировать все свои партии. В сектор Газа оно поступает через подземные туннели на границе с Египтом из Ливии и Судана. А там какого только оружия нет.

— Почему «Хезболла» до сих пор не начала полномасштабную войну против Израиля?

— Причин несколько. Во-первых, утрачен фактор неожиданности. Мы знали про планы этой группировки захватить израильские населенные пункты, это был сценарий, разработанный для «Хезболлы», но именно ХАМАС осуществил его на практике. Когда треть израильской армии развернута на севере страны и будет находиться там, по всей видимости, еще долго, момент утрачен.

Во-вторых, война начнется в тот момент, когда это будет выгодно Ирану. Ливану — стране, которая проваливается сама в себя, не нужна разрушительная война. В Иране же понимают, что сейчас, когда в регионе появились американские авианосцы, США поддержат Израиль. Хотя ударом и будет нанесен ущерб еврейскому государству, в итоге пострадает Иран — как пострадала Газа.

Защищать ХАМАС же вовсе не обязательно. Эта группировка и во время операции «Страж стен» в 2021 году надеялась, что «Хезболла» ее поддержит, но она тогда постреляла символически, и на этом все закончилось.

Иран бережет «Хезболлу» для более значимых для него событий. Если будет крупный кризис внутри Ирана или война с ним, шиитская группировка подключится непременно.

А сейчас «Хезболлу» уже все устраивает. Израиль эвакуировал население на севере — «сионисты бегут». Поэтому ливанская группировка старается не нарушать красные линии. Собственно, как и Израиль. Как бы парадоксально это ни звучало, но нынешний формат противостояния «Хезболлы» и Израиля устраивает обе стороны.

Внутри Ливана звучит острая критика в адрес «Хезболлы» с требованием не раскачивать ситуацию. В ней участвуют даже представители шиитского политического лагеря. И сама группировка старается ходить по острию ножа, но не срываться с него. Огромные средства были инвестированы в Южный Ливан — в бункеры, туннели, пусковые установки. Юг Ливана — это и есть территория «Хезболлы». Она не хочет все это потерять.

— Какова вероятность того, что переговоры при американском посредничестве приведут к подписанию соглашения о демаркации сухопутной границы между Ливаном и Израилем?

— Я считаю такую вероятность низкой, потому что это потребует серьезных уступок от Израиля. Например, оспариваемый Ливаном участок на горе Дов для армии крайне важен как стратегическая точка обороны страны. Если ее уступить, именно с нее нас будут в дальнейшем расстреливать с нулевого расстояния.

Ситуация с переговорами по границам отличается от того, что было в 2022 году, когда подписали соглашение по демаркации морских границ. Тогда это было выгодно Ливану — он смог начать разработку морских недр. В море не было присутствия «Хезболлы». Так что с ее точки

AFP

зрения, ее согласие на подписание соглашения — это небольшая уступка, призванная укрепить пошатнувшийся статус группировки в Ливане. Тогда были массовые протесты против нее.

Основная проблема — это то, что «Хезболла» находится слишком близко от границы с Израилем. Хотя в резолюции ООН 1701 зафиксировано, что ее боевики должны отступить за реку Литани, которая протекает в 19 километрах от границы, этого сделано не было. Из-за близости к границе сейчас шиитские боевики используют ручные гранатометы для обстрела израильских поселков.

Максим ЖАБКО:

«Хезболла» не настроена на полномасштабную войну»

«Хезболла», главный союзник Ирана, ведет с Израилем войну на малых оборотах. Каждый день она инициирует обстрелы своего южного соседа. Несмотря на мощный ракетный потенциал — более 150 тысяч ракет различной дальности и точности и минометных снарядов, — она тем не менее

воздерживается от полномасштабной войны. Востоковед-арабист Максим ЖАБКО, специалист по Ливану и автор telegram-канала Junger Orientalist, объясняет почему.

соцсети

— Каково участие оси сопротивления в организации атаки 7 октября на Израиль?

— Эту атаку организовал и спланировал ХАМАС при поддержке Ирана, но та была, скорее всего, косвенной — финансовой, технологической, тренировка боевиков. Независимых доказательств прямого иранского участия в ней на данном этапе нет.

— Для чего она была нужна?

— Есть много версий и причин.

Чтобы сорвать нормализацию Израиля с Саудовской Аравией. Чтобы вернуть арабо-израильский конфликт на повестку. По всей видимости, ХАМАС не рассчитывал на такой успех. Ожидалось, что многие боевики, принимавшие участие во вторжении, погибнут. Еще одна версия — ХАМАС хотел спровоцировать Израиль на крупную операцию в секторе Газа, чтобы ослабить его дипломатические позиции. Возможно, расчет был на то, что удастся убить и захватить много заложников, и Израиль не решится на сухопутную операцию, ведь он ее много лет избегал. Ну а заложников можно обменять на палестинских заключенных, отбывающих наказание в израильских тюрьмах. Чтобы нанести психологический удар по Израилю. Чтобы укрепить свои позиции как единственной палестинской фракции, которая занимается вооруженной борьбой, пока ФАТХ сотрудничает с Израилем на Западном берегу.

Мрачный силуэт Ирана

— В самом начале войны прошло сообщение о том, что на одной из встреч с иранцами и «Хезболлой» лидеры ХАМАС сообщили о намерении атаковать Израиль. Насколько это достоверно?

— Встречаться — это вполне возможно, периодически такие встречи проводятся. Но не факт, что данная конкретная встреча была связана с подготовкой к 7 октября. С другой стороны, в последние пару лет «Хезболла» и другие проиранские группировки продвигают концепцию единства фронтов — если наносится удар по кому-то из участников оси сопротивления, остальные тоже вовлекаются в борьбу. Более того, весной 2023 года в Бейруте был организован оперативный координационный штаб с участием ХАМАС и «Хезболлы».

— Если так, почему до сих пор «Хезболла» не начала полномасштабную войну с Израилем, а вместо этого предпочитает только покусывать его?

— Предположительно, ХАМАС начал войну, получив только самое общее «добро» от Ирана и «Хезболлы». В целом Иран не считает, что задеты его экзистенциальные интересы, а потому рано переворачивать стол. «Хезболла» нужна ему как фактор сдерживания против Израиля и США, чтобы те не разбомбили иранские ядерные ракеты. В Тегеране опасаются, что в войну могут вступить США, а за этим последуют удары по стратегическим объектам Ирана. Это как раз то, чего в Тегеране так пытаются избежать.

Поэтому генеральный секретарь «Хезболлы» шейх Хасан Насралла неоднократно в своих речах подчеркивал, что

7 октября — это война палестинцев, а его группировка только поддерживает их, она выполняет вспомогательные функции сдерживания Израиля.

— Как в Ливане относятся к перспективе полномасштабной войны с Израилем?

— Многие политические партии — не только противники, но даже и некоторые союзники «Хезболлы» выступают против того, чтобы эта шиитская группировка втягивала страну в войну. Внутренняя ситуация в Ливане не способствует ее популярности. Против войны выступают партии «Катаиб», «Ливанские силы» и близкие к ним христианские и суннитские депутаты ливанского парламента, «Прогрессивно-социалистическая партия» династии Джумблатов. Последняя дружеская партия обычно дружелюбна «Хезболле», но они прагматичны, а потому позиция у них двойная. С одной стороны, они хвалят «Хезболлу» за защиту Ливана от израильской агрессии, с другой, говорят — не дайте Израилю втянуть себя в войну.

«Свободное патриотическое движение», главный христианский союзник «Хезболлы», с самого начала выступало против войны. И так далее.

В Ливане понимают, что если будет война, это приведет к непредсказуемым внутривосточным последствиям. Многие недовольны гегемонией «Хезболлы» в политической жизни страны, и тут складывается ситуация, когда эта группировка втягивает Ливан в разрушительную войну, но не в интересах Ливана, а в интересах Ирана, как считают многие.

До сих пор сложно сказать, какова будет поддержка «Хезболлы» среди шиитов, на которых она обычно опирается. Это именно они живут на юге Ливана, который в случае войны примет на себя главный удар.

И на фоне тяжелейшего экономического кризиса непонятно, как восстанавливать страну после такой войны — у правительства нет денег. По мнению многих экспертов, если после Второй ли-

ванской войны в 2006 году многие страны Персидского залива были готовы предоставить финансирование на восстановление Ливана, то сейчас совсем не факт, что это случится. Иран тоже вряд ли даст денег.

— США пытаются урегулировать конфликт между «Хезболлой» и Израилем дипломатическим путем. Какова вероятность успеха?

— Сложно сказать. В одной из последних речей Насралла намекнул на то, что есть исторический шанс вернуть спорные территории после завершения войны в Газе. В поддержку переговоров выступает множество ливанских политиков: спикер парламента Набих Бери, премьер-министр Наджиб Микати, а также патриарх маронитской церкви Бешар ар-Раи. Все они говорят, что Ливан привержен переговорам, они поддерживают соблюдение резолюции Совета Безопасности ООН 1701 от 2006 года.

— Для Израиля это означает отвод сил «Хезболлы» из приграничных районов. А что они имеют в виду?

— Они имеют в виду, что Израиль должен уйти из 13 спорных точек на ливано-израильской границе — там не ясно, где она проходит. И вдобавок к этим точкам еще две спорные территории — гора Дов (фермы Шебаа) и северная часть деревни Раджар, которая разделена границей на две части. Таким образом, всего точек 15.

В данный момент «Хезболла» не настроена на переговоры. Ее официальная позиция — мы в них вступим, когда закончится война в Газе.

Необходимо учитывать фактор расчетов израильского руководства. Правительство не готово возвращать людей в приграничные районы, если есть угроза повторения 7 октября на севере страны. То, что случилось, потрясло всех, и Израиль больше не готов рисковать. Возможно даже, если не получится договориться, есть смысл решать вопрос военным путем — здесь и сейчас, — пока армия готова, а общественное мнение поддерживает это.

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

«Хезболла» не настроена на неконтролируемую войну. Она не была готова в 2006 году (когда провокация ее боевиков спровоцировала Вторую ливанскую войну), сейчас она готова еще меньше, потому что у нее сейчас гораздо больше влияния на Ливан, и рисковать этим она не хочет. В прошлом в Ливане предпринимались попытки разоружить «Хезболлу», на нее оказывалось давление.

— А нет ли у нее соблазна воспользоваться ситуацией и совершить военный переворот, чтобы избавиться от любых мешающих ей условностей?

— Исключено. История Ливана показывает, что необходимо договариваться. У центрального правительства недостаточно ресурсов, чтобы навязывать свою волю. А внутри общества — большой антагонизм. Хотя формально «Хезболла» в данный момент не контролирует ни одно министерство, она пользуется огромным влиянием в политике Ливана. Ей не нужно открыто захватывать власть. У этого шага слишком высокая политическая

цена, а выгоды не очевидны. «Хезболла» достаточно комфортно ощущает себя в нынешней системе. Она спокойно занимается контрабандой оружия и наркотиков, периодически убивает политических оппонентов и несет меньше ответственности. Если «Хезболла» захватит власть, Ливану будет сложнее получать иностранную помощь, в которой он сильно нуждается, от США, Франции и других стран.

— Если Ливан и Израиль договорятся, примет ли это «Хезболла»?

— Как и в истории с соглашением о демаркации морских границ, если оно достигнуто, то «Хезболла» дала на это зеленый свет. Либо она просто тихо зарубит инициативу.

— Можно ли сказать, что на данном этапе полномасштабная война предотвращена?

— Думаю, что да. «Хезболле» есть чем заниматься помимо противостояния с Израилем. Она активно занимается международной наркоторговлей.

— Что касается Йемена, какова вероятность разрешения конфликта с хуситами?

— Пока низкая. Не думаю, что появится международная коалиция, которая попытается свергнуть хуситский режим в Йемене. Мы видели попытки Саудовской Аравии, которые ни к чему не привели. Недостаточно превосходства в авиации. Там необходимо проводить наземную операцию. Это гигантская горная страна. Никто не захочет ввязываться в такую войну. Так что хуситы пока остаются с нами. Когда война в Газе закончится, по всей видимости, и они прекратят нападения.

*Роман Янушевский,
Тель-Авив*

Где ваша честь?

СУДЫ СТАЛИ ИГРАТЬ РОЛЬ НОТАРИУСА
ПРИ СЛЕДСТВИИ. ИХ ПОЧЕМУ-ТО
НЕ ОСКОРБЛЯЕТ НЕУВАЖЕНИЕ
К НИМ ОБВИНИТЕЛЕЙ

Татьяна
Брицкая

В 2016 году банкир Сергей Пугачев получил два года тюрьмы — к такому сроку Высокий суд Лондона приговорил экс-сенатора, основателя Межпромбанка. Россиянину вменялось неуважение к суду: дача ложных показаний, «полное пренебрежение к распоряжениям суда», сокрытие сведений о своих активах — всего 12 эпизодов. Пугачев в тюрьму не попал — выехал из страны (также в нарушение распоряжения суда). Но срок получил максимальный из возможных.

А вот история из России конца 2023-го. Прокуратура присылает в Головинский суд Москвы апелляционное представление. В нем указано, что, хоть суд первой инстанции и назначил подсудимому то, что просила прокуратура, теперь она передумала, а судья мог бы и сам догадаться, что обвиняемый заслуживает большего, чем скромный штраф. Дали бы сразу года три! Ну и что, что гособвинитель не просил, — нужно уметь читать мысли.

Оскорбительно? Безусловно. Но представление принимают и направляют в вышестоящую инстанцию для рассмотрения (а не возбуждают производство о неуважении к суду). Речь о деле Олега Орлова — правозащитника снова хотят посадить, заместитель Головинского межрайонного прокурора Ступкин потребовал для него реальный срок. Несмотря на то что месяцем раньше его коллега прокурор Кильдишева в прениях просила приговор в виде штрафа — его и получил правозащитник.

Казус беспрецедентный, но пока комментаторы рассуждают о сложных отношениях внутри самой прокуратуры, стоит подумать, в какую экзотическую позу прокурорский выверт ставит Мосгорсуд. В самом деле: соберется коллегия, будут всерьез слушать, что людям в мантиях пора бы уже научиться читать мысли прокуроров, что второй инстанции придется рассмотреть отягчающие обстоятельства, которых не было ни в речи гособвинителя, ни даже в уголовном деле, состряпанном следователем Савченко, что суд должен взять на себя функцию инквизиции — и самостоятельно искать и нахо-

дить доказательства орловской «ереси». И могут посадить в итоге — отчего ж нет? Могут. Хотя в «нормальном мире» вопросы у суда могли бы возникнуть к самому Ступкину.

В российском законодательстве есть статья о неуважении к суду. Но она весьма узкая: прямое оскорбление участников судебного разбирательства, судьи или присяжного заседателя. Это уголовка, есть и административная ответственность — штраф. За год дел по этим статьям набирается чуть больше сотни. Самое громкое — дело против Навального, возбужденное «по совокупности», — за десяток замечаний, вынесенных ему судьей Акимовой. Из всего массива дел вы с трудом найдете несколько, где за неуважение к суду привлекли к ответственности сторону обвинения. Оно у нас, напомню, государственное.

За что штрафуют обычных граждан? Вот примеры из реальных дел: сторона арбитражного процесса не явилась в суд, су-

изобразили с незавязанными глазами) стала опорой режима, штампуя репрессивные приговоры и становясь на сторону госорганов, чьи решения граждане пытаются обжаловать. Но хребет государства и подпорка режима — разные вещи.

В России за 2022 г. доля оправдательных приговоров составила 0,33% — один на каждые 300. Это следует из статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ. Всего за год было осуждено около 614 725 человек, оправдательные приговоры получили порядка 2060 подсудимых.

Означает ли это непогрешимость прокуроров? Их блестящий уровень? Нет, хотя рекорд зарегистрировать, конечно, можно. Это, увы, означает, что суд уже превратился в нотариат следствия, утратив свою независимость. По крайней мере, суд уголовный. На чем я основываюсь? Да на качестве дел! Вы посмотрите, что они несут в суд.

Возьмем дело Беркович и Петрийчук. Идет даже не процесс по существу, а все-

В России за 2022 г. доля оправдательных приговоров составила 0,33% — один на каждые 300. Всего за год было осуждено около 614 725 человек, оправдательные приговоры получили порядка 2060 подсудимых

дь предъявили документы без пояснений и расчетов (усложнив его работу), сторона составила свои пояснения без нумерации страниц и приложений, заявила суду три отвода подряд (затягивает процесс!). А вот, наконец, и штраф прокурору — 500 р. за смех в зале.

Да, смех суды не любят, за него часто грозят удалением с заседаний. В том же процессе над Орловым публике запрещали еще и улыбаться. Недавно выяснилось, что аплодисменты тоже под запретом — за них из суда над Сочиленко удалили публику, прервав прения.

В английском суде статья о неуважении к правосудию применяется нередко. Вон Дерипаску весной чуть по ней не посадили. Английский суд — основа государственности. Его оскорбление оскорбляет державу. Но и российский тоже, причем не только в конституционном смысле. Фемида (с трогательной честностью на здании Верховного суда ее, как известно,

го лишь заседание по определению меры пресечения на время следствия. То есть юридически арестованные невиновны. Следователь настаивает на обратном, всякий раз притаскивая в суд экспертизу «деструктолога Силантьева», утверждающую виновность женщин. Минюст (не адвокаты!) давно составил бумагу, в которой указано: документ Силантьева антинаучен. И экспертизы такой нет в природе, и науки деструктологии нет. Но следствие все равно ходит в суд с Силантьевым под мышкой, а суд штампует продление ареста. У следователя есть второй аргумент: ему надо допросить свидетелей, пока обвиняемые за решеткой. За полгода так и не успел. Ни одного. Суд не считает это затягиванием дела и неуважением к Фемиде. Суд продлевает арест.

Зачем он это делает? По звонку? Или по убеждению? Оба варианта равно далеки от правильного, потому что верно было бы судить по закону. «Честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым» — это из присяги судьи. Так не оскорбляет ли суд поведение самих судей, имеющее крайне мало отношения к этим прекрасным словам?

По статистике судебного департамента, в 2022 году суды рассмотрели 5442 протокола по статье о «дискредитации», оштрафовав 4440 человек на 151,3 миллиона рублей. К тому же, по данным Генпрокуратуры, возбуждено 180 уголовных дел по статье о «фейках». Количество приговоров по ней в 2023 году выросло на треть, только в первом полугодии приговор вынесли 21 человеку (за весь 2022 год приговорили 14 человек). Начали выносить реальные сроки по повторной, то есть уголовной, «дискредитации» российской армии.

Говорит ли обвинительный уклон правосудия о блестящей подготовке дел такого рода следствием? Нет! В разных регионах дискредитацией считают разные вещи: где-то вас посадят за цвет штанов, а где-то разрешат постоять с плакатом. Что говорит о неустойчивости состава наказуемого деяния. О том, что правоприменители сами не понимают, за что хватать, а законодатель не прописал дефиницию в кодексах. Но тогда откуда столько обвинительных решений? Не оскорбительно ли для судьи, когда ему приходится штамповать штраф за белый лист бумаги в руках пикетчика? За «молчаливый протест»? За цветы у памятника? За украинскую песню? За «Не убий!» в проповеди? Не стыдно?

Из субъекта права суд стал исполнителем, объектом. Недавно министр юстиции Чуйченко хвалился с трибуны, что только двум «иноагентам» удалось оспорить свой статус в судах, да и то во второй инстанции решения не устояли. Значит ли это, что Минюст блестяще до-

Где ваша честь?

казывает свою позицию? А он ее вообще порой не доказывает.

В административных делах бремя доказывания лежит на ответчике — госоргане. Но он молчит или вяло мямлит. В деле по такому иску Дмитрия Муратова* Минюст письменно сослался на девять видеодо-

казательств его «иноагентства». А в судебном деле оказалось всего две видеозаписи. На которых даже не было указано, кто и когда их сделал, — то есть даже то, что донесли до суда, не заморочились оформить должным образом. На вопрос, где остальное, представитель ведомства пожал плечами. И суд — съел. Нет частного определения от судьи Хайретдиновой

*Признаны Минюстом РФ «иноагентом».

в адрес ответчика, нет слов о неуважении к суду, хотя что это, если не оно?

А в деле Даниила Губарева* Минюст в суде в качестве доказательств «иноагентства» заявил нахождение истца за границей. Судья Кашимовскому пришлось напомнить чиновникам, что это — конституционное право любого россиянина, а «предположения и домыслы не могут быть положены в основу решения суда». Но суд второй инстанции оказался менее принципиален и минюстовскую аргументацию проглотил, отменив справедливое решение Кашимовского (то самое — одно из двух, упомянутых министром).

А когда Верховный суд лишил лицензии СМИ сайт «Новой газеты», в основу решения судья Кириллов положил то, что редакция исполнила решение другого суда, а Минюст — нет (журналисты не промаркировали как «ИА» организацию, исключенную из этого реестра судебным решением, а Минюст его не исполнил и из реестра ее не удалил). Но вместо частного определения в адрес Минюста Кириллов вынес решение о лишении медиа лицензии.

Кадр из видео

Эксперт Крюкова

Вернемся к делу Орлова, оно весьма показательно. Прокуратура принесла в суд первой инстанции два доказательства: экспертизу и допросы двух свидетелей, не знакомых с подсудимым. Оба допроса совпали до запятой. Но суд — съел и даже не вызвал на допрос следователя, чтоб поинтересоваться таким феноменом. Второе доказательство — экспертиза Крюковой и Тарасова, учителя математи-

ки и переводчика. Они составили лингвистическую экспертизу текста подсудимого, в которой было около 60 грамматических ошибок, здоровенные куски плагиата и строго запрещенная экспертам пленумом Верховного суда юридическая оценка действий Орлова. Можно ли допустить, что сторона, позволившая себе такие «доказательства», уважает суд? Но суд — съел.

Кстати, так делают не все. Осенью Шуйский городской суд Ивановской области исключил из уголовного дела местного блогера Сергея Веселова пять психолого-лингвистических экспертиз тех же Крюковой

и Тарасова, указав на их безграмотность и неотносимость к процессу. При этом в экспертизе по Орлову специалисты увидели копия из заключений по Веселову.

Но он в деле остался.

Крюкова и Тарасов — эксперты-многостаночники, любимые следствием по политическим делам. Согласно официальному заключению Минюста, они не обладают компетенциями для проведения подобных исследований. Но продолжают компилировать под нужды заказчиков психолого-лингвистические экспертизы. А следствие и прокуратура продолжают носить их в суды.

Адвокат Любовь Благушина, чья судебная практика пришлась на советские, позднесоветские и постсоветские годы, в интервью замечала, что судебная система превратилась в придаток государственной власти. По ее версии, судьи осознанно встают на сторону государственного репрессивного аппарата. Печально знаменитый судья Подопригоров (попавший в список Магнитского, а затем

Сайт МГПУ

Эксперт Тарасов

посадивший Кара-Мурзу*) в разговоре с ней, уже ушедшей в адвокатуру, якобы рассуждал: «Думаете, 37-й год не вернется? Непременно вернется. Мои предки таких гадов к стенке ставили и расстреливали».

Есть и другая, менее драматичная причина. Если лет 10 назад источником кадров для суда были МВД и прокуратура, и новоиспеченный судья при всех симпатиях бывшим коллегам хотя бы имел опыт следствия и понимал, где его впрямую обманывают, сейчас кузница кадров — секретариат суда. Любая девочка-машинистка лет через пять-десять наденет мантию. Квалификации минимум, исполнительности — максимум, иначе б не досидела. О какой независимости и авторитетности судей тогда идет речь?

Исполнителя перестали уважать, когда он это позволил. Когда перестал отклонять фальсифицированные доказательства, стал смиренно потреблять изготовленную следствием «паленку», не реагировать на наглость и бездарность стороны, представляющей государство, солидаризироваться с ним, а не с правом.

Правда, так он рискует стать вовсе ненужным — в нашей истории уже были периоды, когда самые кровавые приговоры исполнительная власть выносила вообще без участия судебных.

Татьяна Брицкая

* Признаны Минюстом РФ «иноагентами».

Альтер- нативы Апока- лип- сису

КАК ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ
РЕЛИГИЯ В МИРЕ
И В РОССИИ:
ЧТО ПРИХОДИТ
НА СМЕНУ
СЕКУЛЯРНОСТИ,
КАКОВА ОФИЦИАЛЬНАЯ
РЕЛИГИЯ РФ.
И ПРИ ЧЕМ ТУТ
«БЛОКЧЕЙН»?

**Александр
Солдатов**

О современном глобализированном мире принято говорить как о секулярном. Лишь единичные государства остаются религиозными — клерикальными или теократическими. Секуляризация неравномерна в разных частях планеты, но ее можно узнать по приметам: светские политика, экономика и наука, упадок старых религиозных институтов и перенос духовных практик из общественного в частное пространство. Очаги сопротивления секуляризации/глобализации принято называть «фундаментализмом» или «радикализмом», но и они — вариант «приватизации» религии, только в контурах протеста, нонконформизма под знаменем Традиции.

В конце XX в. угроза фундаментализма в случае его лобового столкновения с западной секулярной культурой казалась огромной и практически непреодолимой. Классический памятник этих страхов — статья «Столкновение цивилизаций» американского политолога Сэмюэла Хантингтона (1993 г.). Казалось, что войны на Балканах, на Ближнем Востоке, разные теракты и расстрелы журналистов и школьных учителей во Франции подтверждают пророчества Хантингтона. Но вскоре нашлась альтернатива апокалиптическому сценарию, и, похоже, она работает!

Это идея постсекуляризма, выдвинутая профессором Франкфуртского университета Юргеном Хабермасом (сейчас ему 94). Он заметил в западном обществе, «впавшем в мультикультурализм», преодоление секулярности Нового времени, но не через «возврат к религии», а через признание равноправия светского и религиозного, уважение к религии в соответствии с доктриной прав человека, отказ от тотальности светского, чреватой тоталитаризмом. По известной диалектической схеме после «тезиса» Традиции и «антитезиса» секуляризации наступает «синтез» постсекуляризма. Это перекликается с хабермасовской теорией коммуникативного действия, согласно которой современный человек познает себя (и мир) только в диалоге, оценивая себя в «системе координат» другого человека. В светском обществе так коммуницируют

Из архива Национального музея Чувашии

носители разных религиозных вер, а также светского и религиозного мировоззрений. Об этом «левый» Хабермас пишет в совместной с консервативным папой Бенедиктом XVI книге «Диалектика секуляризации»: «Светская мысль может претендовать на идеологическую нейтральность не больше, чем любая версия религиозной мысли». Религия не отторгается секулярным обществом, а становится его органичным элементом. И это не отказ от секуляризации, а ее корректировка, уточнение.

Постсекуляризм полезен и для религий, адепты которых, оказавшись в режиме диалога, начинают активно рефлексировать, размышлять над смыслом и источниками своей веры, а не просто исполнять какие-то ритуалы и предписания. В таких условиях адептов становится меньше, но, так сказать, качество их растет. Это то «обновление в Духе», о котором свидетельствовали первые христиане. Светская правовая система дает всем религиям равные возможности для свободной конкуренции, и религиозные центры или лидеры соревнуются за паству так же, как транснациональные корпорации за рынки. Неудивительно, что тоталитарные режимы ограничивают или вообще упраздняют религиозные свободы, чувствуя, что «единственно верное учение» не выдержит конкуренции на свободном рынке идей.

А была ли секуляризация в России?

А как со всем этим соотносится Россия с ее «особым путем»? На каком

этапе, если мерить по шкале «Традиция—Секуляризация—Постсекуляризм», она сейчас?

В той степени, в которой Россия сближалась с Западом начиная с петровских реформ, она получала и свой опыт секуляризации. При Петре российская церковь перестала быть самостоятельным институтом, превратившись в государственное ведомство, наука, культура и образование стали более светскими, господствующие классы если и исповедовали православие, то в основном номинально. Но секулярной в западном смысле Россия не стала: ее ключевой институт — монархия — имел религиозные санкции и оправдание, парламентаризм в стране так и не сформировался. 1917 г. дал шанс на реальную секуляризацию и русскую Реформацию, но процесс был недолгим и завершился большевистскими гонениями на религию в любых ее формах. Фанатизм большевиков, непримиримость советской власти к любому инакомыслию показывают, что советский атеизм не был секулярным — это был квазирелигиозный культ. Немецко-американский философ и историк Эрик Фёгелин позже назовет такой культ «политической религией». Помимо СССР она фиксируется в других тоталитарных обществах XX столетия, ее современной разновидностью является, например, учение чучхе. У коммунистического культа в СССР были своя метафизика — вера в идеальное коммунистическое будущее и в непогрешимого вождя-мессию — и свои обряды, календарные циклы, святыни, а еретики подлежали жесточайшим наказаниям.

Альтернативы Апокалипсису

Советские люди мало знали о позитивной религиозности — атеистическое образование пронизывало школы и вузы, преемственность духовной жизни прервали репрессии 1920–1930-х гг. В то же время советско-коммунистическая «политическая религия» насадила культ государства, власти, вождя, которые формулируют «единственно возможное учение». Инфантилизм общества и патернализм власти идеально подходят друг другу. Это платформа, на которой и началось «возрождение религии» в период распада СССР, вылившееся в риторику о «традиционных ценностях». Их позитивного списка никто не знает (так, общие слова — «семья», «государство»), зато хорошо известен список отрицательный — все западное, включая «пресловутые» права человека (особенно в гендерной сфере), идейный плюрализм, рефлексивность и свобода выбора, которые стали стержнем постсекуляризма. Их неприятием патриарх Кирилл объясняет смысл СВО: западные «ценности противоречат нашим... Когда же стало ясно, что ничего общего уже нет, это и привело к военному противостоянию». «Ничего общего нет» — это отказ от коммуникативного действия, признание беспомощности в диалоге культур и мировоззрений.

Политическое православие — не религия?

Насколько советский атеизм был квази-религиозным, настолько же постсо-

ветское официальное православие стало политическим. Как известно, большинство россиян называют себя «православными» или «мусульманами», а атеистический выбор считается почти протестным. Однако «верующее» большинство почти никак не участвует в собственно религиозной жизни. Очевидно, под принадлежностью к религии тут понимается национально-культурная идентичность и политическая лояльность, а не выбор мировоззрения или духовной практики.

У «вынужденно верующих», осознавших себя таковыми после краха старой советской идентичности, не было момента религиозного обращения, которое сопровождается духовным преображением. Они мало интересуются трансцендентной реальностью и не готовы в нее верить, поклоняясь каким-то чисто земным святыням: политическим (президент), историческим (Великая Победа), семейным (могилы предков) и т.п. Трансцендентная реальность (Бог, Воскресение, вечная жизнь, Евхаристия и т.п.) если и признается, то «абстрактно» — как предмет спекуляций профессиональных богословов. «Православные» участники опроса, проведенного несколько лет назад службой «Среда», признались, что ценят РПЦ за хранение народных традиций (30%), социальную работу (30%), эстетику (22%), психологическую поддержку (21%). «Духовная, мистическая жизнь» была важна лишь для 5%. Такой тип «религиозности» устраивает политическую и церковную власть, потому что харизматическая или интеллектуальная религиозность чревата выходом верующего из-под контроля и сомнениями в официальных религиозных институтах (с чего, собственно, и начинались когда-то христианство, ислам или буддизм).

Руководство РПЦ, сформировавшееся в эпоху тотального контроля за религией со стороны КГБ и партаппарата, воспитанное на идеях синтеза коммунизма и христианства (их придерживался, например, митрополит

Никодим (Ротов) — наставник нынешнего патриарха), охотно принимает свою идеологическую функцию и считает для себя честью «служить Отечеству» в деле укрепления политического режима, а теперь — и военной мощи страны. Духовенство, особенно высшее, и в прошлые годы воспринимавшееся как часть номенклатуры, теперь практически неотличимо от чиновничества, и это лишает РПЦ особой субъектности, например — права критиковать власть, записанного в ее социальной доктрине. РПЦ таким образом больше преемствует советской традиции, а не исторической российской церкви. Отсутствие внутренней духовной жизни и аскетической борьбы с собственными грехами компенсируется «внешними» экспансией и борьбой — внедрением духовенства в систему образования, культуры, в силовые структуры, попытками ввести «духовную цензуру» и жестко наказывать за «оскорбление чувств верующих» (в основном, в сфере искусства). Собственно религиозная жизнь перетекает из институциональной РПЦ в «альтернативную» религиозность — в этом секрет популярности движений типа «царебожников» и последователей царя-патриарха Зосимы. Новые религиозные движения, которые рассматривались как альтернатива в 90-е и отчасти в нулевые, подверглись репрессиям и ушли в подполье.

Выдавая себя за Бога...

Апологеты РПЦ говорят о созревании в России «гражданской религии» поверх конфессиональных границ, наподобие американской, — как о положительном явлении, консолидирующем нацию. Термин ввел в оборот еще Жан-Жак Руссо, но современные политоло-

ги/религиоведы отличают «гражданскую религию» от «политической». В первом случае власть получает религиозную санкцию (в виде клятвы на Библии, Коране или помазания на престол), то есть признает Высшую санкцию для себя и субъектность религии. «Политическая религия» обожествляет власть как таковую, превращая ее носителя в объект поклонения и источник истины. В христианском дискурсе «политическая религия» связывается с образом антихриста, потому что объект поклонения в ней заменяет собой Христа.

Попытки сконструировать госидеологию, смешав остатки гуманизма, гордости за советскую эпоху и отдельные религиозные символы, привели российскую власть, по сути, к конструированию «политической религии». Разнородные элементы конструкции вступают в конфликт между собой (что хорошо заметно на примере недавно вспыхнувшего спора об абортax). Но последнее слово остается за демиургом системы. Недавно на встрече с лидерами «традиционных» конфессий Владимир Путин определил цель их деятельности как «Согласие, единст-

во нашего общества». Прослушав речи президента и религиозных лидеров, богослов Андрей Кураев вывел три «догмата» официальной религии РФ: 1) Нет ценности выше и абсолютнее, чем «служение отечеству»; 2) «Единство народа»; 3) Если следование первым двум имеет летальный исход, то это прямой путь в рай. Эта «политическая религия», продолжает Кураев, учит, что против этих догматов невозможно идти просто по недомыслию, человеческой ошибке или слабости, но только по наущению сатаны в форме иностранных диверсионных центров. Разбирая противоречия лозунга «Единство народа», богослов приходит к заключению, что тут подразумевается «банальное подчинение себе всех», и именно «это его желание должно религиозными людьми расцениваться как абсолют и наивысшая ценность».

Почти два тысячелетия назад апостол Павел описывал политического лидера последних времен, «превозносящегося выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес., 2:4).

Культ Великой Победы и «богословский переворот»

В начале правления Путина перед новой властью встал вопрос о «переучреждении государственной идентичности», якобы потерянной в 90-е (на современном языке Путина это называется «суверенитетом»). В центре этого процесса оказался культ Великой Победы. Он выглядел странно по сравнению со своим советским прототипом. От советского праздника «со слезами на глазах» мало что осталось — его заменили «триумф воли» и «можем повторить». День Победы (не столько прошлой, сколько грядущей) стал сердцевиной календаря «политической религии» и, по данным разных опросов, занял в календаре россиян более высокое место, чем доставшиеся от «старой» религии Пасха и Рождество.

Альтернативы Апокалипсису

Вокруг этого Дня выросла своя обрядность, связанная с парадами и культом Вечного огня, а затем — с шествием «Бессмертного полка» как аналога всенародного крестного хода. Культу Победы посвящен «главный храм Вооруженных сил» в подмосковной Кубинке, мрачный художественный манифест «политической религии» РФ. Завершенность культу придают законодательные запреты на переосмысление роли СССР в Великой Отечественной войне. РПЦ подключилась к этому культу, «канонизировав» мифы о божественном вмешательстве в ход войны, которые раньше считались маргинальными апокрифами (рассказы о встрече Матроны со Сталиным, о воздушных крестных ходах, явлениях икон в Сталинграде и на Курской дуге, тайных молениях Сталина в московских храмах. Поскольку культ Великой Победы — эсхатологический (он не столько о прошлом, сколько о настоящем и будущем), то только шаг отделяет его от культа войны. То, что этот шаг будет сделан, предсказывал в 2015 г. покойный протоиерей Всеволод Чаплин, единственный глава отдела РПЦ по взаимодействию церкви и общества (после его ухода отдел был упразднен). «Мир сейчас долгим, слава Богу, не будет, — пророчествовал он в радиоэфире, будучи официальным лицом патриархии. — Общество, в котором слишком много сытой и спокойной, беспроблемной, комфортной жизни, — это общество, оставленное Богом... А русские — это народ-воин». После начала СВО к ра-

дикальной милитаризации вероучения РПЦ подключился уже философ-конспиролог Александр Дугин, который на Всемирном русском народном соборе под председательством патриарха провозгласил происходящее на полях Украины апокалиптической схваткой света и тьмы, суши и моря, мира горнего с миром подземным — схваткой, к которой человечество шло всю свою историю.

Чтобы понять, насколько радикален свершившийся в РПЦ «богословский переворот», можно обратиться к текстам Евангелия («Блаженны миротворцы...»; «Не противься злему...»; «Все, взявшие меч, мечом погибнут»), к истории миротворческой деятельности Московской патриархии или к действующему тексту Основ социальной концепции РПЦ, где вопросам войны и мира посвящен VIII раздел. «Война есть зло, — утверждает РПЦ в этом документе. — Причина его, как и зла в человеке вообще, — греховное злоупотребление богоданной свободой». Дальше содержатся оговорки в духе католической концепции «справедливой войны» — о том, что, например, отпор агрессии допустим. Миссия церкви во время войны, согласно документу, сводится к примирению враждующих сторон. Хотя текст Основ был написан по инициативе и под редакцией тогдашнего митрополита Кирилла, в конкретно-исторических условиях СВО он не вспоминает об этом документе, не уставая повторять, что эта схватка носит «метафизический», «сакральный» характер. Значит, по ту сторону воюет абсолютное зло, несмотря на то, что воины ВСУ тоже в основном называют себя православными, более того — до 2022 г. многие из них принадлежали к Московскому патриархату как самой крупной религиозной организации Украины.

Образ РПЦ переосмысливается в милитарных категориях: церковь мобилизуется, встает на военные рельсы, сотни священников отправляются в зону

СВО, некоторые — с оружием в руках. По словам богослова протоиерея Георгия Крылова, «самым близким для церкви типом корпоративности» является армия, а принцип церковной организации ближе всего к армейской дисциплине. Еще при патриархе Алексии II ряды духовенства активно пополнялись отставными военными, а армия стала структурой, с которой наиболее успешно взаимодействует РПЦ. В этом контексте происходящее с РПЦ выглядит как «обретение себя», долгожданное разрешение противоречия между пацифизмом Евангелия и русской имперской милитарностью.

Приговор институтам

Если к РПЦ больше вопросов нет, то как объяснить, почему западное христианство во всем своем многообразии уже почти два года не может повлиять на крупнейший вооруженный конфликт в Европе после Второй мировой войны, вспыхнувший между народами, в большинстве своем принадлежащими к христианской традиции? Не успев сформулировать «богословие после Освенцима», католический и протестантский мир столкнулись с необходимостью формулировать «богословие после Мариуполя» — и эта задача может оказаться непосильной. В условиях постсекуляризма, о котором говорилось выше, давать богословские ответы будут не те институты, которые олицетворяют преемственность со Средними веками, а христианские интеллектуалы и мистики. Между прочим, в недрах РПЦ первый призыв к миру в конце февраля прошлого года прозвучал от лица 280 рядовых клириков, а в мировом православии «богословское опровержение» СВО дали несколько сотен богословов — в основном мирян — из 30 стран, включая Украину и Россию.

В эпоху постсекуляризма религиозные организации проходят через такой

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

же процесс, через который государства прошли в эпоху демократизации. Религия теперь — не казарма, как говорят в РПЦ, а персональный конструктор, который формирует творческая личность, используя иногда элементы из разных традиций. Подобными экспериментами занимаются «группы обновления» в традиционных церквях, но в абсолют его возвел духовное движение «Нью Эйдж», стиравшее границы между религией, оккультизмом и психофизическими практиками. Поколения сменяются, и «Нью Эйдж» остается уделом пожилых; сегодня в тренде «цифровизация» религии — синтез мистики, философии и технологий в форме «датаизма» и «диджитализма». В своих крайних формах этот синтез жаждет трансгуманизма — эволюции человека в новую «цифровую» личность, сущностью которой станет «бессмертный код» вместо бессмертной души. Через увлечение неооккультизмом идеи вечной цифровой жизни в метавселенной овладели кремлевскими умами, и большие средства вкладываются в соответствующие исследования Курчатовского института. Но и традиционные верующие приобщились к «цифровой» религиозности в эпоху

пандемии, когда руководство РПЦ обучало прихожан богослужениям на дому и исповеди через интернет. Во многих общинах «альтернативного» православия это практикуется уже давно — по причине отсутствия доступных храмов и малочисленности духовенства.

Из древних религий в условиях постсекуляризма лучшую адаптивность показывает буддизм, который еще Альберт Эйнштейн называл «религией будущего», «свободной от догм и теологии». Элементы буддизма все чаще входят в «конструкторы индивидуальной религиозности» благодаря тому, что в этой традиции очень развиты психотехники (это подметили Карл Юнг и Эрих Фромм). Будда Шакьямуни 2500 лет назад провозгласил принципы веротерпимости и толерантности. Кроме того, буддизм очень «экоцентричен», потому что находит Будду в любом кусочке материи, особенно — живом.

* * *

Какие бы трансформации религия ни переживала в истории, она неистребима, а границы религиозного сознания опре-

делить очень сложно. Это один из необходимых способов восприятия и объяснения бытия — наряду с философией, наукой и искусством. Так или иначе, религия отвечает на вопрос о смысле, а этот вопрос не будет снят с повестки в силу природы человеческого сознания. Религия — «это сердце бессердечного мира», писал Карл Маркс, как бы отсылая к молитве из «Исповеди» Августина: «Не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе».

Но исторические формы организации религии меняются. И сегодня надо признать, что время крупных религиозных институтов проходит. Новая, «блокчейновая» форма религиозной организации открывает перспективы, которые еще предстоит оценить будущим поколениям верующих. Но это — оптимистичный взгляд, а так времени Апокалипсиса никто из людей не знает...

Александр Солдатов

Три образа «СВОБОДЫ»

(18+) НАСТОЯЩИЙ
МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН
И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Петр САРУХАНОВ

Лев
Гудков

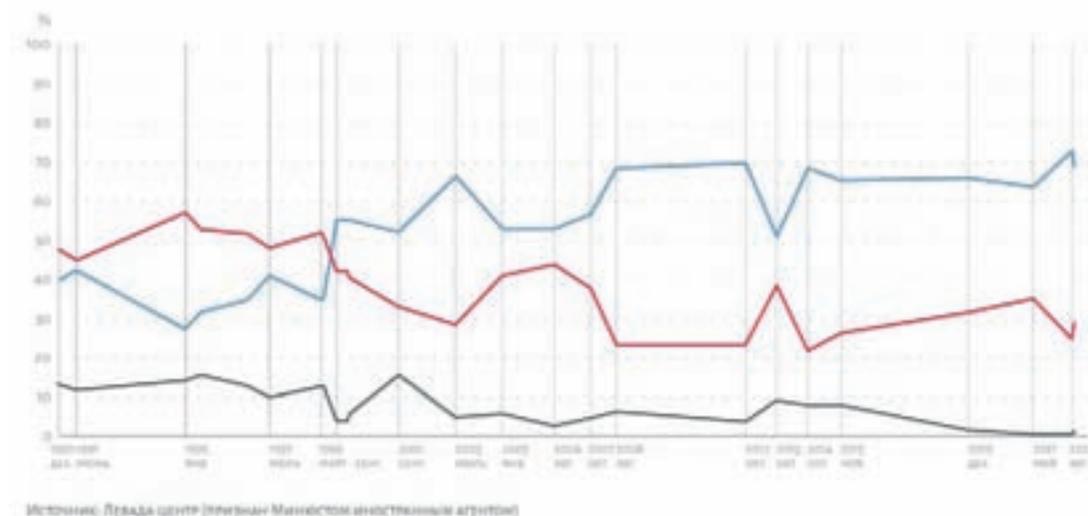
Большинство людей в нынешней России, как показывают исследования «Левада-центра», чувствуют себя «свободными» (граф. 1). У многих читателей сегодня это заключение может вызывать сильное сопротивление и недоверие к социологии. Трудности понимания подобных данных связаны с тем, что публика не в состоянии «взять в скобки» свои собственные представления, то есть не может отказаться от приписывания другим людям своих взглядов, в том числе — убеждений в приоритетности политических прав и свобод, как это имеет место в развитых странах, которые выступают для них ориентиром и образцом для идентификации. Спорить с этим бессмысленно. Разумнее спросить: а что значит для россиян «быть свободными»?

Для социолога вопрос о свободе обязательно предполагает эмпирическое «заземление», не позволяющее вязнуть в беспредметных рассуждениях о различиях понятий «свободы» и «воли» в западной и в русской культурах, метафизических сущностях «позитивной» и «негативной» свободы и проч.

Для конца 1980-х годов «свобода» сводилась преимущественно к избавлению от хронической и унижительной нужды, бедности, скуки, тотального принуждения. После 1991 года и первых лет постсоветского существования — к избавлению от неопределенности будущего, страха перед безработицей, утратой социального положения, преступностью, произволом коррумпированных властей, лишением гарантированного доступа к медицине и т.п. Покажу это на некоторых примерах.

35 лет назад, в январе 1989 года, тогда только что образованный Всесоюзный центр изучения общественного мнения (не путать с нынешним ВЦИОМ) провел свое первое общесоюзное исследование, фиксируя надежды, страхи, ожидания в новом году. Среди многих вопросов о политической ситуации, о главных проблемах страны, перестройке, отношении к КПСС, к религии населению был задан вопрос, который получил собственное методическое имя — «Халва». Он звучал следующим образом: «Как известно, сколько ни

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ?
ОПРЕДЕЛЕННО ДА, СКОРЕЕ ДА, ОПРЕДЕЛЕННО НЕТ, СКОРЕЕ НЕТ, ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

Источник: Левада-центр (оригинал: Манускрипт анонимным агентом)

График 1

говори «халва», во рту слаще не будет. Как вы считаете, что убедит людей в том, что в стране происходят реальные положительные сдвиги?» Мнения абсолютного большинства опрошенных сводились к трем вещам: ликвидации потребительского дефицита (наличие продуктов, возможность получения государственного жилья, доступ к «импортным товарам»); «твердый порядок» в стране (устойчивость цен, обеспечение справедливости — лишение начальства незаслуженных привилегий и льгот) и снятие различных ограничений (на заработок и доходы, на выезд за границу, ликвидация или ослабление цензуры, регламентации деятельности религиозных организаций, отмена прописки и изменение паспортной системы, легализация предпринимательства и т.п.) (Табл. 1).

Главным в массовых ожиданиях свободы было именно устранение дефицита — наполнение магазинов продуктами и товарами при стабильных госценах, причем к концу 1989 года эти требования стали еще более настоятельными (рост с 52 до 68%). Одновременно с населением по той же анкете был проведен опрос читателей «Литературной газеты», тираж которой в этот момент составлял более 6,5 млн экземпляров, то есть ее аудитория охватывала не менее 12–15 млн читателей. В этой среде более продвинутой и образованной публики такие требования, а значит, и представления о свободе, разделяла существенно большая часть опрошенных: от 74% («ликвидация дефицита») до 64% («лишение начальства привилегий»), при сохранении общей убежденности в необходимости стабильных госцен и свободы печати и ТВ (52%).

Таковы были условия общественной поддержки перестройки. Добиться

решительных перемен и желательных изменений можно, считали люди в январе 1989 года, если установить в стране «твердый порядок» (52%) и «улучшить качество планирования» (34%), а также избавившись от ненужных имперских амбиций: «резко сократить армию и военные расходы» (24%) и «помощь другим странам» (21%). Демократизация мыслилась не как собственное участие и ответственность за положение дел в обществе, а как либерализация некоторых сфер экономики, например: «предоставить земледельцу право владеть землей и техникой» (38%), и расширение полномочий низовой администрации: передать «всю власть местным Советам» (23%), на предприятиях «ввести рабочее самоуправление» (19%).

Очень немногие опрошенные тогда (порядка 10%) отваживались высказывать еретические для советского социализма идеи: надо поощрять частное предпринимательство «под должным контролем» (13%), «предоставить союзным республикам больше самостоятельности» (11%), «дать свободу действий кооператорам» (7%), «привлечь иностранный капитал» (7%).

Как и чем мог быть обеспечен «твердый порядок», такими вопросами люди не задавались, поскольку в голове у них не было на них ответа. Опыт существования в условиях тотального государства полностью вытеснил из сознания (культуры общества) идею моральных, правовых принципов социального порядка, а значит — идею разделения ветвей власти, независимости тех институтов, которые могли бы обеспечить действенность таких принципов.

Три образа «СВОБОДЫ»

Единственно, что мыслилось тогда в пожеланиях о лучшей жизни: хорошо бы, чтобы власть от партийной номенклатуры могла как-то чудом перейти к новым, «честным, справедливым, компетентным политикам», знающим, что делать, заботящимся, прежде всего, о благе простых людей и их процветании. Откуда их взять, кто их будет готовить, никто не спрашивал, предполагалось само собой, что они в условиях свободы появятся как грибы после дождя. Мысль, что глава государства не может проводить свой политический курс и одновременно быть гарантом права, свобо-

ды и справедливости, еще никому тогда не приходила в голову, как не приходит и сейчас.

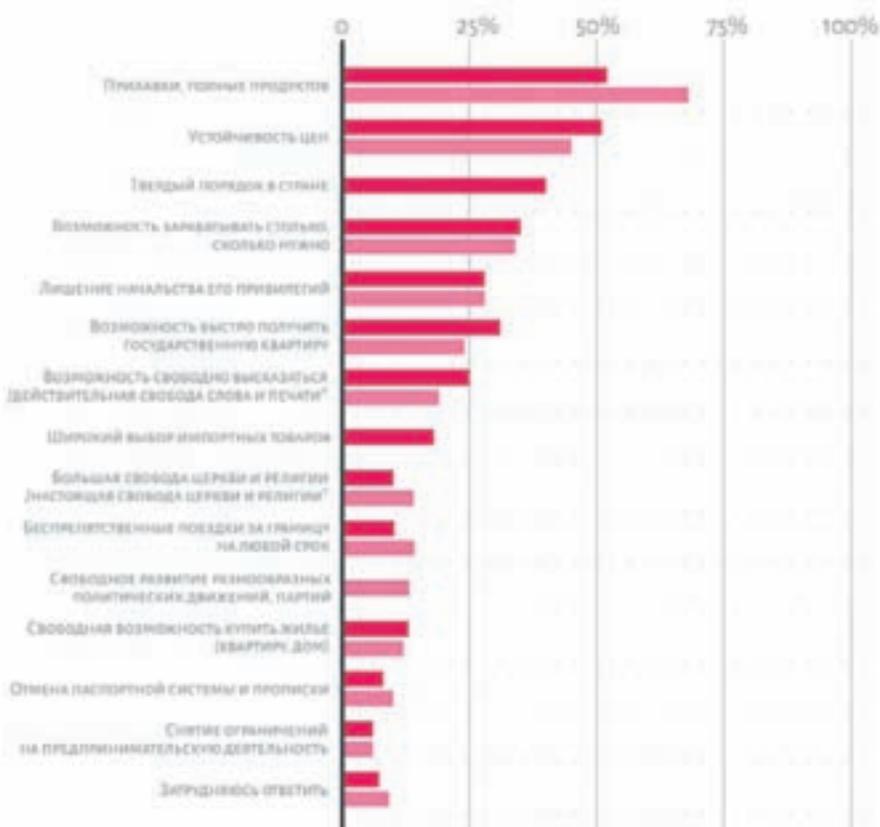
Однако сама по себе распространенность этих грез о честных политиках была симптомом начавшегося распада «осевого» механизма тоталитарного государства — эрозии власти, утраты порядка, основанно-

го на идеологии и практиках патерналистского государства, советского тоталитарного социализма. За этими представлениями (общем «развале», анархии, некомпетентности или недееспособности правящей номенклатуры) скрывалась усиливающаяся отстраненность населения от формальных институтов, структурирующих советское общество, — партийной номенклатуры, начальства на работе, местной администрации, армии, КГБ, милиции и т.п., что называлось одним общим и неопределенным словом — «власти».

Идеология перестройки не выходила за рамки «социализма с человеческим лицом». В обществе в целом (включая его интеллектуальную элиту) не было сколь угодно значимых идей о необходимости принципиальных изменений государства, сломе или глубоком реформировании коммунистической системы. Речь шла только о ее «улучшении» — сомнению не подвергались само общественное устройство, легитимность действующей власти или структура господства. Значимость патерналистской идеологии при этом не затрагивалась, по крайней мере, в сознании абсолютного большинства населения, все равно — низовых его слоев или образованного, как тогда говорили — «продвинутого» меньшинства. Начавшиеся реформы, на первый взгляд затрагивающие лишь экономические отношения, на деле подрывали не просто веру в легитимность тотального государства, а в привычный порядок жизни, не дав вроде бы ничего взамен. Отчуждение от власти сопровождалось резким ростом неуверенности в ближайшем будущем (с 1988 по 1993 год показатель отсутствия «уверенности в завтрашнем дне» поднялся до 70–72%, охватив практически все группы населения), а значит — свободы. Наполнение прилавков товарами уже в 1992–1993 году обернулось не столько удовлетворением от свободы потребления, сколько возмущением от роста цен, сделавших давно ожидавшееся изобилие малодоступным, причиной ressentимента

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО УБЕДИТ ЛЮДЕЙ В ТОМ, ЧТО В СТРАНЕ ПРОИСХОДЯТ РЕАЛЬНЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СДВИГИ?

ЯНВАРЬ, 1989
ДЕКАБРЬ, 1989

* ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ «+» СООТВЕТСТВУЮТ ФОРМУЛИРОВКАМ ЯНВАРЯ И ДЕКАБРЯ
В % к числу опрошенных, в январе N=1300, в декабре N=1600
ИСТОЧНИК: ЛЕВАДА-ЦЕНТР (ПРИЗНАН МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ)

Таблица 1

и нового недовольства, которое обернулось против кооператоров, предпринимателей, «спекулянтов», «мафии» и требованиями ужесточения контроля над едва возникшим бизнесом. В этом смысле «свобода» и «страх» — взаимосвязанные вещи, хотя содержание обоих компонентов в разное время может радикально меняться.

Первая фаза массовых представлений о свободе закончилась широким набором страхов, которые принимали форму не индивидуальных тревог, а «угроз для существования России». Россияне, опрошенные социологами в эти годы, называли и перечисляли их: «Рост цен, обнищание широких слоев населения, угроза экономических кризисов, безработицы, высокая вероятность развала или распада экономики, экономическая катастрофа, разорение России». Несколько позже, с середины 90-х годов, их дополняли «усиливающаяся неопределенность будущего, отсутствие уверенности в завтрашнем дне», «слабость власти, анархия, некомпетентность руководства страны, безвластие», «милитаризация страны», «втягивание России в военные конфликты за пределами страны», «теракты», «распространение войны в Чечне на другие регионы России», «рост преступности», «усиление массовых экономических и политических протестов против политики правительства и президента», «вероятность гражданской войны» и другие.

Поэтому вскоре после путча ГКЧП свалившиеся на людей свободы были восприняты крайне противоречиво. Для одних «свобода» — это условие многообразия собственного выбора и позитивного действия, для других «свобода» — это перенос личной ответственности на другие инстанции, свобода от ответственности. Одним, почувствовавшим себя «свободными» от привычной опеки государства, пришлось бояться, оценивая рамки возможного, другим (меньшинству) — наконец открылся мир.

К середине 2000-х годов рыночные реформы и благоприятная конъюнктура внешних цен на экспорт сырья позволили насытить потребительский рынок, а возвращение государственно-административного контроля над обществом (политика «стабилизации») сделало предсказуемым ближайшее будущее для населения, освободив его тем самым от тяжести выбора и бремени ответственности. Среди самых важных изменений, произошедших к началу 2000-х годов, россияне (исследование «Патриотизм», сентябрь 2001 года, 1600

опрошенных) называли: «Не надо стоять в очередях за дефицитом, наличие широкого выбора товаров» (43%); можно «работать на себя, а не на государство» (37%); «читать, смотреть, слушать то, что хочется» (28%); «высказывать свое мнение, не боясь преследований» (21%); иметь «частную собственность и свободно ею распоряжаться» (20%); «свое дело, свой бизнес» (13%); «заниматься тем, делать то, что раньше было запрещено или невозможно» (13%); «беспрятственно выезжать и возвращаться в страну» (10%). Собственно политические характеристики свободы отмечало тогда явное меньшинство — «свобода политического выбора, включая свободу от единой идеологии» (12%); «не бояться вмешательства государства в личную жизнь» (11%). (Курсивом выделены мнения опрошенных.)

При общем росте чувства свободы у россиян следует отметить три всплеска чувства «несвободы»: 2005–2006 гг. (последствия монетизации льгот и массовые протесты пенсионеров), 2012–2013 гг. (последствия разочарования в исходе массовых протестов городского класса) и 2021–2022 гг. (раздражение против ковидного карантина, сопровождающегося ассоциациями с массовыми репрессиями) (граф. 1 и 2).

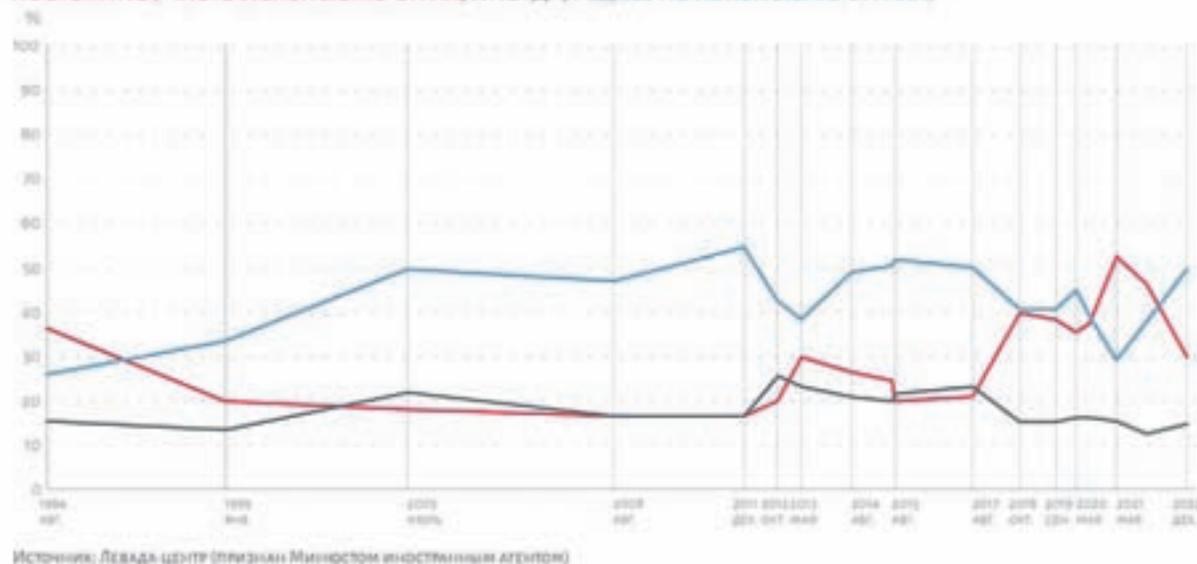
Сокращение бедности в первой половине 2000-х годов и относительное насыщение потребительского бюджета российских семей сопровождалось ослаблением демократических упований и значимости участия во внутривнутриполитической жизни (не для всех, но для большей части населения), отказом от участия в политике и идеализацией доперестроечной жизни (табл. 2).

В социальном плане это равносильно отказу от выбора и ответственности, отказу от свободы. Идеологически перенос ответственности на власть выражался как мнимая ностальгия по СССР, идеализация прежней жизни («раньше было лучше, был порядок, мы жили в сильной и единой стране, цены были невысокими и стабильными, у людей была уверенность в завтрашнем дне, отношения между людьми были лучше» и т.п.). Соотношение мнений «было бы лучше, если бы все оставалось, как было до перестройки, до 1985 года» (45–47%) и несогласных с ними (33–39%) чрезвычайно устойчиво, оно принципиально не меняется на протяжении последних 20 лет.

После массовых протестов городского среднего класса в 2011–2012 гг. стало заметным нарастание страха перед массовыми репрессиями как оборотная, теневая сторона представлений о свободе. Такого рода страхи никогда полностью не уходили из общественного подсознания в России (хотя в момент перестройки абсолютное большинство (80–90%) верило, что массовые репрессии и террор сталинских времен в современной жизни уже невозможны), но начиная с 2013 года они медленно, со всеми колебаниями, но росли, вплоть до настоящего времени. Пик страхов приходится на конец 2021 года, но начавшаяся вскоре СВО и консолидация с властью успокаивает людей.

БОИТЕСЬ ЛИ ВЫ ВОЗВРАТА К МАССОВЫМ РЕПРЕССИЯМ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКОЙ МЕРЕ?

ПОСТОЯННО / ЧАСТО ИСПЫТЫВАЮ СТРАХ; ИНОГДА; РЕДКО / НЕ ИСПЫТЫВАЮ СТРАХА;

Источник: Левада-центр (признан Министерством иностранных агентов)

График 2

Для действующего режима такие установки относительного большинства являются крайне важным ресурсом традиционалистской самолегитимации и присвоения себе статуса «суверенности», права действовать от «имени народа». Напротив, те относительно немногие, кто сопротивляется такому переносу на власть собственной несостоятельности и слабости, помнят, что «страна была нищей, на все продукты и товары существовал дефицит» (28%), «страна пребывала в культурной и политической изоляции от всего мира» (16%), «у людей не было возможности заработать хорошие деньги и занять достойное место в обществе» (19%), «государство преследовало людей, контролировало все стороны жизни» (12%), «не было свободы слова, выезда за границу, политических собраний и демонстраций» (14%), «жить было скучно, у людей не было перспектив в жизни» (6%) и т.п. (2008 г.).

«Неучастие», в первую очередь, было характерно для низших социальных слоев, менее образованных и пожилых респондентов, жителей провинции. Напротив, молодые образованные люди были настроены против усиливающегося давления государства и принуждения к сделке «спокойствие за лояльность властям».

Таким образом, мы имеем дело не просто с разными комплексами представлений о свободе, отражающими реальные проблемы разных социальных групп в обществе, а с представлениями, в которых отложен опыт существования людей в разные периоды отечественной истории. Эти представления накладываются друг на друга, смещаются по мере того, как меняется общественный контекст и актуализируются другие запросы или ограничения; они могут передаваться от одних социальных групп другим с неизбежными изменениями и дополнениями. Но для того чтобы видеть эти отложения предшествующих периодов эволюции, нужен историзирующий взгляд на состояние общества, нужна способность к рефлексии, которые, в свою очередь, характеризуют уровень

Три образа «СВОБОДЫ»

**СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СО СЛЕДУЮЩИМ МНЕНИЕМ:
«ЕСЛИ ГОСУДАРСТВО ГАРАНТИРУЕТ МНЕ
ДОСТОЙНУЮ ЗАРПЛАТУ И ПЕНСИЮ, Я ГОТОВ
ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СВОБОДЫ СЛОВА И ПРАВА
СВОБОДНО ЕЗДИТЬ ЗА ГРАНИЦУ?»**

ПОЛНОСТЬЮ СОГЛАСНЫ / СКОРЕЕ СОГЛАСНЫ
СКОРЕЕ НЕ СОГЛАСНЫ / СОВЕРШЕННО НЕ СОГЛАСНЫ
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

В % к числу опрошенных, N = 1600; * опрос студентов и преподавателей вузов, N = 6055
Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

Таблица 2

достигнутой культуры образованным сообществом в стране.

Несколько огрубляя картину общественного мнения, я бы сказал, что представления о свободе у основной массы россиян прошли три фазы изменений. Выделяемые типы сознания «свободы» условны, смена одного не означает полного вытеснения предшествующего, который остается, но перестает быть доминантным представлением, то есть рутинизируется и оседает в культуре

низших и более пассивных социальных групп и слоев.

Первая фаза. Тотальное сознание несвободы в начале 1980-х годов сменилось коротким периодом всплеска надежд на перемены (1988–1992). Однако уже с середины 90-х годов у большинства населения появилось ощущение новой несвободы.

Вторая фаза. С конца 1999 года, то есть после прихода к власти Путина, доминанта общественного мнения начина-

ет склоняться в сторону незначительного преобладания «свободного большинства». Пиковые значения показателя субъективной «свободы» приходятся на лето 2003 года (66%), на август 2008-го (69%) и 2012 год (70%).

Третья фаза открывается событиями «Крымнаш» (2014–2015) и продолжается до настоящего времени. Показатели «свободы» сохраняются на высоком уровне все эти годы (66–73%), не реагируя на начало СВО, мобилизацию, усиление репрессий против гражданского общества, независимых медиа и разрозненные антивоенные протесты.

Если первый период можно назвать «надеждами и разочарованиями» в предоставленной начальством свободе, второй — «потребительским насыщением, освобождением от дефицита» (и попытками меньшинства вернуть потеряемые политические права), то третий — «свободой большинства от комплексов национальной неполноценности», угнетающих сознание своей отсталости от развитых стран и неспособности жить, как в «нормальных странах». Антизападная, идеологическая и политическая конфронтация и демагогия, усиливающаяся информационная и культурная изоляция от мира (и самоизоляция) не просто обеспечили ретроориентированную консолидацию населения вокруг власти, но и успокоили людей, устранив фрустрирующие параллели и угрозы сравнения своей жизни с жизнью в других странах, более того — существенно подняв их самооценку.

В самооценку людей (включая оценку себя в качестве «свободного» или «несвободного» человека) всегда входят неявные, но подразумевающиеся представления о социальном порядке (символизируемые этим нормативным элементом «как у всех» или «как в нормальных странах»). Сам «порядок» включает мнения об основаниях и средствах его поддержания (контроле со стороны власти), его «справедливости», то есть соответствия действительного положения должному — моральным или правовым принципам, а значит — возможностям изменения к лучшему, то есть более согласованным с мнениями людей. Проблема заключается в том, что в репрессивном обществе основания морали и права предельно размыты или «еще» не оформлены. Абсолютное большинство россиян, как показывают опросы, руководствуются в своих действиях частными представлениями о том, что возможно и, соответственно, что желательно, доступно, исходя из мнений об образе жизни окружающих их людей, на которых они ориентируются. Все, что выходит за рамки повседнев-

ной жизни, все, что представляет собой более сложные формы социальной организации — деятельность организаций гражданского общества, политических партий, специализированных институтов и т.п., — вызывает недоверие, непонимание и мало соотносится с интересами физического существования (выживания) подавляющего большинства населения, бедного не только в смысле уровня доходов, но и в характере самих запросов. Поэтому идеи политической свободы и прав, предполагающих собственное участие в общественной жизни и ответственность за происходящее в стране, оставляют людей равнодушными. Такое большинство «свободу» понимает скорее негативно. Это не «свобода для...», а преимущественно «свобода от...». Взгляды «свобода для...», в первую очередь — в общественно-политическом плане (участие в выборах, в деятельности политических партий, выражение отношения к правящей корпорации, отсутствие цензуры и т.п.), разделяет меньшинство населения, обладающее значительным, в сравнении с основной массой, социальным капиталом, образованием, более высокой самооценкой и претензиями на авторитет и влияние на других.

Это не значит, что большинство опрошенных не имеет никакого представления о ценности свободы слова, честных выборах, необходимости критики власти и т.п., но для них такие представления — сфера «политики», к которой они относятся отчужденно и с неприязнью, подпитывая тем самым антиэлитистскую демагогию популистов. Да, 70% согласны с тем, что оптимальное устройство общества, соответствующее представлениям респондентов о должном и правильном, строится на принципе «индивидуальная свобода и интересы личности превыше всего, обязанность государства — гарантировать их соблюдение». Именно так обстоит дело в «нормальных странах», образ которых служит неким дальним и не очень определенным ориентиром и основанием для оценки деятельности своего государства. Свобода каким-то образом связана с высоким качеством жизни, но у нас это не получается, начальство не любит подобные параллели, и лучше эти темы не затрагивать, если не хочешь неприятностей.

Самое распространенное в массовом сознании — негативное определение свободы, не будучи предметом общественных дискуссий и рационализации, отличается своей аморфностью: свобода — это «возможность делать все, что не противоречит нормам морали и нравственности, что не запрещено законом» (так считают 52–55% опрошенных). Оно

дополняется или уточняется следующим пояснением: свобода — это «независимость частной жизни человека от государства» (30%), «возможность делать все, что хочется, без всяких ограничений» (13%). Позитивное же понимание свободы разделяют несколько меньшее число опрошенных россиян («свобода — это право влиять на положение дел в стране, открыто высказывая свои взгляды, участвуя в выборах, в деятельности общества» — 44%), но оно декларативно и никак не связано с реальностью, поскольку абсолютное большинство россиян (75–85%) дистанцируются от политики и участия в общественной жизни, не чувствуют своей ответственности за происходящее в стране, оправдывая это тем, что они «не могут влиять на принимаемые властями решения». Такое двоемыслие — чрезвычайно важный механизм поддержания стабильности в российском обществе-государстве.

Подытожу все сказанное выше. «Свобода» — одна из интегральных характеристик субъективного самочувствия людей, оценка ими условий своей повседневной жизни. Она представляет собой взвешивание или определение баланса между собственными претензиями, желаниями, aspirations индивида или группы и имеющимися у него/у них ресурсами и внешними ограничениями. Речь идет не о «грезях», о состояниях между сном и явью, где все возможно, а о вполне практических мотивах действия или недействия людей. Мало кто действительно хотел бы слетать на Луну или на Канары, но очень многие хотят иметь стандартный набор «квартира, машина, дача», поехать в отпуск в Турцию и т.п. А если это невозможно, они не столько завидуют тем, у кого «все есть», сколько чувствуют себя обделенными, лишенными каких-то конкретных благ, которые «есть у всех», что требует объяснения, почему это так, почему они не свободны в своих желаниях. Речь, таким образом, не о декларациях о значимости таких принципов, а о действительной готовности их защищать (что не одно и то же). Вспомним Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто вынужден каждый день ее заново отвоевывать».

A black and white photograph of a boat on a beach. The boat is the central focus, with its hull covered in graffiti. The background shows a beach with waves and a sky filled with many birds in flight. The overall mood is somber and contemplative.

ГОРБИ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

КУДА ВЕДЕТ КУЛЬТУРНАЯ
ПОЛИТИКА ВСЕОБЩЕГО
ЗАХВАТА

Вниз
по лестнице,
ведущей вверх

РИФМЫ

Рубрика
Александра Архангельского

Многие сейчас недоумевают, наблюдая за культурой внутренней отмены. Как могло случиться, что ничтожный «я-русский» Шаман замещает великую певицу Пугачеву, в афишах чудом сохранившихся спектаклей вместо Туминаса и Крымова пишут «Режиссер. Режиссер», Чулпан Хаматова играет где-то между Ригой и Берлином, великий БГ* — невъездной, а какой-нибудь Никита Кологривый из московской тусовки обещает порвать Голливуд. Ведь этого не может быть? Но есть.

Как это можно объяснить? Роковой случайностью? «Товарищ Сталин, произошла чудовищная ошибка»? Или нет ошибки, а есть непонятная логика, которую мы не умеем разгадать?

Пока идейным фронтом и культурной матрицей управлял постмодернист Сурков, такой вопрос не возникал: всем было ясно, что верховный идеолог подражал Петруше Верховенскому, венчал карнавалом мистерию, выворачивал суть наизнанку и превращал культуру в балаган. Его задачей было все перемешать и спутать, лишить изначального смысла и ввергнуть в хаос; натравливая «Наших» на Лимонова, подерживая Гребенщикова и Серебренникова, гнобя Сорокина и Десятникова, возвышая Гордона, Сурков решал одну и ту же идеологическую задачу: размывал границы разумного. Знаки не имеют значения; значение имеет государство, оно единственный распорядитель ценностей и смыслов. В лице Владислава Суркова.

Задача в целом была решена. Примерно к 2014 году. А затем была поставлена совсем другая цель. Причем поставлена задолго до того, как наступил «Февраль. Достать чернил и плакать». А именно: культурная политика должна распространиться вширь, соединить «элитарное» с «на-

родным», стать единой. Одинаковой для Лепса и Курентзиса. Позволяя государству демонстрировать свое всеисилие, контролировать сознание, формировать жизненные практики и внедряться в личную жизнь. Кто готов на это поработать, от поповства до попавства, милости просим. Рады и Лепсу, и благолепсу; государству безразлично, кто будет выполнять задачу — тенор Басков с его сладостным стилем или священник Андрей Ткачев с его дворовыми шутками. Главное — забыть о «сложном человеке», на которого ставил Сурков. Если не готов забыть, хотя бы бойся. Потому что пуля — дура, а от судьбы никуда не уйдешь.

Этой сменившейся целью объясняется многое. Если не все. Почему «пусси» получили «двушечку» (сегодня было бы лет семь или восемь), во имя чего затевалось «театральное дело», почему вся сила карающей мощи обрушилась на Светлану Петрийчук и Женю Беркович, а многолетние сроки — на поэтов-лириков Камардина и Штовбу. Живи и бойся. Бойся и живи. И помни, что спрятаться некуда. Нет стороны, безопасной во время обстрела.

Не случайно мы видим немислимые перепалы уровней. То разворачивается грандиозная битва за рублевскую «Троицу», то происходит управленчески серьезный перехват Союза театральных деятелей, то идеологически значимое слияние и поглощение «Золотой маски», а то скандал на фоне «голой вечеринки», когда за носок, прикрывший причиндалы, полагается кутузка и отправка в военкомат. А само участие в полуголом шоу за плотно закрытыми дверями приравнивается к измене родине.

Казалось бы, ничто ни с чем не связано. Музейные (и даже министерские) скрипят зубами, потому что и великая конкретная икона, и сама гарантия сохранности культурного наследия поставлены под климатический удар. Театральные готовятся к худшему. А шоумены ползут на коленях, перечисляют деньги на «Святую Русь», владелец злополучного заведения откупается фальшивыми мощами, телеканалы идут на убытки и переснимают новогодние эфиры. Где «Троица», где СТД, где «Золотая маска», где салат оливье и Киркоров, а где правверный носок? Но мы же понимаем, что приказ о перемонтаже общенародного эфира руководители телеканалов получали с самого верха. Оттуда же, откуда Минкульту спустили распоряжение — отдать святыню. А СТД — поставить твердокаменного Машкова на место газообразного Калягина. Так что — имеется жесткая связь между верхом и низом, серьезным и трагикомичным, между судьбой рублевского наследия и покаянной участью Ивлеевой. И лестница власти, спускающаяся вниз, на уровень постельного белья, на самом деле устремлена вверх.

К закрытым механизмам управления и к основам новой культурной политики, в рамках которой равным весом обладают символ векового русского искусства, управленческий конструкт и недопустимая телесность. Не потому, что (как во времена Суркова) ценности — вторичны, а потому, что это культурная политика всеобщего захвата. Она претендует на все — и на меньшее не соглашается. «Все куплю», — сказал злато; «Все возьму», — сказал булат».

Один из самых характерных эпизодов в рамках этой политики — битва за институт философии РАН. Начало скучное, продолжение интересное, финал в духе Нибелунгов. В далеком 2021-м и.о. директора был назначен Анатолий Черняев, не путать с легендарным помощником Горбачева. Бывший либерал, ставший крайним консерватором; так в истории случается нередко. Институт восстал, и удивительным образом победил, хотя за Черняевым стояли всеисильные структуры Константина Малофеева. Последовала месть; кого-то из черняевских супостатов признали «иноагентом», кого-то назвали врагом народа, но главное, что институт (относительно не центр свободомыслия, просто пример нормальности) удержался.

Верные дугинцы затаились, выждали время, и на излете 2023-го перешли в контратаку — во главе с вдовой философа Зиновьева. Сотрудников института требуют проверить на полиграфе, верны ли они стране и народу. Тут важна не трагикомическая реальность, а соотношение цели и средств. За институт бились и раньше, задолго до всякого Черняева, когда на лакомое здание положил глаз Пушкинский музей во главе с Ириной Антоновой. Строился музейный городок; мотив понятный в эпоху триединой формулы «Православие, самодержавие, доходность». Но сегодня все иначе; никакого материального интереса нет и быть не может. Вопрос о перехвате маленькой академической институции — и только. Зачем? Ради тотального контроля над всем, от телевизора до храма, от диспута до вечеринки, от профессорской шапочки до пресловутого носка.

При этом на вершине пирамиды подчинения через культуру — теперь не лояльный Музей, а покорная Церковь. Которая (возможно) думает, что победила в конкуренции с музейными интеллигентами. Но на самом деле получила временный ярлык; в любой момент может прозвучать заветное слово «стоп», мы передумали. Свято место огни не церковь, а какой-нибудь парк «Патриот». Или исторические аттракционы «Россия — моя история».

* Признан Минюстом РФ «иноагентом».

Театр больше не игра как таковая, иллюзорное счастье и воздушный замок, но инструмент общественного воспитания. Поэтому им важно заниматься в ежедневном режиме, как Министерство просвещения занимается школами. В школе уроки о важном, а в театре спектакли о главном. В школе дают образование, в театре — картину мира. Да, мы все прекрасно понимаем, что самый лояльный артист — прежде всего хочет играть, а самый послушный режиссер придумывать и ставить. Воспитывать и проповедовать — готов, но заодно, попутно. Однако речь о другом; о единой задаче, а не о едином итоге; о том, что между судьбой «Троицы» и «Золотой маски» есть смысловая связь, а не о том, что хорошим спектаклям приходит всеобщий конец.

Третьей лишней в этом ряду кажется «голая вечеринка». Она взорвала ситуацию случайно, никто заранее не планировал атаку на Ивлееву и ее обнаженных друзей. В отличие от передачи «Троицы» и перехвата «Маски». Но порох держали сухим, наганы — на взводе. Не в этот раз, так в следующий, не с этими фигурантами, так с другими нечто подобное должно было случиться. Потому что — «решает проблему». До злосчастной вечеринки имелась «звездная оппозиция», по большей части уехавшая и открыто антипутинская. Народный Галкин*, гуманистический мистик БГ, лирический Макаревич*, Лева* и Шура Би-2... Была «полузвездная поддержка» в лице Долиной, Газманова и др. Но сохранялась плотная сердцевина, выбиравшая нейтралитет. Гонорары — да, протесты и поддержка — нет.

Больше никакой нейтральной сердцевины не осталось. Новая культурная политика сложилась. Модель ее универсальна, захватывает верх и низ, логична и в то же время произвольна, каждый производитель, каждый потребитель культуры должен жить и помнить: тебя посчитали. И тебя. И тебя. И тебя.

История не признает лобовых параллелей и навязчивых сопоставлений. Она предпочитает рифмы, легкие созвучия; ничто и никогда не повторяется, не воспроизводится, просто многое звучит в уни-

Вниз по лестнице, ведущей вверх

сон. Позволим и мы оглянуться — не на перестройку, не на застой, а на довоенный Советский Союз.

Если не вникать в подробности, может показаться, что культурная политика большевиков складывалась по наитию, стихийно. То вожди впадали в раж, то внезапно смягчели, то по некоему политическому произволу снова погружались в мрачность... Проблемы, которыми они пытались управлять, тоже были разноуровневыми и разнородными, несводимыми в единую систему. То нужно сформулировать задачи футуристам то шерстят театральный репертуар, то увлекаются запретом рождественских елок, то внедрением их новогодней версии, то мелочно внедряются в дела эстрады, то формируют бытовые нравы, резко разворачиваясь от практик свободной любви Коллонтай к уголовному преследованию однополрой страсти, и все это без всякой логики, мешая высокое и низкое, важное и второстепенное...

На самом деле логика — имелась. Культурная политика была удобным трюком для перехода от «лихих десятых» к «стабильным тридцатым» через «авторитарные 20-е». (В первой половине 20-х помягче, потом посуровой.) Да, большевики никогда не славились сентиментальностью; разогнав Учредительное собрание, ввели красный террор, убили царскую семью, залили кровью Гражданскую войну, подавили антоновский мятеж. Но что касается идеологии, искусства и науки, то до поры до времени большевики чередовали кнут и пряник, они закручивали гайки медленно — и поэтапно. Даже терпели вольных философов с их свободными академиями и университетами. А тем, кто

подвергся арестам, довольно долго позволяли без публичных покаяний вернуться в легальное поле. Иван Ильин, которого можно обвинить в чем угодно, кроме трусости, шесть раз подвергался задержаниям, выходил из кутузки и принимался за старое.

Чтобы понять, почему система как бы вихлялась и в одних случаях терпела разные оттенки красного, в других вставала на дыбы, нужно вспомнить, чем революционное насилие отличается от полноценного тоталитаризма. Тем же, чем коллективный подход — от персонального. Революционная диктатура контролирует институты и группы людей, она преследует по классовому признаку (религиозному, контрреволюционному, философскому — нужное подчеркнуть), тогда как тоталитаризму этого мало, он претендует на личность полностью и без остатка. И поэтому внедряется и в голову, и в сердце, и, простите, в пах. Делай, как мы, думай, как мы, спи с теми и так, как мы скажем, питайся правильной и вкусной пищей, она же недоступная роскошь, и не мечтай уклониться. И если завтра мы решим, что отныне думать полагается иначе, не задавай вопросов. Просто меняйся — и все. Почему? Потому что. Зачем? Затем, чтобы.

И тогда становится понятно, почему культурная политика порою возносилась в идеологические небеса, а порой спускалась в область материально-телесного низа. Чтобы выстроить модель всеобщего захвата и тотальной перепайки человеческого материала, нужно было заниматься сразу всем. И масштабным, и мелким. Интеллектом и инстинктами. Совершать внезапные броски к музыке вместо сум-

* Признаны Минюстом РФ «иноагентами».

бура, излишествам в архитектуре и так далее. Аккуратно распространяясь вширь. Претендуя на каждую личность в отдельности и на общество в целом. Но никуда не спеша.

Даже после расстрела Гумилева (1921) оставались иллюзии, что это случайный эксцесс, штучный выпад, не системное решение. Высылка «философов» и создание СССР (1922) тоже убедили не всех — и не полностью. Часть интеллигенции решила, что это даже хорошо, зачистка профессуры перед появлением красных профессоров произошла, и на этом первоначальный сталинизм замрет. Что было наивно, однако некоторые основания так думать — были. Да, тамбовское крестьянство уже выкашивают пулеметами, да, «Смоленская нынче именинница», но не бывает дыма без огня, Гумилев же сам охотно подставлялся. А более уклончивым писателям и режиссерам по-прежнему многое разрешали. Сохранялись вполне легальные возможности передавать рукописи за границу — вплоть до скандала с Замятинским диалогом с эмиграцией не пресекался, можно было заступаться за гонимых и даже огрызаться на претензии вождей.

В 1923-м в атаку на Корнея Чуковского пошел создатель Красной Армии и вербовщик футуристов Троцкий: «Чуковский и ставит между собой и революцией старого законного национального таракана в качестве примиряющего начала. Стыд и срам! Срам и стыд!» И тут же, в 23-м, Лев Давидович нарвался на встречный выпад, в котором слились демонстративный лоялизм, страх перед «солдатами» кривоногого и хромого командира, и тотальная издевка: «Вдруг из маминой из спальни, / Кривоногий и хромой, / Выбегает умывальник / И качает головой: ...Я — Великий Умывальник, / Знаменитый Мойдодыр, / Умывальников Начальник / И мочалок Командир! / Если топну я ногою, / Позову моих солдат, / В эту комнату толпою / Умывальники влетят... / Надо, надо умываться / По утрам и вечерам, / А нечистым / Трубочистам — / Стыд и срам! / Стыд и срам!»

Не сделав должных выводов из этой успешной контратаки, в 1928-м тов. Крупская тоном злобной училки написала о «Крокодиле»: «...Звери под влиянием пожирателя детей, мещанина-крокодила, курившего сигары и гулявшего по Невскому, идут освобождать своих томящихся в клетках братьев-зверей. Все перед ними разбегаются в страхе, но зверей побеждает герой Ваня Васильчиков. <...> уже совсем не невинное, а крайне злобное изображение революции».

Казалось бы, где советский сказочник Чуковский, а где всесильная (в рамках педагогики, образования и детской литера-

туры) вдова Ленина. Но Корней Иванович резко поставил ее на место: «Когда мой «Крокодил» появился в печати (в январе 1917 года), миллионы детей сразу поняли, что «Крокодил» есть просто крокодил, что Ваня есть просто Ваня, что я сказочник, детский поэт, а не кропатель политических памфлетов».

Конечно, Крупской обидно. Но пришлось ей потерпеть. Советская власть умело игралась с сословием интеллектуалов в кошки-мышки, усыпляя бдительность и заманивая их в ловушку добровольного подчинения власти. Причем гораздо остроумней, чем Сурков. Тот же Сталин в случае с Чуковским отказался от лобовых наездов, просто перекодировал смысл «Тараканища» и выстроил ассоциацию: «тараканища — правая оппозиция», а уса-тый вождь — спасительный воробышек.

В речи на XVI съезде он сказал: «Боязнь нового, неумение подойти по-новому к новым вопросам, эта тревога — «как бы чего не вышло» — эти черты человека в футляре и мешают бывшим лидерам правой оппозиции по-настоящему слиться с партией.

...Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезти как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти. (*Общий хохот.*)

Мы успокаиваем их и стараемся убедить, что тут нет ничего опасного, что это всего-навсего таракан, которого не следует бояться. Куда там? Они продолжают вопить свое: «Как так таракан? Это не таракан, а тысяча разъяренных зверей! Это не таракан, а пропасть, гибель Советской власти»... И — «пошла писать губерния»... Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что тараканья опасность не стоит и выеденного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя и, расхрабрившись, не прочь пуститься даже в хвостовство, заявляя, что они не боятся никаких тараканов, что таракан этот к тому же такой тщедушный и дохлый. (*Смех. Аплодисменты.*) Но это через год. А пока — извольте-ка маяться с этими канительщиками...

(*Продолжительные аплодисменты всего зала. Овация. Все встают и поют «Интернационал».*)».

Но одной рукой стеля писателям солому, большевики другой брали их за шкуру и переносили в центры напряжения. Чтобы мастера культуры помнили, кто настоящий благодетель и защитник. И сами готовы были попроситься в объятия власти. Так, от Российской ассоциации пролетарских писателей, вскормленной большевиками, на стену лезли все. И Пастернак,

и Маяковский в равной мере: всех довели до белого каления, и попутчиков, и опоры режима. А в 1932-м ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидировал РАПП. Сами подначивали — сами и наказали, а главное — и предложили «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской [стоящих за политике советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем; 3) провести аналогичное изменение по линии других видов искусства [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций]».

Нужно ли уточнять, что слова, выделенные курсивом, были вписаны Сталиным лично? И что встречено это было с энтузиазмом? И что вмешательство в культурные процессы лишь усилилось в сравнении со временами РАППа? И никто уже не протестовал против перехвата жанровых полномочий и против того, что литература становится способом «формовки» человека; все что угодно, лишь бы не РАПП. Так, Постановление ЦК от 9 сентября 1933 года реабилитировало детскую сказку, и тот факт, что партия решает, какие жанры годятся, какие нет, померк в сравнении с открывшимися возможностями... Алексей Толстой немедленно вспоминает свою берлинскую переделку сказки Коллоди и тут же подписывает с «ДЕТГИЗом» договор на книжку о герое, который потом получит имя Буратино. Никаких отбрыкиваний и выпадов, как было когда-то у Чуковского и Троцкого, а также Крупской; все всё поняли и построились в шеренги.

В 1934 году, ровно 90 лет назад, состоялся Первый съезд советских писателей. Министерство литературы учредилось. За ним возник тогдашний СТД (Союз театральных деятелей), Сталинские премии в области искусства; в 1943 году будет переучреждена Православная церковь, а в конце 40-х погромы в культуре доберутся до эстрадных жанров, в частности — джаза. Не «голая вечеринка», конечно, но все же.

А что до съезда советских писателей... Никого особо заставлять и не пришлось. Как говорит герой Никиты Михалкова в фильме Эльдара Рязанова, «сама, сама, сама».

Что делать меньшинству

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО
ВКУПЕ С ГОСУДАРСТВОМ СПОСОБНО
ЗАСТАВИТЬ НЕСОГЛАСНЫХ ОПАСАТЬСЯ
И МОЛЧАТЬ. ХОТЯ САМО ЭТО
БОЛЬШИНСТВО НЕОДНОРОДНО

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

**Алексей
Левинсон**

Кому она мать родна

Пословица, кончающаяся словами «...а кому мать родна», многим сегодня приходит на ум. Но тут же возникает чувство, что не годится она для приложения к нынешнему положению в стране.

Ведь эта пословица рисует вполне определенную картину и содержит вполне определенный этический приговор: народ в целом переживает большое несчастье, а некая малая часть от этого имеет выгоды, и эти выгоды несправедливы. Но сегодняшняя ситуация выглядит иначе: как сообщают разные источники, включая соцопросы (в том числе «Левада-центра») и данные Росстата, в плюсе не меньшинство, но значительная часть народа.

Да, цены и тарифы растут, но растут и зарплаты, и разные выплаты, каких не было раньше. Экономисты хором сообщают о неожиданной для них устойчивости российской экономики, которой все трудности возникшей ситуации оказались нипочем. Состоянию экономики отвечает состояние общества. Произошедшее большинством воспринято положительно (сказать «с пониманием» нельзя, но это, оказалось, не мешает). Три четверти жителей России так или иначе выражали и выражают поддержку действиям российских военных на территории Украины. Основное чувство, которое они испытывают в связи со СВО, — «гордость за Россию». Настроение у двух третей населения стабильно «ровное, спокойное», у еще примерно 15% оно просто «прекрасное», на плохое жалуется лишь пятая часть. Уход на фронт одних, отъезд за

границу других создали, конечно, некий кадровый голод, но он оборачивается ростом зарплат для оставшегося на своих местах большинства.

На протяжении всего постсоветского периода мы фиксировали удрученность граждан по поводу того, что промышленные предприятия (как правило, относившиеся к ВПК) в их городах позакрывались. Сейчас эта промышленность восстанавливается, работники востребованы, их зарплаты, как сказано, растут*. Да и плата воюющим и деньги за раненых и погибших пришли в таком количестве, что можно говорить о заметном улучшении положения самых бедных слоев населения.

Остаткам интеллекту

Для остатков российской интеллигенции, всегда утверждавшей, что для нее главным является благо простого народа, в особенности — бедных, вышперечисленное должно бы быть предметом радости и одобрения. И в этих волнах позитива ей бы сливаться и с властями, и с народом — ведь это ее вековая мечта. Но как можно?! Ее мучают соображения о том, какой ценой куплены эти сдвиги к лучшему, что стало с моральным обликом страны в их глазах и глазах того мира, к которому Россия стремилась себя причислять. Но мучают, по видимости, только ее.

Не впервой, не впервой. Что делали и сделали большевики с Россией, удручали русскую интеллигенцию, ломали ее. Те, кто так или иначе признали либо историческую правоту, либо историческую победу большевиков, заявлявших, что

* Автору пришлось беседовать с главным инженером большого предприятия, где производили военную технику. Оно влачило жалкое существование, но к моменту беседы, как сказал инженер: «Слава богу, (...) началась. Заказы пошли, люди зарабатывать начали. У всех ведь семьи...» Атеисту не понять, какому богу слава в такой ситуации.

действуют в интересах народа, и в первую очередь — бедных, должны были закрыть глаза на то многое в этих действиях, что их этика считала недопустимым, переступить через то многое, что считалось среди них немыслимым. Впрочем, внутренне (и даже публично) признать новую власть вовсе не означало быть признанным ею. Судьба признавших была ненамного легче судьбы непризнавших. Быть со своей страной оказывалось не легче, чем не быть.

Вот и сегодня нельзя не понять тяжелые переживания людей, обнаруживших, что чуть ли не «вся страна» настроена прямо противоположно тем позициям, которые им подсказывают их совесть и разум и потому думающих: быть или не быть здесь. Кто-то из них принял это к сведению и сделал для себя выводы, означавшие, что надо расстаться со своей страной. Кто-то выразил надежду, что со временем россияне переменят свое отношение к нынешней политике своей страны.

Но часть этих людей решила, что сообщаемые «Левада-центром» данные о поддержке действий ВС России и одобрении деятельности президента неверны. Эти люди стали достаточно громко выражать свое недоверие к названным данным, шире — к данным опросов, проводимых в немирных условиях, к опросам вообще.

Понятно, что принятие подобной точки зрения в какой-то мере облегчало им горечь сознания, что так много россиян думают не так, как ты, а единомышленников у тебя очень мало.

Мы не видим оснований сомневаться в результатах исследований «Левада-центра». Но нам понятна горечь чувств всех тех, кто недоумевает...

Ищите себя

Поскольку этот текст пишется с позиций этого меньшинства и адресован этому меньшинству, то главным вопросом здесь будет то, что существенно для понимания его положения. Попробуем обсудить носителей реже избираемых мнений, в том числе тех, которые характерны для читателей этих строк. «Левада-центр» в конце ноября задал вопрос: «Какие чувства вызывают у вас действия России в Украине?» В таблице (см. стр. 44) показано, каковы доли людей по выборке в целом, которые выбрали те или иные ответы.

Что делать меньшинству

Можно догадаться, какие ответы мысленно дают читатели, глядя в эту таблицу. Но следует иметь в виду, что ответы «гнев», «стыд», «тревогу» могли выбирать люди с совершенно различным отношением к действиям России в Украине. В частности, это могли быть и те, кто находит их недостаточно активными. Более узкая группа стоит за ответами о «подавленности». Из дополнительных данных опроса известно, что их отметила почти десятая часть людей с высшим или специальным образованием, руководящих некоторыми технологическими процессами, но не командующих другими людьми. А кто командует — те подавленности не чувствуют. И сообщающих о чувстве тревоги у них меньше всех, в два раза меньше, чем среди специалистов.

Позитивные чувства, как можно видеть, сводятся к «Гордости за Россию». Чем гордятся давшие этот ответ, мы обсуждать не будем.

Как указывалось выше, большинство людей считают, что Россия движется правильным путем, они одобряют деятельность В. Путина на посту президента РФ, они поддерживают действия российских ВС в Украине. Ответов противоположного характера по этим вопросам, какие могли бы дать читатели этих строк, соответственно 21%, 14% и 18% (24%, 18%, 21% среди такой категории, как специалисты). Но повторим, что недовольство курсом, деятельностью президента и неподдержка действий ВС РФ могут выражаться людьми с полярной политической ориентацией.

Напомним, что покойный Пригожин в своих воззваниях, в которых он подвергал жесткой критике стратегов СВО, дого-

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ДЕЙСТВИЯ РОССИИ В УКРАИНЕ?

ДЕКАБРЬ, 2023 ГОДА

□ 1%

ГНЕВ, ВОЗМУЩЕНИЕ

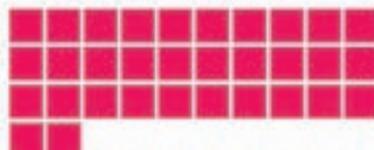
СТЫД

ПОДАВЛЕННОСТЬ, ОЦЕПЕНЕНИЕ

ТРЕВОГУ, СТРАХ, УЖАС

ШОК

ЗАТРУДНИЛИСЬ ОТВЕТИТЬ

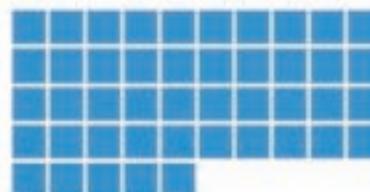
УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, РАДОСТЬ

ВООДУШЕВЛЕНИЕ

ГОРДОСТЬ ЗА РОССИЮ

ДРУГОЕ

НИКАКИХ ОСОБЫХ ЧУВСТВ

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

«Левада-центр», декабрь 2023

варивался и до того, что ее вообще не надо было начинать. Здесь не просто подтверждение пошлой мудрости, что «крайности сходятся». Можно вспомнить людей, имеющих совершенно разные представления о благе России, но сходящихся в том, что СВО не есть дорога к этому благу.

Так или иначе, люди, не согласные с курсом страны, — в меньшинстве,

а согласные в большинстве. Его следует назвать подавляющим большинством и представить, что его размер действительно подавляюще действует на носителей других взглядов. Ведь им в их повседневном окружении, захоти они высказать свои мнения, может встречаться четверо-пятеро с ними несогласных, и не исключено, что ни одного союзника.

Согласно данным опросов, часть людей из обсуждаемого меньшинства предпочитают не ввязываться в спор, помалкивать. А многие из читателей, мы знаем, скажут, что есть немало тех, кто, имея «опасные» взгляды, не соглашаются участвовать в опросах или дают неискренний ответ.

Наверное, есть такие люди. Но истинной характеристикой политической ситуации в стране как раз и является то, что это подавляющее большинство плюс государство оказываются именно что подавляющей силой, способной подавить, заставить этих людей опасаться и молчать.

Впрочем, другой ее характеристикой является то, что 10–20% не имеют этого страха или его преодолевают. Следует сказать и о том, что внушительный массив в 76% давших положительный ответ на вопрос о том, поддерживают ли они лично действия ВС РФ в Украине, состоит из двух неодинаковых частей. Ответ «Определенно да» получен от 45% опрошенных, а 31% выбрали ответ «скорее да». При этом в группе специалистов соотношение этих двух вариантов приближается к равновесию (36%:32%), а в более малочисленных группах студентов и домохозяек второй тип ответа преобладает.

Еще более характерно проявившееся на фокус-группах со сторонниками СВО их мнение, что «в обществе раскол» по вопросу об отношении к этой спецоперации. Такие люди, говоря о расколе, не представляют его в процентах, само слово в их устах означает противостояние если не равных, то сравнимых по силе или значимости двух частей.

Далее отметим, что данные о том, что люди «лично поддерживают» действия ВС РФ в Украине, судя по ряду признаков, говорят не о конкретной поддержке тех или иных действий пехоты, артиллерии и т.п., а об общей «моральной» поддержке. При этом — поддержке армии, а не военных действий. Это можно доказать следующим. Сразу после вопроса о «поддержке действий ВС» задавался вопрос: «Как вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?» — и здесь, в свою очередь, большинство — 53% (внутри которого с необходимостью должно быть большинство «поддерживающих действия ВС РФ») — выбирает «переговоры». А если предлагается вариант, при котором Путин немедленно останавливает конфликт, доля согласных на прекращение военных действий поднимается до 70%.

Эти на первый взгляд «пацифистские» установки, как нам приходилось сообщать, покоятся на убеждении, что мир или перемирие желательны, нужны — но на российских условиях, то есть с тем, что присоединенные к РФ территории остаются

в составе России. (За их возвращение как условие мира — треть россиян.) По состоянию на момент написания этих строк украинская сторона отвергала такую возможность, поэтому все, кто это знал, проявляли своего рода «абстрактный пацифизм» и безопасное свободомыслие, поскольку президент Путин тоже не раз заявлял, что Россия, мол, готова к переговорам.

Для проведения той политики, которую в последнее время избрало руководство страны, указанное соотношение сил в обществе вполне благоприятно.

Можным понять, какой из них верный. Президент в его публичных выступлениях на самых первых этапах СВО выдвигал поочередно несколько причин, и они касались разных аспектов взаимоотношений России и Украины, действий украинской стороны. В российской публике эти причины принимались, но порознь разными ее частями. Возникла ситуация, которую для целей мобилизации общества нельзя признать благоприятной, в обществе не было единого понимания происходящего.

Так или иначе, люди, не согласные с курсом страны, — в меньшинстве, а согласные в большинстве. Его следует назвать подавляющим большинством и представить, что его размер действительно подавляюще действует на носителей других взглядов

При этом существенным является вопрос о причинах (военных действий). Ведь вполне вероятно, казалось бы, ответы, которые весьма неблагоприятны для власти, собирающейся провести важные выборы.

Мнения о причинах

Что касается статуса самого вопроса о причинах, по которым начата СВО, то для начала надо сказать, что есть категория тех, кто НЕ задает этот вопрос. Мы встречались с такими людьми на наших фокус-группах. (Их высказывания приводятся курсивом.)

Итак, довольно многочисленны люди, говорящие: *причины, конечно, есть. Просто мы их не знаем.* Часть из дающих такой ответ им вполне удовлетворена. Часть — не вполне удовлетворена, и они добавляют: *потом-то все выяснится...*

Есть люди, которые объясняют происшедшее тем, что *все к этому шло.* То есть специальных причин они не ищут.

Эффект аннигиляции причин можно получить путем предложения множества вариантов объяснения, что делает невоз-

Когда президентом и пропагандистским аппаратом было найдено объяснение: *мы на самом деле воюем с Западом, с НАТО, во главе которого США* — это сразу сняло вышеназванную нестройность мнений. С этим объяснением российская публика охотно согласилась. У этого объяснения есть несколько важных для того достоинств.

Во-первых, оно вводит нынешнюю ситуацию в уже хорошо разработанный нарратив о не сегодня начавшемся, чуть ли не вековечном противостоянии России и Запада.

Во-вторых, оно позволяет не думать о том, что вооруженный конфликт с «братским народом», ибо воюем с мировым злом в лице Запада/НАТО/США. Украина в этой картине предстает второстепенным пассивным участником, жертвой, ответственность за страдания которой лежит на Западе.

Что делать меньшинству

Наконец, в-третьих, такое объяснение ситуации, по сути, снимает вопрос о причинах (военных действий). Они не частные, конкретные, а общие, исторические. Противостояние с Западом началось в незапамятные времена и принимало разные формы, сегодня эта форма вот такая*.

Венчает тему причин следующее наблюдение. Появилась весьма широкая категория тех, кто отменяет сам вопрос о причинах. *Не важно «почему-зачем», раз начали, надо доводить до конца.* Это мнение распространилось примерно через год после начала операции.

Нам представляется, что появление такой формулы знаменовало новый этап отношения российского общества к СВО. Этот подход годится и для тех, кто верил в упомянутые «частные», и в выдвинутые далее общие причины начать СВО, и для тех, кто в них сомневался или не верил, а таких тоже было немало. Этот подход годится для тех, кто не готов принимать трактовки патриотизма, предлагаемые официальной пропагандой. Этот подход предлагает тем, кому само решение начать СВО представляется политической ошибкой или акцией, сомнительной в морально-нравственном отношении, поддержать тем не менее действия ВС РФ и их

* Стоит попутно заметить, что подобная трактовка создает для российской власти весьма удобные возможности закончить или остановить операцию при отсутствии впечатляющих результатов. Противостояние с Западом — на века. Окончательная победа в этом противостоянии не ожидается. В каждом данном случае, в том числе в данном, самое главное — не дать им победить нас. И если эта цель достигнута, это и есть своего рода победа.

главнокомандующего. Поддержать ввиду некоего более общего, чем все предлагаемые частные политические причины, житейского правила, закона жизни — раз начали, надо закончить. Это правило представляется, как прочие максимы общественной культуры, непреложным. К нему не полагается обращать вопрос «Почему?», его нельзя ставить под сомнение и нарушать.

Эта формула иногда раскрывается и конкретизируется:

Для одних «довести до конца» значит о чем-то договориться с Украиной или с Западом и остановить боевые действия. Конечно, при условии, что это не будет рассматриваться как поражение России. *Россия же не может позволить себе проиграть. Здесь все рухнет тогда.* Для других «довести до конца» значит победить: *Россия ведь не может не победить.* При этом и они не готовы уточнить, в чем может заключаться победа России.

Очень важно, что эта формула, повторим, присоединяет к сторонникам продолжения военных действий в том числе и тех, кто считает, что их не следовало начинать.

Так кому же СВО стала матерью

Еще несколько лет тому назад авторитетные ученые высказывались в том смысле, что экономическая система России изжила себя.

Заслужившая столько порицаний российская экономика, к удивлению многих, пережила стресс-тест санкций и «перевод на военные рельсы». Самые резкие ее критики теперь не устают ее нахваливать за обнаружившуюся ее способность к выживанию и приспособлению ко все более сложным условиям существования.

Звучат завуалированные хвалы в адрес тех руководителей, которые когда-то

перевели государственную экономику на рельсы частного предпринимательства.

Высказываются и мнения о том, что даже государственные предприятия повели себя как независимые субъекты рынка. Этим объясняют столь высокую адаптивность экономики в условиях сегодняшнего дня.

Мы бы добавили к этому иное соображение. Государство, приняв решение о параллельном импорте и подобных ранее запрещенных и наказуемых формах экономической активности, явно ослабило контроль закона над предпринимательской (в широком смысле) деятельностью. И без того значительный «серый» сегмент экономической активности резко расширился. Для части российского бизнеса благоприятна эта среда, где шире действие неформальных правил и в определенном смысле больше свободы. Опыт теневой экономики, неформальной экономики пригодился.

До начала СВО часто встречались весьма пессимистические заключения и касательно политической системы, мол, она стагнирует. У нее, мол, нет иных целей, кроме сохранения статус-кво.

Что ж, система явно изменилась. Страна управляется совсем не так, как два года назад. Атмосфера полна произвола, «волевых» произвольных действий руководителей, идущих над законами или требующих легитимации задним числом. В таком виде система, освободившись от обременений законностью, тоже, как и экономика, обрела известную гибкость. Еще важнее: она поставила цель в будущем. И цель немалая — изменить миропорядок, восстановить мир, расчерченный Сталиным с Рузвельтом и Черчиллем на «наше» и «ваше». Ну или хотя бы частично отыграть назад «проигранное» Горбачевым.

Возьмем, наконец, состояние народной культуры в целом, состояние нравов, представлений, ценностей. Спросим себя, почему российский народ с такой удивившей многих — но не его самого — готовностью принял военную перспективу и пребывает в ней с опять-таки удивляющим многих, но не его, спокойствием. Не значит ли это,

что состояние, вызванное идущими «где-то там» военными действиями, военизированная общественная ситуация оказались приемлемыми, чтоб не сказать желанными, альтернативами прежней «мирной» жизни? И не значит ли это, что мирная жизнь в тех формах, в которых она проходила, тоже «изжила себя»? А в условиях хотя бы символической мобилизации нашла себя?

СВО внесла большие перемены в состояние нормативной системы социума. Наши наблюдения позволяют сказать, что ресоциализация российского общества в процессе реформ и трансформаций начала 1990-х годов вызвала глубокое напряжение. Бывшие советские люди столкнулись с новыми правилами обращения с собственностью, с деньгами, с новой офисной культурой. Роль формальности в отношениях с инстан-

можно счесть за тотальный кризис нормативно-ценностной системы нашего общества. А попытку социума выйти из кризиса за счет такого чрезвычайного средства, как (военные действия), счесть за глубинную причину (военных действий), начавшихся, как кажется многим читателям, неожиданно и причину которых они не могут понять.

Это и есть Россия?

Эти заметки обращены, повторим, к малой части российского общества, пытающейся думать и о его судьбе, и о своей собственной. Для этой аудитории из высказанных выше наблюдений и догадок можно сделать вывод.

Он таков: Россия (в нынешней ситуации военных действий) нашла себя. Уточним: не вообще Россия как феномен мировой истории, а Россия такая, какой она стала по итогам путинского периода, пришла к этому состоянию как к закономерному и логичному социальному результату. Ее та-

кой исподволь создавали, и вот — создали. И такой ей быть впредь. Надолго?

Два ответа. Первый: надолго. Она только начинает обживать эту нишу. Начинает приходить в себя, в новую себя. Формируется фундаменталистское тоталитарное общество. И нам здесь делать нечего.

Другой вывод и другой ответ: нынешнее состояние — реакция на предыдущие двадцать лет, их пароксизм, доведение до логических концов и пределов. И это состояние временное, оно ускоренно дожигает экономические, идеологические и иные социальные ресурсы нынешней России. В скором времени оно предстанет в состоянии опустошения и аномии, и это будет означать готовность к принятию новых социальных форм и очертаний. И нам здесь предстоит сделать очень и очень многое.

В нынешних медиа высказано мнение, что Россия, россияне не способны сами себя исправить, довести до состояния, которое на Западе называют нормальным, полагающимся современному обществу. Ссылаются на то, что все предыдущие попытки таких революций приводили к контрреволюциям более мощным и длительным, чем эти попытки.

Эти соображения следует принять во внимание, но не с тем, чтобы отказаться от таких новых попыток, а с тем, чтобы учесть этот печальный опыт, понять природу этих ретроградных реакций и построить дело иным порядком, их купирующим.

Алексей Левинсон

циями, администрацией и руководством, со сферой обслуживания резко возросла. Вошедшая в жизнь широких слоев населения виртуальная, цифровая реальность с ее законами и правилами, опосредование живых отношений переговорами по различным каналам связи и перепиской, правила обращения с гаджетами и компьютерами — это огромное количество новых формальных правил и новых норм поведения

Сетку новых норм, которые были навязаны большинству, оно осваивает, но эта, скажем так, гиперонимия дается социуму не без труда, вызывает многочисленные мелкие напряжения. А чрезвычайная ситуация может быть средством разрядки.

Более общее рассуждение может выглядеть так: совокупность перечисленных кризисов

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

КАК НАЙТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ
И НЕ СТАТЬ ЕГО ЖЕРТВАМИ

Перспективы
развития или

угроза

существо-
ванию?

Василий
Буров

Словосочетание «искусственный интеллект» (ИИ/ AI)* в течение всего лишь года переключалось из лексикона профессионалов и любителей футурологии и фантастики в повседневный язык. Это уже третья по счету с появления самого понятия в 1956 году волна интереса к нему, и именно она оказалась более успешной, чем предыдущие, — прорыв для массового сознания случился только осенью 2022 года. Он связан с появлением ChatGPT, он дал возможность общаться посредством чата с ИИ как с человеком, прося выполнить те или иные интеллектуальные задачи. И получая весьма достойный результат, часто не уступающий тому, которого добился бы человек, решая поставленную ему задачу. В результате так называемый «тест Тьюринга» — сможете ли вы отличить по ответам на задаваемые вопросы человека и робота — оказался пройденным сам собой.

«ЧЕЛОВЕК ВЗАИМОДЕЙСТВУЕТ С ОДНИМ КОМПЬЮТЕРОМ И ОДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ. НА ОСНОВАНИИ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ ОН ДОЛЖЕН ОПРЕДЕЛИТЬ, С КЕМ ОН РАЗГОВАРИВАЕТ: С ЧЕЛОВЕКОМ ИЛИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММОЙ. ЗАДАЧА КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ — ВВЕСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ЗАСТАВИВ СДЕЛАТЬ НЕВЕРНЫЙ ВЫБОР».

(Стандартная формулировка «теста Тьюринга» на основании статьи Алана

Тьюринга «Вычислительные машины и разум» (журнал Mind, 1950 г.)

Резкая эскалация напряженности во всем мире несколько отвлекла на себя часть внимания, но это не помешало ChatGPT покорить мир: он установил рекорд по быстрому росту аудитории, достигнув 100 млн активных пользователей всего за два месяца после запуска. Такой оглушительный успех положил начало лихорадочной гонке технологических гигантов вроде Microsoft, Google, Baidu — да и включившихся в этот же процесс российских «Яндекса» и «Сбера», а также многих других.

«Очеловечивание» искусственного

Тем самым был преодолен очень четко работавший до этого принцип, сформулированный в формуле Ларри Теслера: «ИИ — это все, что не сделано до сих пор». Распознавание текста, игра в шахматы, перевод с разных языков, кредитный скоринг (проверка кредитоспособности) в банках или то, как устроена фотография в современных смартфонах, — это тоже проявления искусственного интеллекта как технологического направления... По мере прохождения «вау-эффекта» все это стало незаметной обыденностью. Люди все еще ощущают магию ИИ в автомобильном автопилоте, но полагают, что просто наследник паровоза стал более продвинутым. Но вот приобретение искусственным интеллектом антропоморфных черт в самом сокровенном, в том, что мы считаем имманентным человеку — разумном общении, построении логических выводов и обращении их в стройные тексты или изображения, — принципиально поменяли отношение к ИИ.

Впервые для человечества стало реально не просто выполнение искусственным интеллектом каких-то рутинных интеллектуальных операций типа распознавания или классификации, а по-человечески «разумное» поведение в форме поддержания беседы. И кстати, иногда и так называемых «галлюцинаций», то есть выдачи в качестве совершенно уверенной истины некоторых несуществующих вещей, по сути, придуманных компьютером. Переход от чисто аналитической функции к генеративной стал водоразделом, за которым происходит «очеловечивание».

И уже перестало казаться несбыточной фантастикой появление сильного (он же универсальный) ИИ — гипотетического искусственного интеллекта, способного решать любые интеллектуальные задачи и самостоятельно осуществлять целепо-

лагание, — то есть сравнимого с человеческим по своим свойствам, а во многих смыслах даже превосходящего его. Конечно, современные проявления ИИ в общем далеки еще от этого и имеют массу ограничений, но магия больших языковых моделей (это название технологии, которая и дала столь эффектный результат) для многих уменьшила дистанцию между людьми и машинами до слаборазличимой. А тут же естественным образом возникший хайп направил в отрасль столь огромные бюджеты, что это не может не ускорить прогресс. Интерес настолько велик, что даже в российской властной риторике вместе с призывами к возвращению к истокам и традициям соседствуют и декларации о том, что искусственный интеллект теперь наше всё и стратегическая область.

Статистический попугай

Особенностью нынешнего пришествия ИИ (длящейся последнее десятилетие уже третьей большой волны, про которую все думали, что она вот-вот сдуется, как и предыдущие) стало то, что она базируется не на идее осознания людьми своих знаний и какой-то контролируемой формы «закладывания в машину», а на использовании концепции машинного обучения. То есть на появлении «интеллектуальных способностей» за счет обучения на каких-то предоставленных машине наборов данных, описывающих предметную область, а также реальный или синтетически предыдущий опыт.

Это довольно старая идея, которая идет еще из середины XX века. Но до определенного времени не было таких алгоритмов и вычислительных мощностей. А когда они появились, то началось лавинообразное распространение решений и их внедрение в жизнь. На сегодняшний день «венцом творения» стали так называемые большие языковые модели, которые способны обучиться на гигантском объеме информации, фактически охватывающем все знания мира. И благодаря им «статистический попугай», как некоторые называли искусственные нейронки из-за того, что свой результат они генерируют, предсказывая наиболее вероятное слово (или пиксель, если речь про изображение), наглядно продемонстрировал переход количества в качество.

* Привычное сокращение ИИ выглядит не слишком изящно. Английское AI (artificial intelligence) — лучше, но не очень очевидна его уместность. Конечно, это отдельная тема, что наш «искусственный» и их artificial — разные коннотации. Например, «искусственный мех» у «них» совсем не artificial, а faux или даже fake.

При этом человек не обладает полным контролем над тем, что именно усвоил такой электронный мозг. Собственно, обучение такой искусственной нейронной сети очень похоже на то, каким образом обучается и человек. Мы знаем, что пока сеть находится в состоянии «мышления» в рамках того, что ей дано, но до конца не знаем, как именно. Зато можем контролировать то, что дается в качестве обучающих данных, и стараться избегать плохого, например, какой-то предвзятости. Хотя для реальных исторических данных это получается плохо, предвзятости в нашей реальной жизни полно. Например, несколько лет назад был случай, когда нейросеть, которую пробовали научить раннему обнаружению преступников на основе анализа большого массива старых дел, оказалась... расистской. То есть искусственная нейронная сеть, обученная на данных из прошлого, вполне может дать и воспроизведение отрицательных паттернов из этого прошлого. А искусственно созданные так называемые синтетические данные могут оказаться недостаточно соответствующими той реальности, в рамках которой придется принимать решение.

Еще одна важная вещь — чтобы скоротить сети данные, надо сначала их собрать. Отсюда следует идея собирать как можно больше данных. И делать это с изрядным запасом — мы же не знаем, что пригодится. Но любые собранные данные сразу становятся источником рисков их утечки и использования во вред. Не говоря о том, что вред в государствах с разными политическими режимами может рассматриваться очень по-разному.

Три закона Азимова

И это уже всерьез поставило вопрос о том, что надо как-то искусственный интеллект регулировать. Собственно, эта проблема уже давно обсуждается в профессиональном сообществе. Одной из самых известных — и, надо сказать,

...угроза существо- ванию?

продуманных — в этой области долгие десятилетия оставалась попытка фантаста и ученого Айзека Азимова в 1942 году (понятия ИИ тогда еще не было) сформулировать «три закона робототехники» с добавлением к ним в 1986 году еще одного, названного «нулевым».

0. РОБОТ НЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ИЛИ СВОИМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ БЫЛ ПРИЧИНЕН ВРЕД.

1. РОБОТ НЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЧЕЛОВЕКУ ИЛИ СВОИМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКУ БЫЛ ПРИЧИНЕН ВРЕД.

2. РОБОТ ДОЛЖЕН ПОВИНОВАТЬСЯ ВСЕМ ПРИКАЗАМ, КОТОРЫЕ ДАЕТ ЧЕЛОВЕК, КРОМЕ ТЕХ СЛУЧАЕВ, КОГДА ЭТИ ПРИКАЗЫ ПРОТИВОРЕЧАТ ПЕРВОМУ ЗАКОНУ.

3. РОБОТ ДОЛЖЕН ЗАБОТИТЬСЯ О СВОЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТОЙ МЕРЕ, В КОТОРОЙ ЭТО НЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ПЕРВОМУ ИЛИ ВТОРОМУ ЗАКОНАМ.

При всей своей всеобщности эти законы, конечно, не могли удовлетворить реальную регуляторику. Для нее долгое время самыми главными были два направления, имевшие очень четкое прикладное значение. Первое из них — это ответственность, наступающая в том случае, когда искусственным интеллектом были приняты решения, которые влекут за собой тот или иной ущерб. Виноват ли тут создатель ИИ, его владелец или еще кто-то? Ну и каким образом принимать

сами эти решения: например, что должен делать беспилотный автомобиль в случае гипотетического выбора между спасением жизни своих пассажиров ценой жизни других людей, или наоборот?

Вокруг последней проблемы, известной также как «проблема вагонетки», возникло большое число обсуждений, научных и псевдонаучных работ, но все оставалось в основном в рамках теоретизирования. А вот с ответственностью там, где до этого дошло, стали применять принципы, относящиеся к домашним животным, — довольно успешно отрабатанные со времен, когда гужевой транспорт был основой мира. Коротко говоря, за животным признается некоторая свобода воли, но при этом хозяин несет ответственность за него. И, соответственно, он должен компенсировать любой ущерб в случае, если не докажет, что предпринял все разумные усилия для того, чтобы такого ущерба не было.

Второе большое направление было связано с вопросами приватности и безопасности, особенно обострившимися, когда наши города оказались напичканы камерами наблюдения, дающими возможность для анализа всего и вся. Есть, например, и смежные вопросы об анализе данных пользователей в социальных сетях. Тут в зависимости от традиций тех или иных стран и политических режимов начало возникать разделение от «запретить все анализировать» до «все должно быть прозрачно и доступно государству». Возникают и эксцессы, когда на основании ошибки искусственного интеллекта начинают преследовать ни в чем не виновного человека.

Скандалы, разразившиеся в связи с этим в 2020 году сразу в нескольких странах (включая Россию), заставили серьезнее отнестись к такой области, как этика искусственного интеллекта. Подлили масла в огонь и возникавшие ошибки с распознаванием людей различ-

ных рас — тем более что они пришлось на пик активности движения BLM. Ответом стало появление в разных странах различных документов, касающихся соблюдения многообразных этических правил при разработке и применении систем искусственного интеллекта. Важные в мировой системе стандартизации организации ISO (Международная организация стандартизации) и IEEE (Институт инженеров электротехники и электроники, США) начали процессы выработки стандартов, запустилось движение в таких международных организациях, как ООН и ОЭСР, возникло много страновых инициатив. И даже в России решили, что сейчас не время для раскочки, и приняли осенью 2021 года «Кодекс этики искусственного интеллекта», разработанный Альянсом в сфере искусственного интеллекта совместно с Аналитическим центром и Минэкономразвития. Но все эти документы носили скорее характер общих рекомендаций из разряда «за все хорошее, против всего плохого». Не говоря о том, что никакого реального пути обеспечения применения таких норм не возникало.

Наиболее системно за дело взялась европейская бюрократия. После нескольких лет работы, на пике хайпа, вызванного ChatGPT, в начале декабря 2023 года Европарламент объявил, что достиг согласия по принципиальным вопросам регулирования ИИ, и осталось только облечь это в форму официального документа, известного как AI Act. Сами принципы уже опубликованы и, скорее всего, станут в некотором смысле модельными и для других стран — для кого-то оказавшись примером для повторения, а для кого-то и наоборот.

Если это свести к кратким формулам, то, согласно AI Act, будет ограничено использование систем биометрической идентификации (с исключением только для правоохранительных органов, и то с оговорками); запрещен социальный скоринг (оценка человека по его социальным характеристикам, определение его условной полезности для общества) и применение ИИ для манипулирования поведением или использования уязвимостей пользователей; на уровне ЕС будет создан специальный орган для регулирования ИИ. За всеми гражданами будет закреплено право обжаловать действия искусственного интеллекта и получать содержательные объяснения по тем или иным принятым решениям (что до сих пор является самым слабым местом для так называемого машинного обучения, развитие которого и обеспечило современные прорывные результаты). А обеспечивать исполнение призваны крупные оборотные штрафы (вплоть до 7%) для компаний, разрабатывающих и эксплуатирующих ИИ.

Имплементация правил окажется довольно жесткой. В течение полугода после принятия Акта предполагается запретить несколько классов систем, которые были признаны потенциально несущими слишком высокие риски и не поддающимися регулированию, которое бы позволило их снять. В их число вошли системы, которые довольно активно развиваются в России и Китае. Это все, что связано с различными социальными рейтингами, распознаванием эмоций на рабочих местах или в образовательных учреждениях, нецелевое извлечение изображений лиц людей из интернета или записей видеонаблюдения для создания баз данных для распознавания лиц. Например, в России на некоторые из таких систем делают ставки не только государственные мужи для обеспечения более высокого уровня контроля, но и бизнес — практически в каждом серьезном университете есть те или иные проекты, связанные с распознаванием эмоций на занятиях, а стартапов, эксплуатирующих такую идею, насчитываются, по крайней мере, десятки.

Беспилотный интеллект

Насколько удастся обеспечить адекватное правоприменение, пока неясно. И вообще — не остановят ли разнообразные ограничения и транзакционные издержки, вызываемые регулированием, развитие технологий? Здесь европейские парламентарии нашли не совсем стандартный вариант ответа. Вся строгость ограничений относится к тем моделям ИИ, которые являются проприетарными, то есть закрытыми в рамках действий тех или иных конкретных игроков рынка. Те же, кто занимается открытыми моделями — то есть такими, которые доступны всем желающим и имеют лицензию, позволяющую ее свободно использовать не только разработчикам, — имеют гораздо меньше ограничений.

С одной стороны, это обеспечивает большую прозрачность рынка и позволяет избегать его монополизации. С другой — возникает больше возможностей для контроля со стороны общества. А с третьей — два наиболее успешных и перспективных европейских стартапа в области искусственного интеллекта, французский Mistral и немецкий Aleph Alpha, основываются именно на такой open-source бизнес-модели. Поэтому они, выступая активными лоббистами такого послабления, боролись не только за пользу для человечества, но и за свои конкурентные позиции.

Некоторые важные моменты, про которые много говорится, остались за рамками

этого подхода. Например, дипфейки — сгенерированные с помощью возможностей искусственного интеллекта фото-, видео-, аудиоматериалы, являющиеся подделками. Но это и сейчас покрывается уголовным правом, так что совершенно не обязательно тут выстраивать какое-то ситуативное регулирование, ставшее столь популярным в России. Остается открытым и вопрос использования ИИ вместо человека, например, в образовании, где в значительной мере используется презумпция человека как единственного достаточно эффективного интеллектуального агента. Сгенерированное ChatGPT эссе или даже дипломная работа, как наглядно показал полгода назад один из дипломников РГГУ, неотличимы для комиссии от написанной человеком.

Окончательно европейское регулирование ИИ, видимо, будет принято уже в первой половине этого года. Скорее всего, довольно быстро появятся подобные акты и в других странах. Очевидно, они будут в чем-то пересекаться, а в чем-то противоречить друг другу. Например, одной из самых сложных для согласованного регулирования проблем станет использование ИИ в сфере применения силы — как на уровне общественной безопасности, так и в военных целях. Уже сейчас Россия и Украина активно используют друг против друга беспилотники, в управлении которыми пока не в полном объеме, но довольно активно используются некоторые решения на базе искусственного интеллекта. Пока это не принятие роботом собственного решения о применении летального оружия, но уже не надо быть провидцем, чтобы увидеть перспективу и такого развития событий.

Глобальное проникновение технологий вынуждает выстраивать и глобальное регулирование работы с ИИ. А он вовлекается и в геополитические процессы. Значит, помимо странового регулирования должно возникнуть и надстрановое — что в текущих международных условиях пока выглядит скорее утопично. Международные организации работают довольно плохо, и непонятно, кто из них мог бы стать глобальным регулятором. В каком-то смысле задача становится сродни атомной энергии — с одной стороны, гигантские положительные перспективы для человечества, с другой — огромная опасность его самоуничтожения. Найти какой-то работающий подход в атомной области отчасти удалось, а теперь возникает вопрос: можно ли повторить этот опыт в сфере искусственного интеллекта?

Василий Буров

ЛОЖЬ, СПОСОБЫ
ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ,
РЕСУРСЫ (ФИНАНСОВЫЕ,
ИНФОРМАЦИОННЫЕ,
КАДРОВЫЕ) ДЛЯ ИХ
ДОСТИЖЕНИЯ —
ВОТ ЧТО СЕГОДНЯ БОЛЬШЕ
ЦЕНИТСЯ ПОЛИТИКАМИ,
ЧЕМ ИДЕИ И СМЫСЛЫ

Петр САРУХАНОВ

Повелители нарративов

Кирилл
Фокин

«Империю будущего будут империями разума», — заявил Уинстон Черчилль в 1943 году.

Последний премьер-министр Британской империи, он сам являл собой тип политика-интеллектуала, свойственного скорее веку XIX, нежели XX. Бывший журналист, автор не только многотомных воспоминаний, исторических и публицистических книг, но и настоящего художественного романа («Саврола», 1900, — то есть на самой заре карьеры), Черчилль увлекался живописью и экспериментировал в риторике.

Согласно правилам публичной политики, Черчилль, конечно, упрощал свой имидж. Изображал то наглого «бульдога», то степенного «старца», то лихого «авантюриста» — а слабые аргументы, как известно, «усиливал голосом». В нем было и ребячество, и задор, и глупость. Но по сравнению даже с Рузвельтом и Трумэнном, не говоря уже о начитанном, но совершенно окаменевшем и затерянном в паутине интриг и жестокости Сталине, Черчилль действительно был мудрецом, лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Тем не менее в прогнозе он ошибся.

Преемник традиции премьеров-интеллектуалов вроде Гладстона-теолога и Дизраэли-беллетриста, в некотором роде — наследник либеральной эпистолярной традиции отцов-основателей США, Черчилль надеялся на трансформацию своей любимой Британской империи. И вместо того, чтобы скреплять ее силой и экономикой, он предвидел скрепляющие общечеловеческие «механизмы разума» — того, что мы сегодня бы назвали гуманитарной soft power, мягкой силой.

В научно-техническом смысле он попал в точку. Сегодня вряд ли найдется человек, действительно представляющий себе — в деталях, а не в рамках удобной теоретической модели, — как функционирует любая из современных сверхдержав. Экономические процессы стали слишком сложны даже для специалистов; наука ушла слишком далеко вперед, и фундаментальные исследования ведутся в областях, где вообще неясно, найдется ли какое-ли-

бо практическое (рыночное) применение открытиям.

Все очень сложно. И сложность современных империй-сверхдержав обеспечивается, в том числе, невероятно запутанными и продвинутыми финансовыми, техническими, цифровыми системами.

Так что в смысле инструментария — это империи разума.

Но с точки зрения политики — и управления этим инструментарием — все невероятно просто. Если не сказать хуже.

Времена, когда государствами — и империями, и национальными государствами, и другими политическими формами — управляли интеллектуалы-аристократы, монархи и элиты, были страшными, жестокими, несправедливыми. Интерес к античной философии и дебатам о божественной природе человека не мешал начинать бессмысленные и кровавые войны, устраивать колониальные геноциды, цинично закрывать глаза на страдания и собственных народов, не имевших ни голоса, ни политического представительства.

Эмансипация ранее бесправных групп и обретение ими возможности влиять на политический курс — огромное достижение человечества. Этот процесс еще далек от завершения: уровень неравенства в мире все еще огромен, причем это неравенство не «естественное» (то есть сложившееся в результате взаимодействия более-менее паритетных акторов), а априорное — на уровне неравенства стартовых возможностей.

Но вовлечение все новых и новых групп в политический процесс (то, что Збигнев Бжезинский называл «глобальным политическим пробуждением») вкупе со взрывным ростом и развитием информационных технологий, формированием полноценных альтернативных/продолженных реальностей (через гаджеты и интернет), распространяемых и на материально-необеспеченные широкие слои, — влечет за собой ряд новых политических вызовов.

Один из них — радикальное упрощение политического нарратива.

Публицистический роман Дмитрия Быкова* «VZ» заявляет яркую идею: политики нового типа — это «короли-нарраторы», «короли-повествователи». Они не «профессионалы» и могут не разбираться в экономике или промышленности (это слишком сложно, и там нужны узкие спецы) — но зато они выдумывают интересные сюжеты, которые предлагают обществу. В том, что эти новые нарративы больше похожи на сюжеты телевизионных шоу, чем

на идеологические системы, как раньше, писатель видит и новый смысл политики, и веяние времени.

Действительно, пройдя этап профессиональных политиков (который был, к слову, недолгим), мы вернулись назад — в эпоху до профессиональной «нормальной», «скучной» политики, назад в Средние века и Античность — где сыновья Божьи, носители мессианских идей, пламенные революционеры-освободители и прочие чудесные посланцы небес ходят среди нас и указывают нам правильный путь.

Через интернет делать это стало гораздо удобнее.

Нужны только скорость, упрямство в отрицании фактов (которые не ложатся в заявленный сюжет) и умение формулировать. Вдобавок, очень важна простота и доступность нарратива — ведь чем больше людей сможет войти в него (то есть проассоциировать себя с героем нарратива, как в телешоу), тем более успешен он будет.

Это азы пропаганды. Но пропаганда тоже бывает разная.

Обратите внимание, как упростились мейнстримные идеи в политических дискурсах разных стран. Везде, даже в наиболее сложносочиненных сообществах — то есть либеральных демократиях, — нарративный упор делается на простейшие формулы «государства», «справедливости», «своих и чужих», «наших и не наших». Идеи глобализации, общечеловеческих ценностей, прав человека, разнообразия и так далее — сами по себе всего лишь чуть-чуть более сложные, но требующие некоторой концентрации и доведения ряда мыслей до логического умозаключения, опровержения самых базовых традиционных представлений, — теряют популярность повсеместно.

Одновременно с этим настоящие интеллектуалы, замыкаясь внутри собственных интересов, коллег и сочувствующих, идут по пути все большего и большего усложнения. Это естественно: ведь если ты пишешь книжку по философии в XXI веке, ты обязан прочитать, ну или по крайней мере иметь представление хоть в общих чертах, но обо всем, что было написано до тебя. Так научная традиция продолжается и развивается. Но порог вхождения становится все выше. Новые специалисты, приходящие не только в гуманитарные, но и в точные науки, не всегда имеют время действительно прочитать все, написанное прежде. В результате им приходится (а куда деваться?) довольствоваться пересказами и списками, из которых неизбежно выпадают целые научные течения и научные школы.

*Признан Минюстом РФ «иноагентом».

Повелители нарративов

Выход этих интеллектуалов в публичное поле тоже приводит либо к значительным упрощениям (за которыми теряются нюансы и остается просто голый и оттого легко критикуемый нарратив), либо к тому, что их (почти) никто не слушает.

Но есть и третья опция.

Когда политикам нужно распространить свою пропаганду (или свой «нарратив») на образованные слои граждан, они могут этих интеллектуалов рекрутировать. Далеко не всегда подобный симбиоз будет наемничеством со стороны интеллектуала. Чаще — в том, что делает политик, интеллектуал увидит собственный нарратив, который может в корне отличаться от подлинного смысла происходящего. Но став союзником политического курса не на уровне теории, а по факту, интеллектуал может проявить настоящие чудеса мыслительной акробатики — и выстроить поистине головокружительную идейную архитектуру для оправдания вещей абсолютно примитивных.

Посмотрите, как изошряются «консервативные философы» вроде Александра Дугина, приписывая СВО вселенские смыслы. В какую бездну теорий — от американских моделей теории игр до сложных моральных весов, менеджмента рисков — забираются проponentы ядерного шантажа вроде Сергея Караганова. Оба они, конечно, не являются настоящими интеллектуалами (в профессиональных сообществах их всерьез не воспринимают). Но для того, чтобы подвергать примитивным идеям сложную основу, они эксплуатируют вполне легитимные научные конструкции.

То же самое мы можем наблюдать в текущей стадии войны Израиля с ХАМАС.

С одной стороны, для того, чтобы обосновать и оправдать открытый человеко-ненавистнический террор, используется сложная научная постколониальная оптика, юридический аргумент «права на восстание», отсылки к концепции самоопределения наций. С другой стороны, чтобы обосновать и оправдать военный ответ Израиля, гуманитарную катастрофу, неизбирательные удары, жертвы среди гражданских, — используется не менее сложная оптика «теории справедливой войны», «права государства на ответ», «коллективной ответственности» и так далее. Хотя и то и другое на самом деле — просто вариации первобытного принципа «око за око», а если еще проще — мести.

На эту ситуацию налагается общий «кризис экспертности». У этого социального явления — связанного в первую очередь со скоростью распространения информации и ее количеством — есть много измерений.

Одно из них — внешнее: для того, чтобы адекватно оценить чужую экспертность, — необходимо самому быть в этой области экспертом. Иначе мнение шарлатана для вас будет звучать так же убедительно, как и мнение специалиста. Другое — внутреннее — собственный кризис в науках об обществе, известный как «кризис воспроизводимости». Многие из известных социальных и психологических экспериментов, на которых основывали свои тезисы ученые, оказались невозпроизводимы — а значит, неверны для генерализации. Грубо говоря, значительный объем того, что мы считали, мы знаем о человеке, оказался подвергнут сомнению. И для человека, который не понимает принципы научного подхода (а таковых, к сожалению, большинство), это является свидетельством того, что науке вообще нельзя доверять (что, конечно же, не так).

А ведь если «ученые и сами не знают, что происходит», то у нас пропадает и единственный критерий настоящей интеллек-

туальности, а именно — признание профессионального статуса. Если наука не может ничего доказать, значит, никакой объективной правды не существует. Значит, дело интеллектуала — красивые формулировки. Но по красоте формулировок, если столкнуть условного Дугина с условным Фукуямой, еще неизвестно, кто победит. Оцените, насколько удачливы мистические репризы Дугина, расходящиеся на мемы даже среди его противников, — и насколько неудачной оказалась гипотеза «конец истории», где Фукуяма имел в виду вещь совершенно иную, чем думает подавляющее большинство комментаторов (очень здравую и довольно тонкую). Но из-за неловкой формулировки над ним все равно и сегодня продолжают смеяться.

Такую девальвацию интеллектуального капитала у широкой публики политики чувствуют. Они все еще могут и довольно активно используют мыслителей для поддержки собственных нарративов. Но сами, будучи нарраторами и шоуменами, в них уже не нуждаются. Сложные конструкции отпугивают: нарративы нужны простые, интересные, захватывающие.

А главное — продолжающиеся без остановок, без рефлексии, без размышлений, без пауз на перекур и обсуждение.

Ради того, чтобы шоу шло, и шло, и шло, эти короли-нарраторы переписывают сюжет в середине показа, заменяют героев, мотивации, ломают собственную логику. Но если в недавнем прошлом их еще могли поймать за руку и медийное разоблачение лжи высокопоставленного политика в состоявшейся демократии еще могло привести к его отставке, то в демократиях постмодерна, типа США при Трампе, даже уголовное преследование и буквально попытка силового захвата власти — отнюдь не приводит к концу карьеры. Что и говорить про автократии.

Публичные интеллектуалы, даже самые популярные и имеющие большие и лояльные аудитории, для политиков никакой угрозы не представляют. Даже нечестный публичный интеллектуал все равно ограничен некоторыми представлениями

о мышлении, потому что иначе он интеллектуалом вообще не является. А нарратор, политик-шоумен, не ограничен вообще ничем, он не имеет ни школы, ни традиции, ни (часто) адекватного образования, он просто сочиняет на ходу, а проверять факты после дебатов — это все равно что махать мечом на поле проигранной битвы.

Ложь, ясное понимание цели, ресурсы (финансовые, информационные, кадровые) — вот что важнее сегодня в публичной сфере, чем идеи и смыслы. Способ доставки идеи, как доказывает феномен твиттер-президентов, — сегодня не просто и есть идея, а важнее идеи. *He the medium is the message* (как писал Маршалл Маклюэн), *a the medium is over the message*.

Интеллектуалам, еще не предавшим хоть какие-то стандарты честности, позволяют существовать в гетто. Можно сказать — в сектах, можно — в комфортабельных шарашках. Они там продолжают производить смыслы и общаться друг с другом, обсуждать важные вопросы — вот только людям

за пределами этих гетто нет до них никакого дела. Включиться в реальную борьбу за ресурсы и за осуществление политического действия они неспособны.

Это пессимистическая точка зрения.

Оптимистическая — в том, что они взращивают новую аудиторию и новые поколения. Работа на усложнение — это работа вдолгую, и, таким образом, меняя публичный дискурс по чуть-чуть, спустя какое-то время благодаря эффекту накопления они могут добиться некоторой смены общественной парадигмы (или «нарратива»).

К сожалению, все чаще этот аргумент напоминает самовнушение.

Интеллектуалы, конечно, могут поучаствовать в воспитании части политической элиты. И потом в официальных биографиях политиков будет значиться — ученик такого-то философа, крестник такого-то писателя, приемный племянник такого-то режиссера. Но логика политической борьбы рано или поздно заставит человека, попавшего внутрь системы, пойти на ком-

промиссы: и либо уйти, либо измениться под давлением среды.

Интеллектуальная деятельность — хотя и производное от огромной сети и наследства предыдущих поколений — дело одинокое. А политика — это дело коллективное.

В этом смысле интеллектуалы чаще не воспитывают, а вооружают политиков опасными технологиями и идеями. Вспомним Аристотеля и Александра Великого: как первый просветил его великой мечтой панэллинского единства и как второй под прикрытием этой светлой утопии построил, по сути, восточную деспотию, страшно разочаровав учителя. Существует даже конспирологическая (не подтверждаемая фактами) версия, что это Аристотель отравил Македонского.

Мы в тупике. Мы наблюдаем крах популярной некогда идеи (скорее в культуре, чем в жизни), что условный поэт или художник превосходит короля. «Брежнев — мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой» — а так ли это? Нет. Леонид Брежнев мог изменить судьбу человечества своими решениями. И мог сделать так, что Аллы Пугачевой не существовало бы вообще, как и всех нас. Это неприятно осознавать, потому что миф о могуществе искусства — и мысли, интеллекта — в нас силен. Но, увы, он преувеличен. В моменте король всегда сильнее.

И как бы летописец или историк ни описывал короля, издеваясь над ним после смерти, — главное в том, что бы он посмел сказать при жизни. И чем бы заплатил.

* * *

Здесь — по обычной нарративной логике — после такой неприятной констатации должен появиться духоподъемный финал. Да, все тяжело и непросто, времена меняются слишком быстро, гуманизм не успевает за прогрессом, а знания за технологиями — но как-то справимся, переживем и не такое бывало.

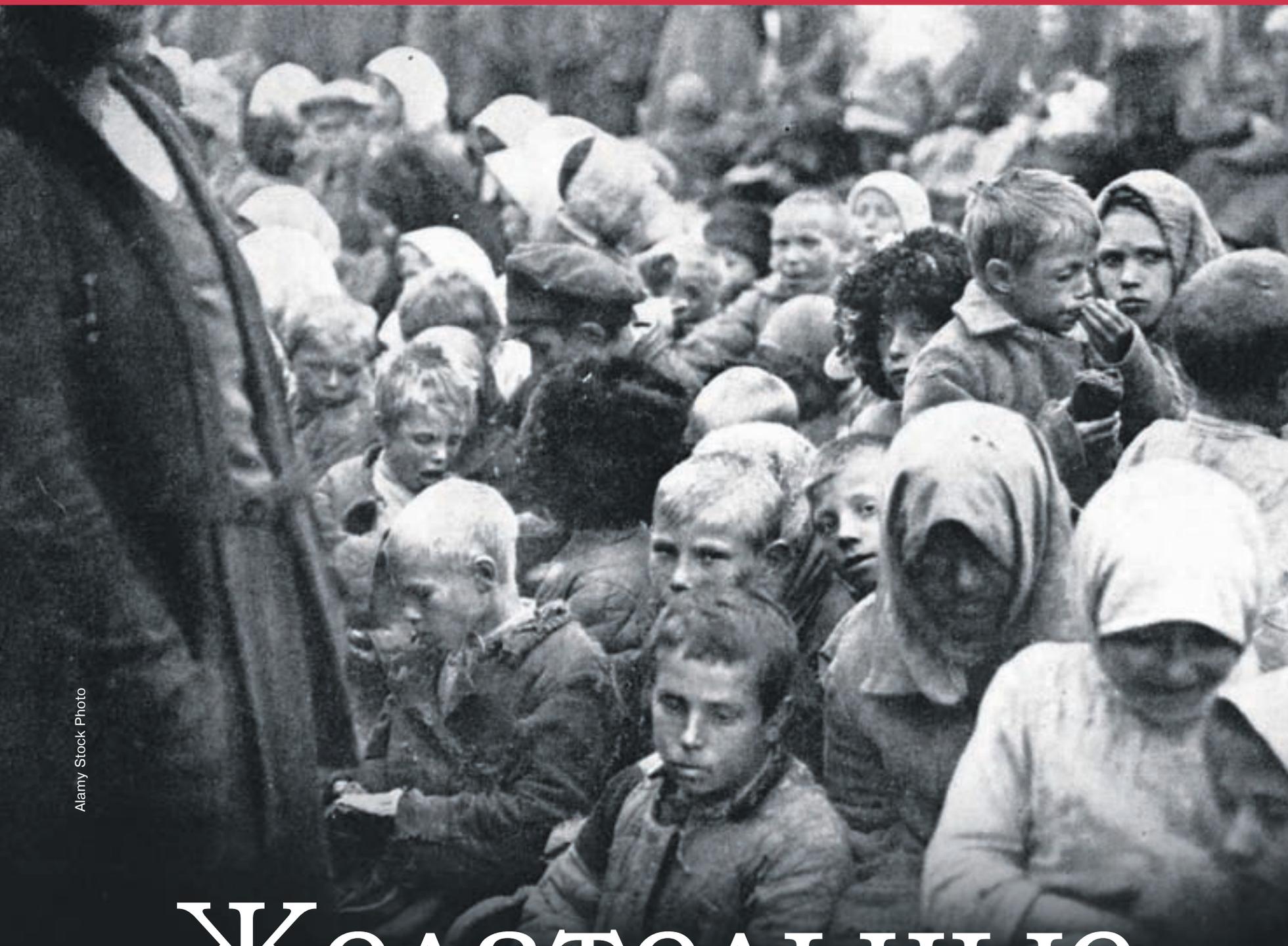
Но хорошего финала пока нет.

Либо интеллектуальная часть общества во всемирном масштабе научится новому способу взаимодействия с окружающей средой — в первую очередь, информационным потоком, а общество — то есть мы все — научится заново доверять сложности и ценить сложность. Тогда будет шанс избежать превращения человечества в диверсифицированную помойку. Либо сделать этого мы не сможем. Тогда мыслителям останется замкнуться в своих кельях и продолжать просвещать друг друга, не оказывая никакого влияния на происходящее за окном. И надежда будет только на роботов.

Кирилл Фокин

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

Alamy Stock Photo

Желательные иностранцы

КАК «АНГЛОСАКСОНСКИЕ» КВАКЕРЫ
СПАСАЛИ ОТ ГОЛОДА ЖИТЕЛЕЙ ПОВОЛЖЬЯ

Сергей
Никитин

В 2015 году в России, как известно, был принят закон о нежелательных организациях — в дополнение к закону об иностранных агентах, вступившему в силу за пару лет до этого. Если говорить кратко, то закон об иностранных агентах был направлен на российские неправительственные организации, тогда как закон о нежелательных организациях касался иностранных некоммерческих организаций: их можно было закрыть без суда и следствия и запретить на территории России. Эти два закона положили начало кремлевской кампании по подавлению гражданского общества в России. Теперь, десять лет спустя, там, где раньше были десятки некоммерческих организаций в России, — выжженная земля. Согласно сегодняшней госпропаганде, все чужое подозрительно и недружелюбно по отношению к России и ее гражданам.

Схожие антииностранные кампании случались в нашей стране и ранее. В конце 1940-х годов Кремль вел борьбу с «низкопоклонством перед Западом», в ходе которой, например, многие слова иностранного происхождения были заменены русским эквивалентом (например, футбольные беки и хавбеки стали защитниками и полузащитниками, а булка хала — плетёнкой).

Но наш сегодняшний рассказ не о переименовании иностранных терминов. Мы хотим вспомнить о том, как миллионы наших сограждан были спасены от голодной смерти около ста лет назад, и о том, как память о спасении наших прабабушек и прадедушек советские и российские власти предали забвению. Как и иные добрые дела, сотворенные теми, кого нынче кличут англосаксами, — все было полностью стерто со страниц книги истории.

Причины голода, начавшегося в Поволжье в 1921 году, излагались по-разному в разные времена. Понятно, что советская историография винила во всем погодные условия, кулаков и международную блокаду молодой Советской

республики. В последние годы появилось много научных трудов, в которых причины даются без оглядки на политическую конъюнктуру.

Одной из главных причин голода называется продразверстка, то есть принудительное изъятие советскими властями хлеба и других продуктов у крестьян по установленной («разверстанной») норме продукта и государственным ценам. Именно продразверстка привела к тому, что признаки надвигающегося голода в Самарской губернии фиксировались еще в феврале 1921 года, когда ни о какой засухе говорить не приходилось. Москва уже тогда получала тревожные вести из Поволжья вообще и из Самарской губернии в частности¹: «ввиду неурожая 1920 года и взыскания непомерной разверстки в 10 миллионов пудов крестьяне начали голодать с января 1921 года, а в феврале начались голодные заболевания и смертные случаи». К началу лета местные власти докладывают² в Москву о том, что «тысячные голодные толпы осаждают Уездисполкомы и терпеливо ждут, никакие уговоры не действуют, некоторые тут же от истощения умирают. Необходима немедленная помощь...».

Советские власти должны были накормить многомиллионное — в основном крестьянское — население почти 35 губерний, охваченных голодом. В стране не было ресурсов для того, чтобы прокормить такое количество людей. Большевикам пришлось многое менять в своей политике, в том числе и отношение к иностранной помощи. Более того, надо было просить о помощи Запад, иначе большевиков могли смести вчерашние красноармейцы, вернувшиеся с фронтов Гражданской в свои голодные деревни.

Ленин, отдавая себе отчет о нависшей опасности, уговорил Максима Горького обратиться к Западу. Известный во всем мире русский писатель в июле 1921 года написал воззвание «К сведению всех честных людей»³. К Западу обратилась и русская интеллигенция «из бывших»: Всероссийский комитет помощи голодающим (ВК Помгол, которому советские власти дали издевательскую кличку «Прокукиш») использовал свои связи на Западе. Просьбам, исходящим от большевиков, мир вряд ли бы внял, а призыв комитета был услышан за рубежом (собственно, потому большевики и терпели их несколько месяцев, прежде чем арестовать). На призывы

Горького и ВК Помгола откликнулся глава Американской администрации помощи (АРА) Герберт Гувер, выразивший готовность помочь России при выполнении большевиками ряда условий, в том числе — освобождение граждан США, находящихся за решеткой в РСФСР. Все требования Гувера были без промедления выполнены Кремлем.

20 августа 1921 года в Риге Советская Россия подписывает соглашение с АРА (в России использовалось АРА) о сотрудничестве в преодолении голода. Неделью спустя, 27 августа, подписывается Дополнительное соглашение между Советским правительством и Исполнительным комитетом Международной помощи голодающим России (Нансеновский комитет). Религиозное общество друзей Англии и Америки (квакеры), с одной стороны, и Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) РСФСР — с другой, заключают 16 сентября 1921 года соглашение⁴, в котором, в частности, говорится, что «Общество друзей, продолжая свои работы по оказанию помощи детям, больницам и страдающему от недоедания населению города Москвы, особенное внимание уделяет помощи голодающему Поволжью, а также и другим районам по соглашению с Наркомпродом». Особо следует подчеркнуть, что пункт 17 договора с квакерами гласит: «Товары Общества друзей отпускаются населению бесплатно как подарки от Общества друзей».

Москва заключает еще ряд договоров с иностранными неправительственными организациями в стремлении обеспечить голодающих россиян едой.

Кто такие квакеры? Квакеры — религиозная организация, они пацифисты, никогда не возьмут в руки оружие, они никогда не принимали участия в боевых действиях — сознательные отказчики. На протяжении своей 300-летней истории квакеры помогали жертвам войн — гражданскому населению, страдавшему от военной бури. Британское Религиозное общество друзей (официальное название квакеров) принимало участие в программах помощи беженцам, в восстановительных работах в тех местах, где война уничтожила все. При этом следует отметить, что квакеры помогали гражданскому населению стран, участвовавших в войне, невзирая на то, были эти страны союзниками Британии, или находились в стане противника Антанты.

¹ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

² Там же.

³ 6 июля 1921 года. Архив Горького. РПГ 1–25–1. Неавторизованная машинопись без подписи.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 5.

Желательные иностранцы

Британские квакеры работали во многих странах Европы — во Франции, Черногории, Австрии. В 1916 году они приехали в царскую Россию — в течение двух лет квакеры помогали беженцам в Бузулукском уезде Самарской губернии. Гражданская война вынудила их покинуть Бузулук, но уже в 1920 году квакерский офис был открыт в Москве. Англичанин Артур Уоттс и американка Анна Хейнс снабжали западной гуманитарной помощью детские учреждения Москвы.

С началом голода в Поволжье квакеры существенно увеличили численность сотрудников своей миссии помощи голодающим в РСФСР и выбрали для работы опять Бузулук: эти края оказались в эпицентре голода. Десятки английских и американских квакеров кормили в 1921–1923 годах около полумиллиона крестьян и горожан в Бузулукском уезде.

Для помощи иностранным организациям (и для слежки) Кремлем был создан институт полномочных представителей при заграничных организациях. Полпредом СНК РСФСР при АРА и всех иностранных организациях помощи голодающим (Уполинорг) был назначен чекист Александр Эйдук. Впоследствии его сменил на этом посту Карл Ландер, тоже сотрудник ЧК. Полномочным представителем по Самарской губернии стал чекист Мартын Карклин. Его основные функции были такими:

1. Прием иностранных представителей, оказание им всяческой организационной и другой помощи.
2. Организация и оборудование питательных пунктов, столовых, баз, кухонь.
3. Учет нуждающегося населения, определение размеров помощи и др.

Архив

4. Охрана прав иностранных представителей в соответствии с соглашением.

5. Систематическое представление сообщений, сводок, отчетов о результатах и ходе работы, о финансовых и продовольственных расходах.

При этом чекисты, которые всегда и везде видели шпионов и диверсантов, буквально с первых дней работы иностранных миссий, спасавших россиян от голода, начинают внедрять своих агентов и доносчиков в эти миссии.

Так, Мартын Карклин, самарский Уполинорг, в августе 1922 года рассылает местным коммунистам секретное послание¹, в котором делится своим видением будущего. Он сдержанно оценивает год

¹ Письмо полномочного представителя Правительства РСФСР при иностранных организациях М.М. Карклина ответственному секретарю Самарского губкома И.Т. Морозову о перспективах работы с иностранными организациями в помощь голодающим. 30 августа 1922 г. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 709. Л. 10–11.

неустанного труда иностранных организаций по спасению умирающих русских, как работу, давшую «довольно положительные результаты», и тут же сетует, что обошлась она «правительству не очень дешево», а теперь еще и «ляжет некоторою тяжестью на бюджет губернии». С одной стороны, хорошо, что помогли, но не надо забывать и про другую сторону медали. И в расход ввели эти иностранцы, да и воспользовались они, по мнению Карклина, ситуацией.

Карклин в своем циркуляре сокрушается, что договоры с заграничными организациями были подписаны «под давлением непримиримых фактов голода», тем самым лишая большевиков «самых основных административных прав». Теперь, когда дела пошли получше, пора пересмотреть отношения, считает чекист Карклин: «Мы должны во что бы то ни стало более рельефно выявить и зафиксировать нашу линию поведения и тактику к ним».

Среди всех организаций помощи голодающим, работавших тогда в Самарской губернии, Карклин особо отмечает квакеров, к которым по большому счету, в отличие от АРА, у большевиков особых претензий не было: «Общество англо- и американских квакеров как будто бы пока не намеревается сократить свою работу, но чувствуется определенное тяготение их к изменению самой

формы этой помощи, яснее выражаясь — к переходу на производственную помощь. Пока что они к этому вопросу вплотную подойти не могли, если не считать довольно продуктивную работу тракторов, что требует от государства большой затраты средств, как, например, горючего, материалов и всех необходимых смазочных средств, которые до сего момента удавалось нам доставать от Центра почти безвозмездно. На некоторое время Центр еще намерен нас обеспечить этими материалами, но в будущем уездам, заинтересованным в поднятии сельскохозяйственного производства, придется кое-какие расходы взять на себя».

Так что, поясняет Мартын Мартынович Карклин, иностранные организации желают, безусловно, остаться работать только в сокращенном виде. Безвозмездная помощь со стороны квакеров по-прежнему важна, как бы ни сокрушался тов. Карклин о затратах на горючку. Иностранцев надо бы удерживать, и потому, поясняет чекист, «надо как можно меньше вызывать недоразумений на почве мелких ничего не значащих разногласий (которые имели раньше место), но зато принимать самое усердное участие в восстановлении будущего плана работы и быть всегда в курсе дел». В общем, следить Карклин будет строго, и местным

коммунистам он очень четко говорит в этом секретном циркуляре: «Не потерплю никаких уклонов на предмет исполнения моих телеграфных распоряжений».

Мои тщательные исследования документов в архивах показали то, как таяло желание советских властей терпеть иностранцев в стране по мере избавления от голода. В чекистских кабинетах, казалось, регулярно производилось взвешивание «за» и «против» нахождения иноземцев в России. Этот вооруженный отряд партии внимательно следил за всем, дожидаясь того дня, когда можно будет выгнать всех этих англичан и американцев как нежелательных.

А как же относились к квакерам те, ради кого в этот голодный край приехали американцы и англичане? Простые крестьяне, учителя, дети — что ощущали и думали они?

В архивах Филадельфии и Лондона я нашел любопытные документы и письма, которые помогли воссоздать картину мирного сосуществования и дружбы народов в отдельно взятом Бузулукском уезде.

Вот, например, протокол собрания воспитанников и работников детдома № 33 в селе Гамалеевка от 21 июня 1922 года, в котором, в частности, говорится²:

«Мы, дети Советской России, не только оправдаем всю помощь, полученную от ОДК³, мы навсегда оставим в наших детских сердцах память об американских пролетариях.

Да здравствует ОДК.

Да здравствует весь американский пролетариат.

Да здравствуют т.т. Ленин, Троцкий и все вожди России».

В том же архиве — копия письма⁴, посланного общим собранием жителей волостного центра Кузьминовка 10 сентября 1922 года. На сходе присутствовали 150 человек.

«Мы, жители села Кузьминовка, шлем тысячу благодарностей квакерам за вашу помощь, за то, что вы кормили нас, тем самым сохранив наши жизни для будущего.

Фото 1921–22 гг. Деревенские жители Самарской губернии, вставшие на колени перед американцем из АРА

Granger / DIOMEDIA

² AFSC archives.

³ ОДК — Общество друзей — квакеров — под таким акронимом квакеры были известны в Советской России тогда.

⁴ Letter sealed and stamped from Kusminovka citizens — AFSC FSR.

Желательные иностранцы

До того как вы приехали, мы страдали от ужасного, лютого голода. Ни отцы наши, ни их отцы — никто не знал такого голода в прошлом... Зимой, до того как вы приехали сюда, мы съели всех кошек, собак, крыс, мышей, старые шкуры и кожаную упряжь, но и это не спасало нас... А жара этим летом вызвала засуху, все сгорело, и мы опять остались без средств к существованию. И вновь мы обращаемся к вам с мольбой — к Друзьям, к квакерам. Помогите нам с едой. Мы готовы к любому труду, сделаем все, что нам скажут.

Помогите нам с обработкой земли.

Еще раз горячо благодарим вас за помощь, уже оказанную нам.

Подписано: Некрасов, Чернецов и др.».

Многочисленные документы, найденные мной в архивах США, Британии и России, позволили мне написать книгу, выпущенную издательством НЛО в Москве в 2020 году под названием «Как квакеры спасали Россию».

Однако трудно было поместить в одну книгу все удивительные истории, ставшие мне известными. Поэтому я решил продолжить тему безвозмездной помощи нашим соотечественникам и перевел книгу британской медсестры Мюриэл Пейн (опубликованной в 1923 году в Лондоне) «Чума, мор и голод». Мисс Пейн в 1922 году работала в миссии квакерской помощи голодающим в селе Борское, недалеко от Самары. Она спасала жизни местных крестьян, лечила их и выдавала квакерские пайки. Книга вышла в России, даже допечатали тираж.

Антизападный российский закон 2015 года подсказал мне, как назвать свою новую книгу: «Желательные иностранцы». Это документальные истории, основанные на моих архивных исследованиях. Американка Нэнси Бэбб из Филадельфии работала в двух квакерских миссиях (она была в России в 1917–1918 и в 1921–1927 годах). Мелвилл Маккензи был британским военным врачом в отставке, который провел полтора года в России, лечил квакерских работников по оказанию помощи, а также русских крестьян. Дорис Уайт,

квакерея из ирландского города Уотерфорд, провела в России 10 лет: она была последним директором Московского квакерского центра и покинула СССР в 1931 году.

Как и книга Мюриэл Пейн, несколько десятков экземпляров «Желательных иностранцев» ушли в библиотеки, музеи и архивы — в города и деревни в тех краях, где сто лет назад работали британские и американские квакерские миссии. Я знаю, что люди, живущие в этом регионе, рады тому, что могут узнать больше об истории, которая была скрыта от них по причине антизападной позиции властей. Я знаю, что есть россияне, которые охотно читают истории о помощи квакеров; я знаю людей, которые благодарны за книги о том, как их прабабушек и прадедушек спасли иностранцы.

Квакеры проработали в Советской России до 1931 года. Им вполне удавалось ладить с советскими властями, и послед-

ние годы своего пребывания они довольно успешно сотрудничали с Наркомздравом. И даже после того, как квакерский офис в центре Москвы был закрыт, большевики не держали зла на квакеров. Про них ничего не говорили официальные учебники, но и не поливали грязью.

Увы, не все просто сложилось с АРА, которая кормила на порядок больше россиян и которой, кстати, руководил тоже квакер — американец Герберт Гувер. Советы прикрыли их в 1923 году. Именами погибших на посту американцев из миссий АРА называли тогда больницы и детдома (в Уфе), улицы (в Одессе), им ставили памятники. Однако вскоре все было переименовано обратно, а тех россиян, которых американцы набирали в свой штат, в СССР начали судить и сажать.

Так, в апреле 1924 года в Киеве арестовали группу людей, якобы получавших продовольственные посылки АРА в награду

Архив

Американские квакеры из миссии помощи голодающим: Самуэл Везералд, Омер Браун и Алфреда Гранди. 1922 г.

Дети получают питание от Американского комитета в Казани, 1921–1922 гг.

за шпионаж. В следующем месяце в Минске арестовали сотрудницу тамошнего офиса АРА Екатерину Румянцеву и агронома, профессора Кацаурова: заметка в «Известиях» «Шпионы из АРА в роли благотворителей» сообщала, что сотрудница АРА, бывшая помещица Румянцева, предложила посылку ученому-агроному Кацаурову, служившему в Наркомземе, за доклад об экономическом положении Белоруссии. Агроном, как уверяли чекисты, сообщил, сколько в Белоруссии было вырублено леса, как обстоит дело со скотоводством и т.п. За это Кацауров получил одну посылку с американской едой, а потом — от советской власти — 5 лет заключения. Екатерину Румянцеву посадили на 10 лет.

Это было только начало атаки на АРА, и в 1924 году наивные американцы еще полагали, что там, в России, случилось какое-то недоразумение. Отыскивали бывшего сотрудника минского офиса АРА Чарльза Уиллоуби, который через газету *Hattiesburg American* сказал, что уверен в невиновности Румянцевой, которая вообще-то всегда считалась ими, американцами, чекистским

агентом. Уиллоуби возмутился: «Что? Наша шпионка? Позвольте, она — ваша шпионка!»¹

Минский процесс дал старт кампании, растянувшейся на многие годы: Кремль показывал, что, дескать, под видом благотворительности у нас в стране шпионили американцы, и их пособников — затаившихся агентов, следует вывести на чистую воду.

В обстановке ненависти и подозрительности ко всему заграничному ничего не могли сказать и те миллионы советских граждан, которых спасли американские пайки. Аресты и абсурдные обвинения продолжались очень долго: факт работы в американском офисе АРА легко становился основанием для обвинения в шпионаже: клеймо иностранного агента легко вешалось и тогда. И от него практически невозможно было отмахнуться: ну как же, он ведь у американцев работал!

На американцев же повесили и ограбление церквей (т.н. изъятие церковных

ценностей 1922 года): дескать, за свои харчи иностранцы требовали золото, вот и пришлось ободрать оклады икон. Заодно соврали, что американцы требовали отдать им и иконы.

Добавлю, что и многие русские сотрудники квакерских миссий были арестованы и умерли в лагерях. Хотя кто-то (Илья Толстой, внук Льва Николаевича; Надежда Мартынова-Данилевская, звезда русского тенниса; Николай Саблин, врач; Наталья Тиманова, переводчица; Мария Мансурова, сотрудница) счел за благо уехать в Америку и Европу и тем самым спасти свою жизнь.

Заккрытие квакерского офиса обошлось без ареста и без суда над сотрудниками (впрочем, нам неизвестна дальнейшая судьба Натальи Бойко и Александры Красоткиной, работавших в квакерском центре в Москве). Говоря языком сегодняшним о делах прошлого, можно предположить, что ОГПУ видело квакерский офис как «опасную площадку реализации различных инициатив в решении узкого спектра проблем жизни» Советской России. Товарищи с чистыми руками и холодными головами, вне сомнения, сочли Общество друзей «ширмой», прикрывающей вредную для СССР деятельность.

Прошло сто лет с тех пор, как миллионы наших соотечественников были спасены. Но и теперь, стоит только упомянуть о том, как Америка спасла русских, тотчас же появятся комментарии вроде того, что мне написал недавно один умник: «Просто так даже муха не летает. Ведь не кормить же они сюда приезжали».

А кто знает, может, тебя, чудак, не было бы на свете, если бы твою прабабку не спасла сто лет назад американская каша. Как писал Корней Чуковский, получивший посылки АРА: «Только подумайте — три продуктовых посылки АРА! Знаете ли вы, мой дорогой Рокфеллер, что значили для меня эти три посылки АРА? ...Эти три посылки значили для меня больше, чем простое спасение от смерти. Они дали мне возможность вернуться к литературной работе».

Квакеры оставались в России до лета 1931 года. После того как их выдавили из СССР, со стороны советских властей в адрес квакеров не выдвигалось никаких обвинений — про них просто велели забыть. Как и все остальные иностранные миссии помощи, они стали нежелательными организациями. Но — нежелательными для властей, которые постоянно переписывают историю страны. Для россиян, для всех, кто помнит добро, все они были желательными.

¹ Патенод Б. *Большое шоу в Бололенде*. Стенфорд, 2002. С. 729.

Михаил
ДАВЫДОВ:

«Любая
МОНОПОЛИЯ
на идеал

ВЕДЕТ
К ЗАГНИ-
ВАНИЮ»

КАК РОССИЯ НАСТАИВАЛА
НА АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
УТОПИИ И ПОЧЕМУ ВОЕННЫЙ ФАКТОР
ТАК ВАЖЕН ДЛЯ РУССКОГО СОЗНАНИЯ

Почему все попытки модернизации и либерализации России за последние 160 лет заканчивались неудачей? Это вопрос ключевой и для нашей истории, и для Михаила Давыдова, доктора исторических наук, уникального специалиста по истории России конца XIX — начала XX века. В предисловии к книге «Теорема Столыпина» он

пишет: «Эта книга — о бременях истории. О том, какую силу имеют над нами наши вековые демоны. О живучести, казалось бы, отживших идей, реализация которых уже не раз ставила нашу страну на край гибели». Его книги по экономической истории России — исчерпывающие исследования, в которых обилие цифр и фактов делают его захватывающим чтением для каждого, кто стремится разобраться, что же

такого есть в нашем народном характере, что извечно мешает движению общества к процветанию. Сегодняшний разговор о том, как во второй половине XIX века Россия пыталась быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на судьбы мира, принципиально отвергая все, за счет чего конкуренты добились благополучия, помогает увидеть процессы, предопределившие судьбу страны на много лет вперед.

**Ольга
Тимофеева**

— В своей книге «Цена утопии. История российской модернизации» вы пишете о том, что после отречения Николая II от престола люди проснулись в другом мире. Перевернутый мир — тема и сегодняшнего дня. Вы в своей книге убедительно доказываете, что Николай был свергнут не потому, что его экономическая политика провалилась, а из-за его неумения вести войну. Почему фактор войны так важен для русского сознания?

— Воспоминание-наркотик о былом военном величии — это страшная вещь, и наша история это подтверждает. Россия вплоть до Наполеона не терпела ни одного поражения, выигрывала почти все войны, в которых участвовала.

— Как ей это удавалось?

— Во-первых, уже в XVIII веке удалось создать боеспособный, военный механизм. Петр I, вступив на престол, уничтожил старый порядок. В армии теперь служили те, кто раньше не служил, налоги платили те, кто раньше не платил. Служилые люди превращались в дворян. Армия из периодической стала круглогодичной, в которой служили до «дряхлости или увечий». Указ 1722 года поставил уклонистов вне закона и приравнял к изменникам. В результате появились регулярная армия и флот европейского

уровня. В XVII веке о наших послов ноги вытирали, а тут Карла XII побили, притом что шведы действительно были уникальной армией. У русского народа родилось новое и очень духоподъемное чувство победителей. Отсталая, с низким уровнем культуры, дикими представлениями, Россия стала важным человеком в Европе, спокойно села за европейский стол и сказала: чуваки, а я-то пришла. И чувакам деваться некуда, они же ее с места не стронут.

— Из-за ее огромности?

— Огромная, сильная. Сохранение и развитие армии и флота стало для Петра приоритетом. Николай I, по легенде, однажды сказал: у меня армия — миллион человек, скажу военному министру — будет два миллиона, попрошу русский народ — будет три миллиона. Какая европейская страна может выставить армию в три миллиона? Как ни крути, а Наполеон сломал себе хребет в крепостнической России, не говоря уже о Гитлере. Правители часто живут в своем особом мире. И чем больше степень авторитаризма, тем больше в зависимости от них находится человечество — мы это не раз проходили.

— Правители же, в свою очередь, попадают в зависимость к какому-нибудь Распутину.

— Распутин нанес вред в основном репутационный: он привел к моральному крушению исторической власти. Царь и царица потеряли авторитет в течение считанных месяцев. В этом вред Распутина, а не в его влиянии на ход военных действий. С их ходом все понятно: немцы единственные были готовы к Первой мировой. И это вполне законо-

мерный результат истории русской армии в пореформенное время.

— Куда же делась ее непобедимость?

— Ее победила техническая отсталость, вытекавшая в огромной степени из неприятия, отторжения капитализма. Нормальную военную промышленность как отрасль создали буквально перед войной, а до этого это же был цирк, ненасытная прорва — вот где воровали по-черному! К примеру, у американцев линкор стоил 20 миллионов, а у нас — 27.

— Что помешало России встать на путь капиталистического развития?

— Правительство при поддержке большинства общественных деятелей выбрало в модель социально-экономического развития страны пореформенную версию аграрного коммунизма. В его беззаконии воспитывалось три поколения крестьян, встретивших 1917 год. Катастрофические последствия этого выбора хорошо известны.

— Вся история России завязана, как следует из вашего исследования, на землю. Она всегда была главной ценностью?

— Нет, по мере увеличения населения. При Петре I население империи было едва ли больше 20 млн человек, а после 1861 года население растет невиданными темпами — 1,5–2 млн человек в год, и тогда, конечно, земля обретает ценность.

«Любая МОНОПОЛИЯ на идеал

ведет к загни- ванию»

— И захват-
нический
инстинкт
постоянно
подпитывает-
ся борьбой за этот ресурс?

— И не только внутри страны. Витте говорил, что у нас в верхах не то что мания завоеваний, но сильно желание прибрать к рукам то, что плохо лежит. Николай II в сентябре 1904 года, когда мы уже потерпели кое-какие поражения на Дальнем Востоке, всерьез был готов после победы над Японией воевать с Англией и США.

— Здесь речь идет уже о психическом расстройстве?

— Тот же Витте считал, что с ума его свела жена. Алиса сама была с приветом и его сделала ненормальным, такое в жизни бывает. Витте говорил, что не будь Дальнего Востока, был бы Верхний Босфор, который всерьез думали оттяпать, пока не выяснилось, что планы планами, а для серьезной десантной операции у Черноморского флота нет возможностей.

— Откуда берет начало это сопротивление европейскому опыту, стремление России идти все время своим путем?

— Я, как и некоторые мои коллеги, считаю, что Россия действительно отдельная цивилизация. Слова Чичерина, и не только его, о том, что отношения государя к подданным сложились под монгольским влиянием, оттеняются сообщением посланника Священной Римской империи Сигизмунда фон Герберштейна о Василии III, где говорится, что властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов мира, всех одинаково гнетет он жестоким рабством. Известный богослов и публицист XVII века Юрий Крижанич, мечтавший о том, чтобы Россия возглавила борьбу славянских народов против немецкой угрозы, и приехавший в Москву с этим проектом, писал: во всем свете нет такого крутого правительства, как в России, все должны делать со страхом и трепетом, укрываться от толпы правителей или палачей. И еще

больше он был поражен холопским положением элит, абсолютно невозможным в Европе.

— Да, в книге множество страшных картин крепостничества, которое охватывало все сословия и не оставляло места человеческой свободе.

— Вместо уважения к закону связующим элементом государства было беспрекословное повиновение власти. Правовое государство и гражданское общество в Европе выросло из основанного на законе феодального строя, а в России феодального строя не было.

— А что же мы проходили в школе?

— До 1917 года ни один из русских историков, кроме Павлова-Сильванского, никогда не говорил о феодализме в России. Его отсутствие считалось одним из фундаментальных

отличий Востока от Запада, как католичество и римское право. Феодализм родился в нашей исторической науке в 1929 году, когда цвет исторической мысли был репрессирован, кто-то умер от голода 1917–1920 годов или эмигрировал. После этого в наше сознание и стали внедрять теории общественно-экономических формаций. В результате концепция Маркса и Энгельса, разработанная на материале истории Западной Европы, была перенесена усилиями Грекова и Струве на нашу историю. Возникла удивительная конструкция — «русский феодализм». Феодализм без феода, частной собственности на землю, без строго фиксируемых законом взаимоотношений сюзерена и вассала... Наверное, теперь в школах перестанут рассказывать о «раннефеодальном государстве Киевская Русь», но раньше о пережитках феодализма твердили на наших уроках истории повсеместно.

То, что происходит сейчас, — это, разумеется, следствие советского периода, это показывает, какой человеческий материал воспитывала советская власть

Википедия

Петр Столыпин

— То есть именно из этого пункта истории Россия и Запад пошли разными путями?

— Феодализм породил рыцарство, условно говоря, четырех мушкетеров, чья жизнь неотделима от чувства чести, права и свободы, а вотчинно-крепостническое государство явило формулу «яз, холоп твой» со всеми многочисленными последствиями.

— Когда началось противостояние «мы» и «они», которое сегодня достигло опасных для мира размеров?

— При Николае I, когда новое общественное настроение объявило нас пределом совершенства и тем самым лишило стимула к поступательному развитию в ряде важнейших аспектов. Ведь любая монополия на идеал ведет к загниванию. Сколько раз меня охватывала злость при чтении самодовольных текстов «народников» про нашу самобытность! Это под фанфары «парадной самобытности» мы ввязались в Русско-японскую войну, спровоцировавшую революцию 1905 года. Это ею были напитаны бесправная личность и самоуправная толпа революции 1917 года. Она же была опорой советской власти, сгнившей в конце прошлого века. И вот опять новый виток тех же настроений, не раз доводивших Россию до катастрофы.

— Нынешний ужас еще и в том, что этими настроениями прониклась и часть вполне образованного класса.

— Штука в том, что очень серьезные и деструктивные вещи проникли в тонкий слой грамотных людей уже после реформы 1861 года. Началась борьба внутри «мы» — между, как писал Маклаков, дворянами с их землевладельческими воспоминаниями. Почитайте хотя бы «Детские годы Багрова-внука». Господи, да мальчик с пеленок привыкает, что есть живые люди, которые его собственность. Какая у него будет психология?

Был такой известный антисемит Милус, говоривший: «Я не за крепостное право, конечно, но дворянству надо вернуть его главенствующее положение. Не хрена крестьян учить грамоте, если неграмотная Россия стала великой державой». Это в 1901 году сказано. Другой там был левоватый тип по фамилии Сазонов, вещавший, что Россия без всякого права собственности стала великой державой. Отсюда прямой путь к Жванецкому, который с грустью констатирует, что многие наши соотечественники готовы остаться с голым задом, но чтобы ракета летела на врага. И то, что происходит сейчас, — это, разумеется, следствие советского периода, это показывает, какой человеческий материал воспитывала советская власть.

— Той власти уже тридцать лет нет, а представления только окрепли.

— Тут такая важная мысль: когда мы, спустя 150–200 лет, встречаем явления, которые пульсируют в истории, это значит одно — почва, порождающая эту пульсацию, не исчезла. Когда я писал свою

первую книгу о генералах 1812 года, кто знал, что эта книжка окажется актуальной для «Теоремы Столыпина».

— Кстати, вы ведь в 2017 году уже стали лауреатом премии Егора Гайдара за книгу «Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте—Столыпина». Почему вы вернулись к этой теме?

— А это не о Столыпине книга, а о становлении правового сознания.

— В чем актуальность разговора про эту реформу сейчас и почему до сих пор Столыпин и его деятельность воспринимаются публикой с недоверием, ассоциируются в основном со столыпинскими вагонами?

— От славянофилов и Герцена идет вот это отторжение парламентаризма, прав человека, зафиксированных в законе: это все туфта, главное — отношения между людьми. Левые народники, которые были самой активной частью общества, первыми после 1861 года разыграли классический «треугольник Карпмана». Жертвой они назначили народ, преследователем — самодержавие, дворянство и буржуазию, а роль спасителя народа присвоили себе. А тон в печати задавали именно они.

«Любая МОНОПОЛИЯ на идеал ведет к загни- ванию»

Опонентом Герцена был Чичерин, один из немногих понявший, каким образом в России могут проводиться реформы.

Для него, в отличие от Герцена, сильное государство — правовое государство. Оно не только не противоречит достоинству свободной личности и самой свободе, но, напротив, черпает в нем силу, чего Герцен не мог понять по определению. В своей программной статье, написанной в пылу полемики с Чичериным, он был согласен «на топор», на новую пугачевщину, поскольку цель — освобождение крестьян с землей — вполне оправдывает средства. И народники левые, вот те, которые к революции склонны, они же, конечно, это восприняли на ура, традиция продолжилась.

— Тем не менее, как показывают статистические данные в вашей книге, после революции 1905 года и начала аграрной реформы начался колоссальный рост промышленности. Значит, реформа все-таки пробила себе дорогу?

— Она добилась важного. Сто миллионов крестьян вошли в правовое поле, что означало конец антикапиталистической утопии и начало превращения империи в правовое государство. Реформа подорвала многовековой патернализм. Рост свободы, возможность самореализации, разнообразие жизненных сценариев, доступных простым людям, привели к подъему благосостояния. В начале XX века Россия стала одной из самых быстроразвивающихся стран в мире. Среднегодовой темп промышленного развития составлял 6,65%.

— А по переписи 1916 года, крестьяне имели в собственности и арендовали 90% земли в стране. Почему же тогда сработал лозунг Ленина:

«Земля — крестьянам», если она и так была у крестьян?

— Тут ответ простой. В 1917 году возникла возможность безнаказанного мародерства. В 1905-м его практически не было, потому что было государство, держалась власть. Да, они, идиоты, свезли всю армию на Дальний Восток, за 10 тыс. километров, поэтому аграрные погромы и приобрели такой масштаб — войск не хватало, чтобы прикрыть имения. А в 1917 году возникла возможность безнаказанного мародерства, и человеческая природа восторжествовала.

— Неожиданный поворот в трактовке грандиозного события в мировой истории.

— Человеческую природу изменить сложно. Люди во Франции во время недавнего наводнения, как показывали Euronews, сидели на крыше, не уходили, защищали дома от мародеров. В 1917 году что произошло? У каждого времени свой среднестатистический порог страданий. Безотрадное положение народа России часто бывало предметом спекуляций, но надо отдавать себе отчет, что наши предки вкладывали в такие понятия, как «голод», «нужда», «насилие», «произвол», не совсем тот смысл, который вкладываем мы, чьи представления об этих феноменах вытекают из трагического опыта советской

эпохи. До революции 1917 года термин «голод» обозначал любой крупный неурожай хлебов в нескольких губерниях, при котором начинал действовать «Продовольственный устав 1864 года», и жители пострадавших районов получали от государства продовольственную помощь. Простой пример — во время «голода» 1906–1907 года, когда правительство выделило на продовольственную помощь почти 170 млн рублей, жители самых пострадавших губерний тратили гигантские суммы на алкоголь, а в сберегательных кассах росла наличность. Старые представления о бедствиях были в считанные месяцы после революции девальвированы красным террором, продовольственной диктатурой, людоедством времен Гражданской войны, не говоря уже о коллективизации и ГУЛАГе. Это привело к деформации наших представлений о прошлом.

— То есть вы предлагаете внести жесткую поправку на «семантическую инфляцию» в разговорах о нем?

— Если Столыпинская аграрная реформа — «произвол и насилие», как любят писать в наших учебниках, то какими словами писать коллективизацию? Если дореволюционная деревня была нищей, то какие эпитеты подобрать для деревни колхозной — с «законом о трех колосках», с двумя мерами наказания — 10 лет и расстрел? Советская история

«Щелковское ТВ»

доказала, что оценочные понятия «плохо» и «хорошо» имеют множество градаций, и оценивать исторические явления надо в полном контексте и не путать, условно говоря, цвета угроз — желтый, оранжевый, красный.

— **Как несколько лет
Столыпинской реформы изменили
правосознание огромной страны?**

— Крестьяне, жаждавшие права самим определять свою судьбу, своими достижениями доказали оправданность своих стремлений. Они начали строительство новой России, где упорная работа вызывает уважение и дает людям авторитет. Реформа потребовала от госаппарата другого уровня активности и профессионализма. Это была другая схема отношений между государством и подданными. По сути, реформа начала эволюционное переустройство российской империи, народнохозяйственные успехи изменили политическую ситуацию в стране, что прекрасно понимали оппозиционные политики, в первую очередь Ленин. Советская власть всю свою пропаганду строила на том, что революция случилась из-за обнищания масс, поколения были воспитаны на этом, и плоды такого воспитания никуда не делись. Рабская психология, выдающаяся за национальное достояние, представляет большие удобства для управленческих целей.

— **А по-вашему, что стало главной
причиной революционного переворота?**

— Падение монархии. Не снижение уровня жизни, а поражения на фронтах привели элитарную группу людей к мысли о том, что Россия не победит в войне, пока ею руководит Николай. С лета 1915 года Гучков и его соратники стали готовить отстранение императора от власти. Отречение изолированного и запуганного генералами Николая II уничтожило незыблемую для 160 миллионов жителей страны систему мироздания, вековой порядок, в центре которого стояла фигура императора. Все это было зачеркнуто вот этим самым мародерством осени 1917, 1918, 1919 годов.

Страна рухнула, и взамен появилась другая. А у СССР какое правовое поле? Это опять-таки идет из глубины веков, потому что всеобщее закрепощение сословий — это мобилизационная система. Петр зародил мобсистему, и каждый последующий царь вносил в нее свою лепту. Какое там правовое сознание? Только ручное управление. Законы могут быть, но все равно все решает губернатор, царь, генсек, президент. И народ в этой мобилизационной шкале живет сотни лет. Откуда взяться правосознанию?

— **То есть опять во всем виновата
война?**

— После 2 марта 1917 года люди проснулись в другом мире.

— **Можно ли сформулировать
главный исторический феномен,
который прослеживается до наших
времен?**

— Одним словом не получится. Я скажу так: незавершенное всеобщее раскрепощение сословий.

Фактически настоящее раскрепощение — это указ Столыпина, точнее, императора, от 5 октября 1906 года о том, что крестьяне уравниваются в правах с остальными сословиями. Все крестьяне — главная часть населения страны, количественно главная — получили полноту гражданских прав. Этот процесс, увы, не завершился, и в огромной степени он не завершился в головах. «Я начальник — ты дурак» — главная и нынешняя скрепа. Дума ограничивала самодержавие, но внешняя политика оставалась прерогативой царя: захотел — начал войну. Мы прекрасно видим сами, как сильны эти традиции и как немного понадобилось власти, чтобы снова народ запугать и заставить молчать.

Беседовала
Ольга Тимофеева

Охота на ВЕДЬМ

Эта социальная болезнь периодически повторяется в истории человечества. Особенно в переломные периоды и времена общественных потрясений. Хотя объекты преследований меняются. Но что неизменно — это особое «законодательство» и судопроизводство, специально создаваемые для совершения репрессивного судебного произвола.

*На эту постоянно обновляющую свою актуальность тему Галина МУРСАЛИЕВА беседует с автором блестящей книги «Охота на ведьм. Исторический опыт интолерантности», социальным антропологом, кандидатом исторических наук доцентом **Марией ТЕНДРЯКОВОЙ**.*

Галина
Мурсалиева

От «обезьяны Господа» к сатане

— Мария, я прочитала, что в сфере ваших научных интересов есть историко-культурная психология. Вы психолог по образованию, но кандидатская диссертация у вас была по истории, точнее — по социальной антропологии. Это интересное сочетание. Возможно, поэтому так интересно читать вашу книгу «Охота на ведьм. Исторический опыт интолерантности». Как я понимаю, книга выдержала уже второе издание, и ее уже снова нет в продаже.

— Тема, увы, актуальна. Как говорил великий Юрий Лотман: «Вечное всегда носит одежды времени». Процессы над ведьмами, к сожалению, не ушли вместе со Средневековьем, они периодически повторяются в истории человечества. Вот я сейчас сказала фразу, к которой все давно привыкли, — любое мракобесие и невежество мы всегда связываем с «темным» Средневековьем.

Известный историк ментальности Арон Гуевич в своих работах убедительно показывает, что парадоксальным образом дело обстоит совсем не так. Самый большой подъем демономании и гонений на ведьм приходится на период позднего Возрождения и начала эпохи Просвещения. Это было время, когда в обществе происходили интенсивные перемены, когда менялся уклад жизни и в европейских государствах шли процессы централизации власти, когда проводились различные религиозные реформы, Реформация и Контрреформация, каждая по-своему, вела борьбу за людские души.

То есть в период Средневековья, конечно же, ведьмы тоже преследовались, но не более чем все еретики. А вот уже в буквальном смысле маниакальная охота и массовые репрессии начались только в конце XVI века.

— Это и в самом деле звучит парадоксально — само сочетание слов «просвещение» и «охота на ведьм».

Просвещение — это развитие, культура, и вдруг такой шаг назад... Как вы это объясняете?

— Я не знаю, назад ли это шаг, идет ли вообще гуманизация нравов в истории как глобальное поступательное движение. Потому что «охота на ведьм» в широком смысле слова возникала в разные времена. В соответствии с обстоятельствами времени и места врагами объявлялись то ведьмы, то иезуиты, то пособники мирового капитализма, то коммунисты, то сионисты... Но до этого возникали идеи, претендующие на статус абсолютной истины, и в свете этой абсолютной истины провозглашалось, как правильно верить и во что должно верить, мир поляризовался на «правильных» и «неправильных», оттенки и подробности исчезали.

«Великие практики» рьяно брались за создание идеального мира: какой там неурожай, голод или цена жизни маленького человека — все меркнет, когда идет борьба с грядущим царством Князя Тьмы.

— И как побочка — те, кто неправильно верит, — враги?

— Те, кто неправильно верит, по мнению «правильных», — это скверна, от нее нужно очиститься. В XVI веке охота на ведьм набирала силу на фоне религиозных преобразований. Движение Реформации стремилось к возвращению первоначального апостольского христианства и искоренению остатков язычества. Ответное движение — Контрреформация, породившее орден иезуитов с его строгой дисциплиной, аскетизмом и отречением от земных радостей «К вящей славе Господней!». Они, по сути, в отношении человека выдвигали требования почти что те же, что и Реформация: безоглядная вера, нестяжательство и беспощадность к тем, кого считали вероотступниками.

В это же время складывается новая концепция дьявола, на протяжении всего Средневековья его боялись, он строил всяческие козни, но был отнюдь не всемогущим, был «обезьяной Господа». К концу XV — в начале XVI века он представляется Князем Тьмы. И признанные врагами начинают считаться «пособниками дьявола».

— Который теперь уже не просто гримасничающая обезьяна, а практически конкурент Господу — такой же всемогущий?

— Всемогущий и страшно опасный, а «они» вместе с ним вступили в заговор против всего человечества! И здесь развитие цивилизации, рост культуры никак не помогают.

Враг ясен! Ведьма — это уже не старая деревенская колдунья, которая бормочет

себе под нос проклятия, это «дьявольское отродье», которое несет на себе печать антимира.

Знаете, вот я как-то читала одну из работ выдающегося психолога, психоаналитика Эрика Эриксона, где он дает свой анализ того, почему немцы пошли вслед за Коричневым Дудочником. Эриксон пишет: «Предполагать, что национал-социализм появился вопреки интеллектуальному величию Германии, — значит совершать роковую ошибку. Нет, он был естественным результатом особой социальной — или скорее асоциальной — ориентации ее великих людей». Я не сразу поняла Эриксона. Пришлось вчитаться внимательнее.

Великие философы, поэты-романтики, писатели и общественные деятели чувствовали и мыслили в олимпийском масштабе, им близок был космополитизм с его принятием многообразия мира, у них не было страхов утраты своей культуры, самости, они легко соединяли немецкое и общечеловеческое. С высоты полета своей мысли они не заметили чайний и комплексов обычных немецких бюргеров, которые ощущали угрозу своей идентичности, чувствовали себя обиженными и ущемленными в правах после поражения в Первой мировой войне, воспевали «тевтонский дух», пытались «игнорировать иноземные соблазны и превратиться в «немца» чистейшей воды».

Разрыв между интеллектуальной элитой и основной массой населения был настолько огромен, что первые даже не заметили проблем, которые терзали остальных. Не понимали и даже не представляли, что можно, оказывается, быть обиженными настолько, чтобы поверить в заговор евреев или банкиров, которые уничтожают Германию. «Мир... был застигнут врасплох, когда этот духовный шовинизм постепенно обернулся милитаризмом» (Эриксон Э. Детство и общество. Гл. 9. Легенда о детстве Гитлера).

Социальный заказ на поиск ведьм возник в обществе, стоящем на пороге больших преобразований, когда все нестабильно, когда возникают новые трудности, в среде, которая отказывается разбираться в превратностях и новшествах сложного мира. Рушится все привычное, и непонятно, неопределенно все вокруг, и виноватыми могут оказаться кто угодно: в одном месте это ведьмы, в другом — шотландцы, потом масоны, евреи и так далее...

Охота на ведьм

— Указали нам: вот конкретное зло, убьешь его, изничтожишь — и сразу станет легче?

— Да, надо искать виновного, и тут на помощь приходит какой-то актуальный социальный миф, который объясняет, что происходит в сегодняшнем дне. И эти социальные мифы удивительным образом имеют свое жестокое обаяние, потому что не требуют объяснений. Они упрощают картину мира, все становится понятно. Они не требуют много знаний и аналитической проработки, потому что по сути своей иррациональны.

Социальный миф становится реально действующей политической силой, провоцируя охоту на мифических врагов и запуская совсем не мифический, а реальный маховик репрессий. Мы знаем, к чему привели миф о Протоколах сионских мудрецов или мифы о врагах народа в сталинское время.

Господин политик миф

— В книге вы приводите цитату французского историка Мишеля Леруа: «Сила мифа о заговоре — в том, что он способен объективировать зло, наделять его лицом и именем». Но как происходит выбор именно этих, а не других лиц и имен?

— Кто попадает на роль ведьм и почему? Историки, проанализировав материалы многочисленных судов над ведьмами, пришли к выводу о том, что во времена разгула репрессий практически любой и каждый может оказаться «ведьмой», при этом те, кто был обвинен в колдовстве, не отличались ранее какими-либо выраженными особенностями поведения, а кто постоянно привлекался к суду за всяческие нарушения порядка, не обвинялись в колдовстве. Их проступки были очевидны, «ведьминские» же проделки потаенны, их надо разоблачить, вытащить на свет божий.

В охоте на ведьм присутствует некий иррациональный момент. Когда вина человека абсолютно доказана, он отвечает за нее по закону. При обвинениях же в ведовстве, в порче, в заговоре с дьяволом общество настолько напугано, что казнит «ведьму» даже не за преступление, а за саму возможность его совершить.

Мифический враг совершает иллюзорные преступления, а вот процесс дознания — реальность. Как говорил Леруа: «Миф только называет противника, но никогда не определяет его слишком четко. Излишняя конкретизация делает врага менее опасным».

— Как много сразу приходит аналогий...

— Да! Как говорил Станислав Ежи Лец: «Самый кровавый бой — бой призраков». Притом что охоту на ведьм можно назвать террором, массовым безумием, мракобесием, ее никак нельзя назвать беззаконием. Юридическая сторона преследований была четко продумана, все было обосновано и предусмотрено всегда. Уже в «Молоте ведьм» было очерчено, что преступления ведьм требуют особого порядка судебного разбирательства.

Ко второй половине XVI века, когда преследование еретиков перерастает в мас-

совые репрессии, законодательство «совершенствуется». В ранг закона возводится судебный произвол — вводятся новые нормы, по которым свидетелем обвинения может стать любой человек, даже тот, кто ранее был обвинен в лжесвидетельстве. В дело идут призрачные показания — свидетельства честных граждан, что точно видели дух или призрак подозреваемого, который мучил их или отплясывал на шабаше. При этом защита обвиняемого не допускается — адвокат может впасть в грех, защищая ересь.

Охота на ведьм ведется всецело в рамках закона. При этом рамки закона специально подгоняются и расширяются под нее. Против ведьм в XVI веке принимаются показания малолетних детей, появляются дети-обвинители, которые разоблачают своих соседей, родственников, даже родителей. Как тут не вспомнить о Павлике Морозове, а это уже совсем недавняя история — начало 1930-х годов XX века.

Павлик Морозов

Галина Пышняк, придумавшая «распятого мальчика»

Кадр из видео

Школьник, получивший в советской пропаганде известность как пионер-герой, который якобы донес на родного отца, сказав, что тот помогает сосланным кулакам и препятствует созданию колхоза в деревне, и за это был убит своими родственниками. Дед Павлика Морозова, его бабушка, двоюродный брат и дядя были обвинены в преступлении, объявлены террористами и приговорены к расстрелу. В 80-х годах оставшиеся в живых очевидцы, в том числе и учительница Павлика, рассказывали, что он никогда не был пионером (в селе тогда еще не было пионерской организации), был дремуче неграмотен, отец ушел из семьи, и мальчик в отместку донес на него.

Британский антрополог Катриона Келли проследила эволюцию сообщений о Павлике Морозове от раздела происшествий в местных газетах до статей в центральной прессе, воспевающих подвиг пионера-героя. Семейная трагедия превратилась в миф о непримиримой классовой борьбе внутри семьи. Я не люблю злоупотреблять словом «архетип», но большевистский миф о мальчике, донесшем на родного отца, следовал архетипическим архаичным сюжетам: сын против отца, отцеубийство, сыноубийство, детоубийство — универсальные образы, мотивы, которые срабатывают на протяжении многих веков. Советская пропаганда «забыла», что вместе с Павликом был убит и его младший брат, — герой должен был быть один.

На тех же струнах души — «убиенный врагами-нелюдьми ребенок» — играет

совсем недавняя история-фейк 2014 года о распятом украинцами мальчике. Социальные мифы апеллируют не к рациона, а прежде всего к эмоциям, я думаю, что и дагестанцы пошли искать в аэропорту евреев потому, что им было сказано, что они убивают палестинских детей. И я уже не говорю сейчас о «всемирном сионистском заговоре», в котором настойчиво фигурируют ритуальные убийства и кровь христианских младенцев.

Мифу, опирающемуся на архетип убиенного ребенка, не требуется уже никаких доказательств, он удивительно устойчив против рациональных данных. Даже если показать, что описываемого события не было или что на самом деле все по-другому, какой-то осадок остается — как недоверие к информации, готовность поверить в самые абсурдные наветы.

Понятие «враг народа» в этом смысле тоже мифологично: произнес вслух — и не надо разбираться, оно само уже и стигмат, и это приговор.

— Да, я, как раз читая вашу книгу, думала о том еще, как сохраняется лексика инквизиции. В XVI веке было «враг рода человеческого». Потом, наверное, — «враг человечества». А потом уже — народа?

— Я не знаю точно, но суть одна: ведьма — самый опасный враг, потому что она вступает в заговор с дьяволом против всего человеческого рода. Когда есть враги такого масштаба, поиск их и всеобщая подозрительность неизбежны. Общество разделяется на своих и чужих, и чужие

очень быстро становятся еще намного более чужими, чем было раньше. Их уже вытерпеть сложно, и тут возникают вопросы вроде: пьют ли они кровь христианских младенцев, или не пьют?

Были попытки как-то втиснуть объяснение охоты на ведьм в какую-либо теорию — например, сказать, что это антифеминистская история. Но в разгар репрессий попадали и мужчины, и женщины, и старые, и молодые, и симпатичные, и не очень.

— Может быть, есть еще критерий, о котором говорит, в частности, канцлер, архиепископ Вюрцбурга, слова которого вы приводите в своей книге, — на роль ведьм попадают «лучшие и наиболее привлекательные»? Да и в годы сталинских репрессий был уничтожен, как принято говорить, именно «цвет нации», лучшие умы.

— Когда террор уже набрал обороты, повторюсь, жертвой может стать любой. Обратите внимание: можно говорить, что было, например, вырезано крестьянство при коллективизации. Причем именно зажиточный его слой, который был проводником новых идей и новых технологий, который становился зарождающейся российской буржуазией. И наверное, первыми жертвами террора становились люди яркие, которые как-то выделялись из общего строя, которые допускали разномыслие и не боялись высказываться вслух.

Но после первых во враги попадали уже люди из совершенно разных слоев населения — «и праведник там, и злодей», и белогвардейцы, и пламенные революционеры, и работники НКВД. Вот, казалось бы, только вчера они пытали своих жертв, а сегодня уже сами жертвы.

Те, кто призывает навести порядок жесткой рукой по самым строгим меркам, часто не додумывают, что и сами могут под эту руку попасть.

И поэтому все попытки реконструировать социально-психологический портрет «типичной ведьмы» обречены на неудачу. Миф создает общую установку на поиск врага, создается атмосфера подозрительности, в такой обстановке на любого человека может пасть любое обвинение.

Парадоксальная вещь, но, по сути дела, все репрессивные и самые кровавые терроры начинались с великой идеи спасения человечества, с поиска абсолютного блага для всех. И если кажется, что такая спасительная идея найдена, то попробуй возрази против нее. Если против — ты ведьма и враг.

Охота на ведьм

Человечество знает самые разные «охоты на ведьм», которые плодили своих врагов, а эти враги сразу обретали особый статус маргинала, нелегитимного существа вне общества, которого даже защищать нельзя.

Всеобщая подозрительность достигает высочайшего градуса: «Никогда нельзя предвидеть, что может угрожать руководству и народу когда-либо в будущем». Это цитата не из ведовских процессов XVI—XVII веков, это высказывание нацистского теоретика и губернатора Польши Ханса Франка. Эту цитату приводит в одной из своих работ Ханна Арендт, немецкий философ, которая ввела в обиход понятие «банальность зла». И она говорит: «По логике террора, обвиняемый «уничтожается как юридическое лицо». К нему неприменимы обычные юридические практики. Он, как мы помним, не может оправдаться, у него нет адвоката, а судопроизводство сводится к формальностям.

И что очень важно, государство никогда не нападает, оно всегда защищается... от всех видов инородности и инакомыслия, от ведьм, от коммунистов, от евреев и от врагов народа. «Посредством уничтожения опасных лиц служба безопасности хочет отвести опасность, угрожающую нации, независимо от того, какое преступление могли бы совершить эти люди», — здесь я снова цитирую Арендт.

Врага народа в силу исключительности его преступления можно расстрелять без суда и следствия, судьбу таких преступников решают специальные «тройки», как это было в СССР. С обычным вором-грабителем-убийцей так нельзя, а с преступником, возведенным в статус «ведьмы», который ставит его вне закона, можно. Ради такого чрезвычайно опасного преступника стоит подправить законодательство, сделать его более быстрым на расправу, более радикальным и суровым. Так запускается маховик репрессий.

Вино для палача, или Предостережение обвинителям

— В своей книге вы приводите слова жестокого инквизитора XIV века Оймерика, который жаловался: **перевелись богатые еретики, на что же жить бедной инквизиции? Как только стало меньше денег, охота на ведьм пошла на спад? Бедная инквизиция? Если бы можно было поставить здесь смайлик грустной улыбки, я бы поставила.**

— Экономическая смазка репрессивному механизму необходима — доносчик получал изрядную долю из имущества осужденного. И есть правило, которому неукоснительно следовали гонители чуть ли не во всех странах: издержки судопроизводства оплачиваются из имущества осужденных и их семей. Сохранились расценки и подробные счета, где во франках, шиллингах, флоринах, рейхсталерах, в английских и шотландских фунтах аккуратно прописываются цены на обезглавливание, удушение, сожжение, колесование, выжигание клейма, выставление к позорному столбу и на другие «услуги» судопроизводства, которые страшно называть...

— **То, что вы уже назвали, тоже очень страшно...**

— Но, как считалось, не страшнее того, что им было уготовано дьяволом. Вот кардинал Беллармино объяснял: «Лишение закоренелых еретиков жизни в конечном счете идет им на пользу, ведь чем дольше они живут, пребывая в своем заблуждении, тем больше людей совращают и тем на большие проклятия себя обрекают». Поэтому осужденные платили за все, вплоть до сопутствующих накладных расходов, — были цены на установку столба, на пеньковую веревку, которой скручи-

вали жертву, на торф и деготь для костра и даже на вино для тюремщиков...

— **То есть еще и премия такая...**

— Да, они же занимаются «вынужденной самозащитой» общества от дьявольских заговоров и спасают заблудшие души. «Какое бы наказание мы ни назначили ведьмам, — писал в XVI веке юрист и экономист Жан Боден, — ...это ничто по сравнению с мучениями, которые уготовил им Сатана, не говоря уж о вечной агонии, которая приготовлена для них в аду, поскольку земной огонь не может гореть более часа или около того, пока ведьма не умрет».

Повсюду до казни заключенные подвергались изощренным пыткам; даже в Англии, где пытка запрещалась обычным правом, в судах над ведьмами практиковались различные издевательства. А еще регламентировались способы казни и последние «милости», такие как удушение перед сожжением или замена сырой, медленно горящей древесины в костре на сухую. В Нейссе (Силезия) палач настолько усовершенствовал технологию казни, что лет на триста опередил свое время и предвосхитил фашистские концлагеря и Освенцим: он сконструировал особую печь, в которой только за 1651 год сжег 42 женщины.

Опыт преследования ведьм внес свою лепту в «пыточное мастерство» всех последующих «охот на людей».

— **Но всегда были люди, которые пытались спасти жертв этой безумной охоты. Мне из вашей книги запомнился личный врач герцога Вильгельма Иоганн Вейер.**

— Да, интересно, что один из самых громких протестов прозвучал из рядов самих гонителей. Фридрих фон Шпее (1591–1635), иезуит, профессор теологии, всю жизнь провел в эпицентре немецких судов над ведьмами, и в течение нескольких лет его обязанностью было

Архив

«Тройка» ВЧК

исповедовать перед казнью обвиненных в колдовстве. В какой-то момент он, очевидно, переосмыслил происходящее и многое сделал для защиты жертв. Конечно, он подвергся гонениям, сидел в тюрьме. Умер, заразившись чумой в Трире, будучи приходским священником у прокаженных.

Судебный чиновник Рейнбаха Герман Лоэр написал трактат «Предостережение обвинителям», в котором описал беззаконие судов, обреченность жертв, садизм и ужас пыток, а также теологическую несостоятельность теории колдовства. Он едва спасся, сбежав в Амстердам. Его трактат в 1592 году был уничтожен инквизицией прямо в типографии. В течение 300 лет эта работа считалась погибшей (пока не была в конце XIX века частично обнаружена). Но все годы о ней помнили, на нее ссылались, с ней полемизировали. Одна лишь память о трактате К. Лооса вела войну с мракобесием.

— Но охота на ведьм пошла на спад все-таки благодаря экономическим причинам?

— Однозначного ответа нет. Экономические причины важны, но... Вспомним знаменитого «главного охотника на ведьм» Метью Хопкинса, непревзойденного разоблачителя ведьм (1646). Его приглашали как эксперта и знатока в различные графства, но вдруг с апреля 1646 года его популярность резко упала, судьи заинтересовались его честностью и доходами. Население, до того терпеливое и покорное, возмутилось повальными арестами, появилось недоверие. Некий священник Джон Гоул осмелился выступить против охотника на ведьм с проповедью. Хопкинс вынужден был отойти от дел.

Чаще всего непонятно, что именно стало последней каплей, переполнявшей чашу терпения и принятия репрессий, но такой переломный момент наступал. Сходная картина наблюдалась в Трире, Вюрцбурге и некоторых других городах.

Вот что писал канонник Трирского собора Иоганн Лиден: «Все настолько поверили, что продолжающийся в течение многих лет неурожай вызван ведьмами по наущению Дьявола, что вся страна поднялась, чтобы уничтожить ведьм. ...Безумие

людской злобы и судов, алчущих крови и добычи, распространилось так широко, что едва ли остался кто-либо, не затронутый подозрением в этом преступлении. ...Пахари и виноградари терпели банкротство, вследствие чего снижалось производство продуктов.

Едва ли суровая чума или самый безжалостный захватчик смогли бы подвергнуть такому разрушительному воздействию территорию Трира, как данная инквизиция и преследования, не знающие границ. ...Подобные преследования продолжались несколько лет. Наконец население впало в нищету, были введены законы и усилены ограничения стоимости расследований и доходов инквизиторов — неожиданно, как будто их боевой пыл вдруг иссяк, жажда преследований сошла на нет».

Не бедность и разрушение сами по себе ведут к охоте на ведьм. Но террор и охота на ведьм приводят к бедности и разрушению практически всегда.

Беседовала
Галина **Мурсалиева**

Миро- порядок, или Четыре столетия кризиса

ВОЙНА ВО ВСЕ НЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ
ПОЛИТИКИ ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ,
А ЕЕ ГИБЕЛЬ

Василий
Жарков

Свою книгу, посвященную эволюции системы международных отношений в межвоенное двадцатилетие 1919–1939, британский историк Эдвард Карр назвал «Двадцатилетний кризис». В конце XX века его ученики и последователи выпустили коллективную монографию «80-летний кризис». Однако если посмотреть на историю международных отношений на протяжении 376 лет, прошедших с заключения Вестфальских мирных соглашений 1648 года, можно говорить уже о без малого четырех столетиях кризиса. Путь к современному международному устройству был начат в Европе XVI–XVII веков и представляет собой что угодно, только не то, что в русском языке принято называть словом «порядок». Состояние перманентного кризиса представляется наиболее точной характеристикой международных отношений, начиная с раннего Нового времени до наших дней.

Что такое миропорядок

Слово «порядок» играет с русским человеком злую шутку, особенно если он проходил срочную службу в советской армии. Порядок в нашем представлении — это когда все кровати в казарме одинаково ровно застелены, а трава во дворе покрашена в зеленый цвет к приезду начальства. Порядок в нашей культуре связан с армейской дисциплиной, предполагающей максимально возможную унификацию и полный контроль вышестоящими нижестоящих в рамках четкой иерархии и субординации. Порядок — это про правильное устройство чего-либо, включая отношения между людьми, которое предполагает наличие устава и следование ему.

Английское слово *order* (переводимое на русский язык как «порядок») имеет массу значений, несколько из которых связаны с устройством отношений между людьми. Здесь важен в первую очередь «особый способ», в соответствии с которым могут

быть выстроены предметы, события или некое состояние, в том числе в межлическом взаимодействии. Всякий порядок при этом представляется лишь плодом нашего ума, а не неким заданным извне и обязательным к неукоснительному соблюдению уставом. Порядок может быть нарушен, пересмотрен или уточнен, в этом нет ничего страшного. Наоборот, чем значительнее гибкость порядка, чем он более подвержен корректировкам по мере столкновения с действительностью, тем больше шансов на его устойчивость и долговечность. Порядок в данном случае не заданное свыше «правильное устройство», но такое, которое организовано в соответствии с договором, а не принуждением.

Международный порядок (*international order*) представляет собой некий набор паттернов (моделей) поведения, создающих структуру отношений акторов на мировой арене. Этими акторами с начала Нового времени преимущественно выступают суверенные территориальные государства-нации, по отношению друг к другу находящиеся в специфическом состоянии международной анархии. Международная анархия обусловлена независимостью каждого актора, не подчиненного никакой внешней власти и опирающегося на свою собственную во взаимодействии с себе подобными.

Однако даже в условиях этой специфической анархии в течение продолжительного времени международного общения между государствами формируется и постоянно развивается взаимно принятый набор норм, правил и институтов. Эти нормы, правила и институты как раз и задают параметры международного порядка. Даже не будучи подчиненными общей власти и закону, государства добровольно помещают свои действия в известные рамки. Это делает их политику чуть более рациональной и предсказуемой, что не позволяет в полной мере избежать взаимного непонимания и конфликтов. Однако конфликтность в условиях международного порядка несколько понижается.

Цель международного порядка в конечном счете сводится к поддержанию мира, но эта цель достижима лишь отчасти. Локальные конфликты низкой степени интенсивности в условиях международной анархии практически неизбежны и не так опасны, если не нарушают общего статус-кво. Однако крупные и тем более глобальные конфликты высокой степени интенсивности (такие как Первая и Вторая мировые войны) обычно свидетельствуют о провале прежнего международного порядка, на смену которому приходит новый. Нормы, правила и институты переживают вызовы и меняются в соответствии с результатами очередного большого кризиса.

Как это (не) работает

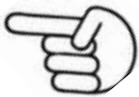
Первый пример международного порядка обычно принято связывать с Вестфальским миром — на самом деле целой серией мирных договоров, заключенных участниками большой международной конференции в Мюнстере и Оснабрюке в 1648 году по итогам Тридцатилетней войны. Европа в целом и особенно немецкие земли и Чехия понесли колоссальные людские и материальные потери в ходе этого затяжного конфликта, охватившего практически весь европейский континент и даже вышедшего за его пределы. Однако именно Вестфальская система стала тем первым международным порядком в Европе, базовые принципы которого пусть и в измененном виде сохраняются в основе современного миропорядка. Попробуем проследить эволюцию международного порядка на конкретных примерах.

В основу Вестфальской системы международных отношений были заложены три важнейших института, сохраняющих актуальность по сей день. Это — дипломатия, баланс власти и суверенитет. К началу XVIII века все страны Европы, в том числе Россия, были включены в сеть постоянных взаимных дипломатических представительств. Обмен послами стал общепринятой нормой, неприкосновенность дипломатов — правилом, а сама дипломатия как средство легального взаимодействия между правительствами разных стран оказалась одним из краеугольных институтов сложившегося в результате международного порядка. Веками выверенные дипломатический этикет и протокол задают рамки взаимодействия между странами.

Баланс власти (*balance of power*) в России обычно переводят как «баланс сил», но это представляется не совсем корректным. Во-первых, где в оригинале множественное число? Во-вторых, *power* в социальном смысле этого слова переводится на русский именно как «власть» (в отличие от силы в батарейках). Наконец, в отличие от силы, «власть» более широкое и комплексное понятие.

Безусловно, власть предполагает наличие силы и принуждения. Однако главная характеристика государственной власти заключается в лояльности и преданности ей миллионов граждан и в случае международных конфликтов их добровольной готовности сражаться за нее, в том числе ценой своей жизни.

Ведущий теоретик международных отношений Ганс Моргентау не случайно утверждал, что слишком частое применение насилия тем или иным государством скорее всего свидетельствует о дефиците у него власти. Неизбежность применения государством силы в случае нарушения его границ и ее фактическое применение на самом деле не тождественны друг другу.

Власть держится на вере людей в первое, но само применение силы часто демонстрирует ее очевидные пределы, особенно на международной арене. Поэтому войны нередко ведут к утрате или существенному сокращению власти начавших их государств. При этом особенно опасно, когда война лежит в основании того или иного государства, это приводит к его чрезмерно агрессивному поведению на международной арене и может закончиться полным крахом такого государства.

В основе баланса власти лежит понимание неизбежности неприемлемого ущерба, который рискует получить любой, кто вторгнется в пределы границ другого государства и начнет против него войну. Довольно часто русское великодержавие позволяет нам игнорировать так называемые «малые страны», не принимая в расчет их роль на международной арене. Однако особенность международной политики в условиях анархии состоит ровно в том, что каждое государство независимо от своих размеров обладает всей полнотой власти в своих границах и способно балансировать власть соседей в совместном свободном полете. Малые государства способны вступать в выгодные для себя союзы с более сильными державами и при этом не терять своей независимости. Они могут располагать важным ресурсом в виде высокомотивированного и преданного своей стране гражданского общества, готового к мобилизации ради сохранения своего национального дома. Еще масса других обстоятельств, связанных с географией и экономической ролью той или иной страны, делают ее неуязвимой даже в случае невеликих размеров.

Отличным примером в этом ряду может служить признанный в качестве суверенного государства по Вестфальскому миру Швейцарский союз, воины которого обладали репутацией самых умелых и свирепых в Европе. Принцип всеобщего вооружения народа позволяет в одночасье поставить под ружье всю Швейцарию, крайне изрезанный горами ландшафт которой чрезвычайно

Миро- порядок, или Четыре столетия кризиса

труден для завоевания. Эта страна известна тем, что в ее банках хранили деньги самые богатые люди мира, включая наиболее одиозных диктаторов и их окружение. Только этих факторов хватило, чтобы Швейцария избежала войн на протяжении нескольких последних столетий и при этом даже не прибегала к союзам с более сильными партнерами. Власти этой страны размером с Московскую область вполне хватает, чтобы балансировать весь остальной мир.

История соседних со Швейцарией «великих держав» показывает, насколько вредной затеей может быть война с точки зрения сохранения и приумножения государственной власти. Франция оказалась едва ли не главным игроком, определившим исход Тридцатилетней войны. Присоединившись к коалиции протестантских стран, католическая династия Бурбонов определила исход долгого и изнурительного противостояния в Европе. Руководствуясь придуманным Максимилианом Сюлли принципом *raison d'état*, французская королевская семья предпочла лояльности Римскому престолу секулярный государственный интерес, состоявший в стремлении ослабить претендовавших на европейскую гегемонию и прямо угрожавших границам Франции немецких и испанских Габсбургов. Сама Франция вышла из Тридцатилетней войны главным претендентом на гегемонию в Европе, однако через некоторое время ее потеряла. Буквально на следующий год после заключения Вестфальского мира французы начали новую войну с Испанией, которая закончилась для них удачно и разожгла аппетиты на будущее. Однако

уже через полвека поражения в двух больших войнах — за испанское наследство (1701–1714) и Семилетней (1756–1763) — подорвали и фактически положили конец гегемонии Франции, еще какое-то время сохранявшейся в виде всеобщего следования парижской моде и подражания Версальскому дворцу другими деспотами Европы. Несмотря на кратковременный успех, Наполеоновские войны (1799–1815) поставили на стремлении к политической гегемонии жирную точку.

Еще примерно полвека спустя сама Франция подверглась агрессии со стороны соседней вновь образовавшейся «великой державы». Франко-прусская война (1870–1871) стала последним шагом на пути объединения германских земель под властью Берлина. Новая федеративная Германская империя во главе с Вильгельмом I была провозглашена в январе 1871 года прямо в занятом немецкими войсками Версальском дворце под Парижем. Этой завершившей создание нового крупного государства войне предшествовали еще два успешных для Пруссии конфликта — с Данией (1864) и Австрией (1866). Новая империя с самого начала была пропитана милитаризмом и, имея в багаже сразу несколько успешных войн на европейском континенте, начала гонку вооружений, впервые за долгие десятилетия показавшую относительную слабость тогдашнего мирового гегемона — Великобритании. Подрыв британской гегемонии в ее военном соревновании с Германией во многом привел к Первой мировой войне.

Для усмирения прусского военного духа в следующем столетии потребова-

лось две мировых войны. Первая мировая война закончилась позорным поражением для Германии и утратой гегемонии Великобританией. При этом бряцание Гитлера оружием в конце 1930-х воспринималось на Британских островах как проявление его слабости. Сломать существующий порядок силой оружия выглядело заведомо провальной идеей. Об этом в своем анализе мирового баланса власти написал Эдвард Карр. Его посвященная теории международных отношений книга «Двадцатилетний кризис. 1919–1939» отправилась в печать в середине августа 1939-го, чтобы увидеть свет в новой реальности в сентябре того же года. Потребовалось шесть лет кровопролитной войны и миллионы жертв, чтобы в разбомбленном Берлине убедились в верности этого прогноза.

Вторая мировая война завершилась в 1945 году установлением гегемонии США, которой в течение последующих 45 лет исторически безуспешно противостоял СССР. Советскому Союзу не удалось построить эффективной альтернативной системы международных отношений, и по меньшей мере с эпохи разрядки начала 1970-х годов ему пришлось постепенно встраиваться в либеральный мировой порядок. К началу 1980-х сохранившиеся формальные сателлиты Москвы в Восточной Европе зачастую в большей степени зависели от западных кредитов и рынков, чем от «старшего брата» на Востоке. Самоликвидация второго полюса биполярного мира стала делом короткого времени.

Казалось, мирное окончание холодной войны только упрочило гегемонию Соединенных Штатов в рамках внезапно ставшего однополярным мира. Однако бремя монополюса оказалось довольно тяжелым и рискованным делом. Военный успех «Бури в пустыне» 1991 года всего десятилетие спустя сменился истерическими попытками военного вмешательства на Ближнем Востоке. Поспешные вторжения в Афганистан и Ирак на самом деле продемонстрировали миру не мощь, а лимиты власти США. Прошло еще десятилетие, и в моду вошли разговоры о закате американской гегемонии. Отступление западного альянса из нескольких стран породило необоснованные надежды на успех у разных игроков, решивших силой перекроить международный порядок на своих условиях. Это уже привело и приведет еще к целому ряду локальных конфликтов на периферии миросистемы, и с каждым новым очагом возгорания становится все более очевидным глобальный и переломный характер текущего кризиса.

Каким будет мир по итогам происходящих событий и сохранится ли он в принципе, учитывая нынешний ядерный век, сегодня сказать трудно. Однако совершенно

очевидно, что одним из важнейших уроков истории, в том числе последних 30 лет, должно стать понимание тотальной нерациональности и пагубности войны как средства решения внешнеполитических задач. Война не продолжение политики другими средствами, а ее гибель. Тем опаснее маленькие победоносные войны, если они оказываются успешными. Потому что они рожают ложную эйфорию у победившей стороны и толкают ее на еще более отчаянные авантюры, которые заканчиваются значительной или полной утратой власти. Война не только разрушает баланс власти и держащийся на нем порядок, она же становится и главным вызовом для начавшей ее власти. Поэтому те, кто хочет сохранить и приумножить свою власть, на самом деле должны держаться подальше от такого сомнительного и опасного для себя мероприятия, как война или даже всего лишь «специальная военная операция».

Либеральный миропорядок

Современный международный порядок в западной литературе принято называть либеральным. Его окончательное формирование обычно датируется 1945 годом и связывается с возникновением и утверждением целого ряда международных институтов, касающихся развития мировой экономики. Однако лучше всего складывание либерального миропорядка может быть проиллюстрировано на примере эволюции суверенитета — одного из фундаментальных институтов, возникших в рамках Вестфальской системы международных отношений.

Суверенитет возникает в Европе раннего Нового времени, когда Реформация поставила под сомнение авторитет католической церкви. Ватикан утратил возможность политического контроля над европейскими монархами, которые получили свой суверенитет на основании принятого в 1555 году по Аугсбургскому религиозному миру между католиками и протестантами правила *cuius regio, ejus religio* — «чья земля, того и вера». Это правило проистекало из нормы взаимного признания друг друга монархами и князьями Священной Римской империи в качестве суверенных правителей своих земель. Вестфальские мирные соглашения подтвердили соответствующую норму и строящееся на ней правило в масштабах всей Европы и сформировали первый тип суверенитета, предполагавший абсолютную власть деспота над подвластной ему территорией. Эта форма суверенитета нашла свое воплощение в абсолютистской Франции Людовика XIV, России Петра I и Пруссии

Фридриха II. Желая славы для себя, монархи XVII–XVIII веков вели бесконечные войны за новые территории с податным населением и рекрутами для новых военных походов и территориальных приобретений.

Важная революция в подходе к суверенитету произошла в 1776 году за пределами европейского континента. Североамериканские Соединенные Штаты впервые в мировой истории провозгласили народ главным источником власти, а следовательно, и носителем суверенитета. Филадельфийский суверенитет, в отличие от Вестфальского, строился на воле не королевской династии, а нации в целом. Отсюда же возникает право нации на самоопределение, включенное в мировую повестку в числе 14 либеральных пунктов Вудро Вильсона по итогам Первой мировой войны. К этому моменту международные отношения окончательно перестают быть делом самодержцев и связанных с ними военных и дипломатических элит и становятся предметом публичного обсуждения на общенациональном уровне. Мобилизация в ходе мировой войны вовлекла в международные отношения десятки миллионов людей, поэтому сохранение послевоенного мира превратилось в задачу номер один для нации в целом.

Вместе с тем Вторая мировая война продемонстрировала, что в условиях массового общества ведомые пропагандой насилия и ненависти отдельные нации могут допустить преступления против человечности. Исходя из базовой для либерального общества нормы неприкосновенности жизни, послевоенная Организация Объединенных Наций провозгласила правило соблюдения прав человека в качестве необходимого условия суверенитета той или иной страны. Дополнительным ограничением суверенитета стали нормы и правила свободного движения капитала, товаров и рабочих рук и построенные на их основе институты многостороннего регулирования в рамках МВФ, Всемирного банка, ВТО и международных организаций регионального уровня наподобие ЕС.

Либеральный мировой порядок вырос на основе эволюции понятия суверенитета от права деспота определять религию в своей стране через право наций на самоопределение к обязанности каждого государства соблюдать права человека и не мешать развитию свободной мировой экономики. В связи с последним может оказаться так, что принятый в 2022 году в США «Закон о сокращении инфляции» сделает для изменения миропорядка гораздо больше, чем локальные конфликты на мировой периферии.

Василий Жарков

ГОРБИТ
GORBY

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Возвращение биографии

Середина 50-х годов стала временем, когда страна оказалась в точке перелома истории, искусства, да и самой жизни. И за всеми ее переменами всегда обнаруживались люди, решившиеся пойти против установленных правил, изменить действительность. Иногда это были герои-одиночки, но зачастую единомышленники объединялись в группы, вырабатывавшие новые навыки существования. В литературе таким сообществом стала группа друзей, которую литературоведы называли «филологической школой».

ПОЧЕМУ КУЛЬТУРА
В ОПАСНЫЕ ВРЕМЕНА —
ВЕЩЕСТВО ГЕНИАЛЬНОСТИ?

Поэт и литературный критик **Михаил Айзенберг** рассказывает о том, как ее участникам удавалось жить и писать так, будто советской власти не существовало, и почему тогдашние «маргиналы» вошли в историю не только русской, но и мировой культуры.

Михаил Айзенберг

Первоначально эта статья называлась «Читая антологию». Первым ее побуждением было одно впечатление, возникшее при чтении антологии «Русские стихи 1950–2000», выстроенной по годам рождения, так что авторы идут друг за другом возрастной чередой. Если читать ее подряд, этот принцип позволяет обнаружить неожиданную общность даже там, где ее не ждешь. И это не общность стилевых предпочтений, а что-то более глубинное. Обнаруживает себя какой-то поэтический дух времени — большой ритм с приливами и отливами. И в какой-то момент подходит волна нового звучания.

У каждого литературного поколения есть своя задача — поиск нового языка как сегодняшней темы и творческой идеи, идущей через художественное пространство в социальное. Но проступает портрет поколения не сразу — только издали становится видно что-то общее в практике людей, каждый из которых считал, что занимается только своим делом. Схожесть определяется тем, что эти стихи писали не только авторы, но и их время.

Такой момент ясно ощущается, когда чтение антологии подходит к авторам, родившимся в середине тридцатых годов. Становится очевидным, что перейден какой-то рубеж: художественный, но в основе своей исторический. Можно предположить и причину: детство, совпавшее с войной. Возможно, эти люди воспринимали войну как несостоявшийся конец света (или как конец прежнего света); понимали, что живут после конца света, и само это чувство было сродни странной свободе.

Или это их ранняя юность пришлось на время, которому вставили вывихнутый сустав? Трудно сказать наверняка, но это совсем другие стихи, у них поразительно

легкая поступь. Слова как будто умылись, смыли дорожную пыль, военную усталость. Изменилась их скорость и сама способность к движению; они весело забегали кто куда — никто уже за ними не гнался.

Именно такое чувство сопровождает повторное — через провал середины века — рождение русской поэзии: ощущение выхода витальной энергии совершенно иного, нового рода. А еще — какое-то веселье.

Что чувствует человек, объясняющий свои впечатления словом «новое»? Я думаю, он чувствует какое-то внезапное освобождение. Ему открывается возможность свободы в той ситуации, в том месте, где только что никакой свободы не было и она даже не предполагалась. Это новоселье свободы, оно неожиданно и радостно.

Взросление этих авторов совпало с концом периода, когда слова «современный» и «советский» общество считало синонимами. Сам этот период был, вероятно, самой страшной ямой истории: эпохой, где человек ничему не хозяин, и нет у него ни биографии, ни судьбы, только участь. Даже для уцелевших эти годы наполнены переживанием неосуществленной жизни. «Из чередования страдательного переживания непомерных исторических давлений и полуиллюзорной активности — получается ли биография? Уж очень не по своей воле биография» (Лидия Гинзбург).

Может быть, главным в судьбе каждого автора, вошедшего в пятидесятые годы в сознательный возраст, стала именно борьба за биографию. «Чтоб наизнанку, словно рукавицу, / Темницу вывернув» — вот формула этой стратегии по словам Михаила Еремина, одного из авторов «филологической школы» — едва ли не первой неофициальной поэтической группы Ленинграда. По позднему исчислению, этих авторов восемь, по первоначальному (1954) — шестеро: Леонид Виноградов, Михаил Еремин, Сергей Кулле, Александр Кондратов, Лев Лосев, Владимир Уфлянд.

Название «филологическая школа» принадлежит не авторам, а позднейшим

публикаторам, но в нем есть неумышленная точность: члены кружка называли «школой» отрезок дальнего университетского коридора, где они обычно и собирались в годы совместной учебы в ЛГУ. То есть это топоним.

Работа многих из членов кружка вошла в основание обновленной русской поэзии, предъявив образцы новой стиховой материи и нового авторского поведения. Слово «поведение» здесь очень значимо. Андеграунд этого времени — пространство сугубо индивидуальных тактик, причем тактик не только (точнее, не просто) художественных. Отношения авторского и бытового поведения сложны и конфликтны; авторское поведение вносит в бытовое новые регистры — усложняет его и обогащает. Биографический образ выстраивается по законам текста.

Описание поэтики этих авторов — материал книги, а не статьи. Сложность еще в том, что нужно вести как один шесть совершенно разных разговоров — по числу авторов. «Мы настолько разные, что никогда не было соперничества» (Михаил Еремин). Эти шесть авторов действительно во всем различны — а школа все-таки есть.

Михаил ЕРЕМИН

*Налицествовать как орфографическое
«твёрдо»*

*В несчастный час,
Когда под городом ворочается пустота
И рвутся цепи звонких окон,
Освобождая грани
От крепости углов,
А путник, соболезняя владельцам штучной
рухляди,
Имуществует без потерь.*

1987

« Сам этот период был, вероятно, самой страшной ямой истории: эпохой, где человек ничему не хозяин, и нет у него ни биографии, ни судьбы, только участь

Возвращение биографии

Сергей КУЗНЕЦОВ

Зачем же вы построили свой дом,
с балконом, садом, огородом и амбаром
в двенадцати шагах
от лежбища свиней,
в двенадцати вершках
от края
Колорадского каньона,
в двенадцати саженях от начала
малярийного болота,
в двенадцати прыжках от настешь
открытой
клетки с тигром,
в двенадцати ползках
от логова гадюк,
в двенадцати туалетах
от склада ядерных головок,
в двенадцати бросках
от вражеских казарм,
в двенадцати английских лигах
от наводненного хулиганьем поселка,
в двенадцати получасах пути
от ненадежно охраняемой границы,
в двенадцати микронах
от колонии микробов,
в двенадцати аршинах
от мишени
на стрельбище неофашистов,
в двенадцати локтях
от кладбища машин,
где испокон веков нечисто?

Леонид ВИНОГРАДОВ

Я с фотопортрета
волчьего билета —

17 декабря 1966

хитрый, как змея.
Нет, не я был это,
это был не я.
Или я был это,
а теперь не я?

Владимир УФЛЯНД

БАБУШКА ДОМАША

Кряхтят дрова.
Голосит метель.
Я все жива
после трех смертей.
Бог не дает мне костей сложить.
Велит мне еще пожить.
Опять, опять на этот год
нельзя мне помирать.
К Успенью ягода пойдет.
Кто будет собирать?
Кому вернет четверть ста годов
росистых зорь соловьиный зов?
Кому слезой затуманит взор
росы колокольный звон?
Гостей намочит серый кот.

Я ужин соберу.
Еще одна зима пройдет.
Опять я не помру.
Сперва рожать,
поднимать детей.
А после ждать,
проводить гостей.
А мать-земля только тех берет,
Кому подошел черед.
Зима пройдет, а на весну,
как дерево в бору,
ногами в землю я вращу.
И вовсе не помру.
Глаза печет
нам печаль дорог.
Слеза течет,
как древесный сок.
И не берет
нас земля сыра,
пока не придет
пора.
Пора, пора, пора, пора.
Роса течет с лица.
А лес гудит в колокола.
А жизни нет конца.

1974

Александр КОНДРАТОВ

ХЛЕБНИКОВСКАЯ ОСЕНЬ

Лес лысеет.
Лоси. Лисы. Ласки.
Лес желтеет.
Жалко: жухнет жизнь!
Лес пустеет.

*Постно паству пестует.
Лес ржавеет.
Нужные ножи
наждаком нежны.
Октябрь — с когтями.
Норы ноября.
Нам — нары ям!
Лес лосеет.
Лист что ласт
лысеет.
Лес безлистен.
Прост. Пуст. Пресен.
Лыс!
Синь о сон разбив,
отсеяв озимь,
сень свою высевает осень.*

Лев ЛОСЕВ

ИОСИФ БРОДСКИЙ, ИЛИ ОДА НА 1957 ГОД

*Хотелось бы поестъ борща
и что-то сделать сообща:
пойти на улицу с плакатом,
напиться, подписать протест,
ухать прочь из этих мест
и дверью хлопнуть. Да куда там.*

*Не то что держат взаперти,
а просто некуда идти:
в кино ремонт, а в бане были.
На перекресток — обонять
бензин, болтаться, обгонять
толпу, себя, автомобили.*

*Фонарь трясется на столбе,
двоит, троит друзей в толпе:
тот — лирик в форме заявлений,
тот — мастер петь обняком,
а тот — гуляет бедняком,
подбъив кулак, что твой Евгений.*

*Родимых улиц шумный крест
венчают храмы этих мест.
Два — в память воинских событий.
Что моряков, что пушкарей,
чугунных пушек, якорей,
мечей, цепей, кровопролитий!*

*А третий, главный, храм, увы,
златой лишился головы,
зато одет в гранитный китель.
Там в окнах никогда не спят,
и тех, кто нынче там распят,
не посещает небожитель.
«Голым-гола ночная мгла».
Толпа к собору притекла,
и ночь, с востока начиная,
задергала колокола,
и от своих свечей зажгла
сердца мистерия ночная.*

*Дохлебан борщ, а каша не
доедена, но уж кашне
мать поправляет на подростке.
Свистит мильтон. Звонит звонарь.
Но главное — шумит словарь,
словарь шумит на перекрестке.*

*душа крест человек чело
век вещь пространство ничего
сад воздух время море рыба
чернила пыль пол потолок
бумага мышь мысль мотылек
снег мрамор дерево спасибо*

Общность хотя бы в том, как они шутят с собственной судьбой, чтобы вырвать ее из общего ряда. И в том, что каждый стоит особняком: их практика не вошла в какую-то магистральную линию (за исключением, пожалуй, Лосева): не пошла ни по питерскому, ни по московскому «направлению». Такая оригинальность, не получившая продолжения, — явление именно того времени.

«Филологи» были не только маргинальными авторами, но и маргинальными людьми. Наверное, в основе это все-таки не «школа», а кружок, компания. Но с каким-то особым кодексом поведения и невероятными — для того времени — ритуалами. Новая поведенческая модель, но не личная, а кружковая (как бы по футуристическим рецептам, хотя общего немного).

На прошедшем когда-то в РГГУ вечере «филологической школы» показывали старые фотографии. Покраска ограды Екатерининского садика — по заветам, вероятно, Тома Сойера. Ритуальное открытие купального сезона (Нева, апрель). Отсюда один шаг до внешнего ограждения Невы, на котором те же авторы, подхватив случайное ведро с краской, ночью выводят аршинными (аршин явно не общий) буквами «Да здравствует Пастернак!» (1958). Не осведомлен о реакции властей, но на сегодняшний взгляд в этом спонтанном действии больше «акции», чем политической провокации. Но это какой-то стихийный акционизм.

На фотографиях видно, как они дико фотогеничны. «Фотогеничны не потому, что молоды. / Молодость — не фотогенич-

на, / Фотогенична свобода» (Сергей Кулле). Именно, именно!

И не то чтоб время веселое, при советской власти веселых времен не наблюдалось. Дело в людях. Старшие товарищи «филологов» (Михаил Красильников, Юрий Михайлов, Эдуард Кондратов) умудрялись устраивать публичные «хепенинги» еще при Сталине.

«Для нее так шутят» — определяла Лидия Гинзбург мнение Ахматовой по поводу обэриутов. То есть пишут так, как раньше шутили. «Филологи» продолжают, но по своему обыкновению еще и выворачивают эту линию: шутят так, как раньше писали. И живут так, словно пишут одновременно и стихи, и биографию. Шутят с собственной судьбой, чтоб вырвать ее из общего ряда. Отсюда и эскапады.

Михаил Красильников позже был арестован, и в лагере (то есть уже после 1956 года) познакомился с лидером другой, схожей, но уже московской группы Леонидом Чертковым. Интересно, что примерно в то же время — не зная о лагерной встрече — на воле познакомились и начали общаться члены двух этих кружков.

Не так уж это и удивительно. Таких людей было очень мало, считанное число. В их встрече и последующей дружбе было что-то закономерное. Они были атомами иного — еще не существующего — социального тела: двигались по каким-то иным законам, иным траекториям и закономерно начинали притягиваться друг к другу.

Собственно, новейшая история литературы, искусства, да и просто новейшая история этой страны в точке перелома — это история сравнительно небольшого количества людей, сумевших не поддаться общей инерции. Стоило бы изучить судьбу каждого из них.

Новое сначала пишется на полях, только потом переходит в основной текст. В те годы расхожим стало словечко «гений», заменив собой целую группу превосходных степеней. Под это определение подходил любой человек, делающий не то или не так, как другие. И это, в общем, справедливо: при полной замурованности в социальном монолите любое вольное движение требовало своего рода гениальности. Эти гении очень выделялись, бросались в глаза. Что категорически не приветствовалось государством и не очень нравилось обществу.

Может, культура — единый организм, в опасные времена выделяющий, как секрет, вещество гениальности? Какой-то призыв к спасению. Какой-то «зеленый свет».

Вот что хотелось бы понять.

Михаил Айзенберг

Выбор Шехтеля и выбор Щусева

ПРО ДВА СПОСОБА
ОСУЩЕСТВИТЬСЯ
В ИСКУССТВЕ

Борис
Минаев

О Щусеве существует некоторое количество анекдотов, легенд, «побасенок», и я бы совершенно не удивился, если б, роаясь в библиотечных фондах, наткнулся на такую книженцию.

Одну историю знает любой «старый москвич», да и не только старый — любой пытливый ум, которого интересует вопрос, откуда взялся этот архитектурный облик, это до чертиков знакомое лицо города, знает, конечно, историю о том, как Сталину положили на стол два альтернативных варианта фасада гостиницы «Москва» — и он, не задумываясь, подмахнул оба, в результате фасад получился асимметричным и странным, что, впрочем, абсолютно соответствует Щусевской эстетике — он любил асимметрию.

Момент этот не такой веселый, как может показаться, и имел в судьбе Щусева довольно драматические последствия. Впрочем, все кончилось, как всегда, для него хорошо...

Еще пару анекдотов о Щусеве услышал от куратора выставки «Рисовал архитектор Щусев» Юрия Аввакумова в Музее декоративно-прикладного искусства (повезло попасть на его кураторскую экскурсию).

— Недавно опять в интернете прочитал байку о том, что за свои «храмовые» проекты Щусев получал гонорар огромными мешками с «церковной мелочью», — сказал он. — Все это сушая ерунда. Никакой церковной мелочи не было, основную часть денег Щусев получал от крупных заказчиков, самым крупным из которых была царская семья.

Ну и вторая байка, тоже про деньги.

Был 1947 год, денежная реформа, обмен денег. Как и любая денежная реформа, проходила она конфискационным способом — там были какие-то считанные дни для обмена, и верхний предел не более трех тысяч рублей... Остальные по курсу один к десяти.

К Щусеву домой примчались молодые сотрудники, и его жена сказала им: Алексей Владимирович, как вы знаете, хранит деньги в книгах, есть у него такая

привычка, но в каких книгах именно, он не помнит. Ищите!

И она показала рукой на необъятную библиотеку.

К вечеру, вспоминают «молодые сотрудники», мы ходили примерно по шиколотку в денежных купюрах.

Да, Щусев был богат, Щусев был знаменит — когда он умер, вся улица (которая называлась, как и сейчас, Гранатным переулком, но уже в то раннее утро на домах висели другие таблички «улица Щусева») была забита людьми с венками, автобусами и лимузинами, пожизненная пенсия вдове, имена, присвоенные музею архитектуры и другим улицам и учреждениям СССР, звания лауреата Сталинской премии, академика архитектуры, негласное, пожалуй, но не менее ошутимое звание «архитектора номер один», создателя знаменитого «сталинского классицизма», обладателя государственных наград, человека, не только «обласканного» властью, но и «истинно великого», все это осталось навсегда неизменным, никто из архитекторов ни тогда, ни теперь не позволит себе бросить в него камень, и все же, все же, все же...

Все же вопросы остаются.

В Москве осенью открыли две выставки, посвященные 150-летию Щусева: в Музее архитектуры (она так и называется — «Щусев. 150») и в Музее декоративно-прикладного искусства — «Рисовал архитектор Щусев».

Так вот. На выставке в музее архитектуры на Воздвиженке целый зал был посвящен только наградам и званиям Щусева. Алексей Владимирович — лауреат аж четырех (!) Сталинских премий по архитектуре, великий академик, орденосец и прочая, прочая — однако вот удивительный факт: почти все самые престижные архитектурные конкурсы он проиграл — Центральный телеграф, Библиотека имени Ленина, Дворец Советов (правда, так и не построенный по выигравшему проекту Бориса Иофана), даже первую часть улицы Горького от Охотного Ряда до Страстной площади.

Ученики и коллеги Щусева — Посохин, Чечулин и другие — стали авторами самых знаковых проектов новой «сталинской» Москвы. Сам же он был удостоен Сталинской премии за театр оперы и балета имени Навои в Ташкенте, институт марксизма-ленинизма в Тбилиси, станцию метро «Комсомольская» и проекты послевоенного восстановления.

Есть и третья выставка в некоей закрытой галерее МАРХИ (института архитектуры), где, как говорится в анонсе, демонстрируется «дело Щусева».

Тут мы возвращаемся к истории о гостинице «Москва». Известно, что первоначально проект был поручен молодым,

дерзким, талантливым представителям конструктивизма, но проект не был принят, а поступил на «доработку» к Щусеву. Он его переделал, поставил свое имя и передал в вышестоящие инстанции.

Два дерзких и молодых представителя «новой школы» архитектуры такого не стерпели, сели и настроили статью в газету «Правда», где обвинили Щусева не просто в плагиате, но и во многих других грехах.

«Правда» донос с удовольствием напечатала, и для Щусева начались непростые дни, месяцы и годы.

Нет, он не стал фигурантом уголовного дела, он не сидел в кабинете у следователя под слепящей настольной лампой, его не мучали физически, но...

Но «дело Щусева» все-таки было, о чем свидетельствует недоступный экспонат в галерее МАРХИ — власти предрешающие с удовольствием подшивали в эту папочку все другие «письма» и «сигналы» о Щусеве, готовя для него большую и мрачную яму.

Он перестал быть председателем Союза архитекторов, был отстранен от руководства своими мастерскими, которые рисовали генеральные планы развития «новой Москвы», лишился он и части своих баснословных заказов.

Но Щусев выкрутился.

Ему помог Берия, ему помог ореол его славы — человека, в архитектуре незаменимого, ему помог Мавзолей Ленина, в конце концов.

Ну как сажать человека, который спроектировал Мавзолей?

Говорят, что во всей этой борьбе вокруг Щусева исследователи находят след академика Алабяна (который также спроектировал множество московских зданий и пытался отобрать у Щусева славу главного проектировщика столичных пространств).

Не мое дело — обсуждать эту версию здесь, но, конечно, помимо Щусева было немало значительных, влиятельных персон в сталинской архитектуре, и далеко не все были довольны тем, что Алексей Владимирович вознесся так высоко.

Одним словом, несмотря на то что «река — Волга, поэт — Пушкин, а архитектор — Щусев», быть «номером один» в любой области в те годы было совсем нелегко.

Даже счастливчику Щусеву.

Возможно, сама власть не очень-то и хотела, чтобы все главные заказы доставались одному человеку, хотела сама определять, что хорошо и что плохо, без оглядки на высокие авторитеты, хотела сама ставить оценки и расставлять приоритеты.

Комментируя то самое антищусевское выступление в «Правде», куратор выставки «Рисовал архитектор Щусев» Юрий Аввакумов сказал: «Время было жестокое, и методы были жестокие».

Однако вряд ли это определение поможет нам разгадать в полной мере «загадку Щусева», если она была.

А она была!

Львиную долю экспонатов обеих выставок составляют проекты, планы. В том числе лично нарисованные и подписанные самим Щусевым (на выставке в Музее архитектуры). А что такое проект? Это линии — и воздух.

Архитектор рисует здание в воздухе. По сути дела, он автор воздуха, автор воздушных зданий.

В Музее декоративно-прикладного искусства эта тема решена необыкновенно изящно — Юрий Аввакумов создал бумажные макеты всех церквей Щусева, но... не снаружи, а изнутри. Эти бумажные макеты показывают нам не стены, купола, колокольни, окна и церковные приделы, а именно — воздух, находящийся внутри построек Щусева. Мы видим толщину стен и объемы, находящиеся под сводами, мы смотрим на то, чего в жизни просто нет.

И это — довольно удивительное ощущение.

Продолжая эту метафору, можно сказать, что Щусев — это именно творец воздуха, но только этот воздух особого рода — воздух времени.

Именно с этой материей он работал, именно этот материал использовал, именно это сопротивление преодолевал.

Почему именно Щусев — автор Мавзолея? Потому ли, что до революции он строил в основном именно церкви и был известен этим? (Самый яркий пример — Марфо-Мариинская обитель на Большой Ордынке в Москве, но были и другие церкви в том же модернистском, «неорусском» стиле — церкви совсем не канонические, апеллирующие к очень древним образцам церковной архитектуры, недаром один из первых таких проектов Щусева — восстановление из развалин двенадцатого века церкви в Овруче.)

Выбор Шехтеля и выбор Щусева

Коллекция музея архитектуры имени Щусева

Федор Шехтель

Есть другая версия, попроще: первый, деревянный мавзолей (всего их было три) нужно было построить очень быстро, на лютном морозе, больше всего подходили уже готовые проекты деревянных павильонов на Всероссийской выставке народного хозяйства в будущем парке Горького 1923 года, и был

срочно выбран самый простой, самый строгий и самый подходящий (без «завитушек») — щусевский проект павильона «Сукно».

И все же, все же — в то жестокое время, время классовой борьбы и ненависти к классовому врагу, строителем Мавзолея становится архитектор, кото-

рый строил именно церкви и именно на деньги царской семьи.

Я думаю, что Щусев тогда впервые уловил тот самый «воздух времени»: новой власти был нужен культ, но культ торжественный и строгий. Хоронили не политика, а бога, небесного царя. Посланника и мессию.

Вот почему выиграл проект Щусева, а не, например, Шехтеля.

Отметим, что проект Шехтеля отсылал посетителя к образам египетской пирамиды, более строгий же и «геометричный» проект Щусева — к гробнице Тамерлана и к другим образцам азиатского зодчества.

Надо сказать, что эту самую «гробницу Тамерлана» Щусев еще студентом во время командировки тщательно обмерил и задокументировал как дипломный проект. Пригодилось.

Он умел не разбрасываться, копить, собирать, это было его сильное качество.

Если уж говорить о Мавзолее (который, конечно же, навсегда составил и «визитную карточку», и «охранную грамоту» Алексею Владимировичу), то с сегодняшней точки зрения гораздо больший и даже в чем-то жгучий интерес представляют другие проекты, из второго, открытого «непрофессионального» конкурса. Так, например, один из его участников приложил к проекту маленький макет Эйфелевой башни, чтобы был понятен масштаб задумки — то есть мавзолеей должен был представлять собой башню высотой с Эйфелеву, наконечником которой служила бы железная голова Ильича, которая бы крутилась во все

стороны света — и ночью сверкала бы глазами-прожекторами.

Впрочем, гигантоманией, устремленностью, так сказать, ввысь было не удивить тогдашних членов архитектурных комиссий. Башни и монументы высотой в сорок, восемьдесят, сто сорок метров должны были образовать некое новое фантастическое пространство столицы СССР, и все в общем-то уже ждали, когда это наконец произойдет.

Проект Дворца Советов Бориса Иофана — яркий тому пример. Это должна была быть самая высокая архитектурная точка во всей Европе.

На вершине шпиля — огромный Ленин, по бокам — гигантские пло-

щади с парками и проспектами (долой Остоженку, Пречистенку, старые московские бульвары с их мерзкими особняками знати), ну и так далее. Иофан уже утвердил проект, спланировал и рассчитал, снес храм Христа Спасителя, дал подряды на металлоконструкции и поселил в неприметном конструктивистском здании на Остоженке свою архитектурно-планировочную мастерскую Дворца Советов — но помешала война.

...Интересно, кстати, сравнить их судьбы — Щусева и Шехтеля.

В то время как Щусев еще в ранние годы советской власти делал проект за проектом, Шехтель в новой эпохе не прижился.

Может быть, просто не успел стать востребованным. А может быть, и не мог им стать.

Он умер забытым, дом, который Шехтель построил для себя и своей семьи на Большой Садовой, новая власть отобрала, он жил бедно вместе с дочерью и женой, тихо угасая, — без заказов и почти без работы.

Да и то сказать — какие могли быть у него «заказы»?

Вся его архитектура осталась памятником прошлого, артефактом ушедшей эпохи, вся она лежит корнями именно в частной собственности и в частной жизни частного человека.

Он проектировал здания не для туманного «коммунистического» или «всемирно-исторического» (или нового имперского) будущего — а конкретно для сегодняшнего дня.

Архив

А. Щусев. Эскиз Мавзолея

Архив

Проект Дворца Советов Бориса Иофана

Если Щусев в течение своей жизни чего только не проектировал — станции метро и церкви, мосты и вокзалы, надгробья и чертежи «маскировочной архитектуры», которая должна была закрыть и защитить столицу от бомбежек, планировку сталинской Москвы с ее широкими проспектами и «зелеными зонами», гостиницы и проекты восстановления разрушенных войной городов, — то Шехтель всю жизнь рисовал и строил примерно одно и то же: «красивые дома».

В них должны были жить и работать его заказчики — богатые и состоятельные люди. Да, увы, Шехтель практически не строил дома для трудящихся масс, это был «не его профиль», но тем не менее все воздушные, нежные и изящные фасады (будь то частные особняки, доходные дома, типологии и конторы), которые он оставил после себя, отсылают нас именно к будущему. Но к другому. К тому будущему, в котором Москва предстает европейским богатым, цивилизованным и красивым городом, где все «сделано по уму». Где все для человека.

Тут можно приводить разные примеры этой врожденной, как будто инстинктивной «европейскости» Шехтеля: это и кинотеатр «Художественный» (электротئاتр Ханжонкова), и здание и отделка фасада Художественного театра, и «скоропечатня» Левенсона, и, конечно, многочисленные особняки и усадьбы: особняк Морозовых на Воздвиженке, особняк Смирнова на Тверском бульваре, особняк Рябушинских (ныне музей Максима Горького) на Малой Никитской, и многое другое.

Шехтель был старше Щусева, и он смертельно заболел — в 1926 году скончался от рака желудка, рассылая по инстанциям буквально мольбы о помощи, чтобы большевистское правительство не оставило попечением его семью и купило хоть какую-то толику его частной коллекции живописи и художественных изделий. А сложись иначе, возможно, он бы не умер в неизвестности, а проектировал, например, ДнепрогЭС? (А Федор Осипович действительно в конце жизни брался за этот подряд и даже спроектировал несколько зданий гиганта первой пятилетки.)

...Так вот, продолжая сравнение, — если говорить формально и плоско, Щусев и Шехтель шли рядом, бок о бок. Просто одному при советской власти «повезло»,

Выбор Шехтеля и выбор Щусева

Соцсети

Ф. Шехтель. Типография Левенсона в Москве

а другому «не повезло». Один «пробился», «развернулся», а другой нет.

Оба до революции строили храмы, увлекались именно церковной архитектурой (у Щусева была Марфо-Мариинская обитель, храм Сергия Радонежского на Куликовом поле, православная церковь в итальянском Бари, у Шехтеля — Никольская часовня и церковь Спаса Нерукотворного в Иваново). Оба строили

вокзалы и станции (Щусев — Казанский, Шехтель — Ярославский, Щусев — вестибюль метро «Комсомольская», Шехтель — «царскую станцию» в Одинцово). Оба имели прекрасных заказчиков. Были знамениты. Иногда их пути просто-напросто пересекались в одной точке — например, Шехтель строил городскую усадьбу миллионера-сахарозаводчика Харитоненко в Москве (теперь там резиденция английского посла),

С этим последним связана своя история — на выставке в Музее архитектуры представлены два проекта Щусева, первый — сороковых годов, не одобренный Берией (высоким покровителем Щусева, который, возможно, и спас его в 1937 году от расправы), и последний, реализованный через много лет после его смерти.

Так вот, тот «неодобренный» проект КГБ очень любопытен. На нем, например, есть немаленькие часы. Часы, соответственно, на башне. Башня, соответственно, возвышается над совершенно асимметричной постройкой. Все довольно яркое, «живое».

А вот последний, реализованный проект — холодный, непроницаемый, бездушный и «классический», то есть именно то, что и было нужно. Он был реализован через много лет после смерти Щусева.

Я абсолютно не сомневаюсь, что, доживи Щусев, скажем, до 1956 года, до хрущевской борьбы с излишествами, до новых материалов и пропорций — он и тут бы не пропал, а стал автором какого-нибудь здания из стекла и бетона, образчика «советского модерна», гигантского и слегка абсурдного (а ведь именно этот стиль архитектурные критики сегодня так любят). И возможно, именно он построил бы гостиницу «Россия» или кинотеатр «Россия».

Строить здания из «воздуха времени» ему было не привыкать.

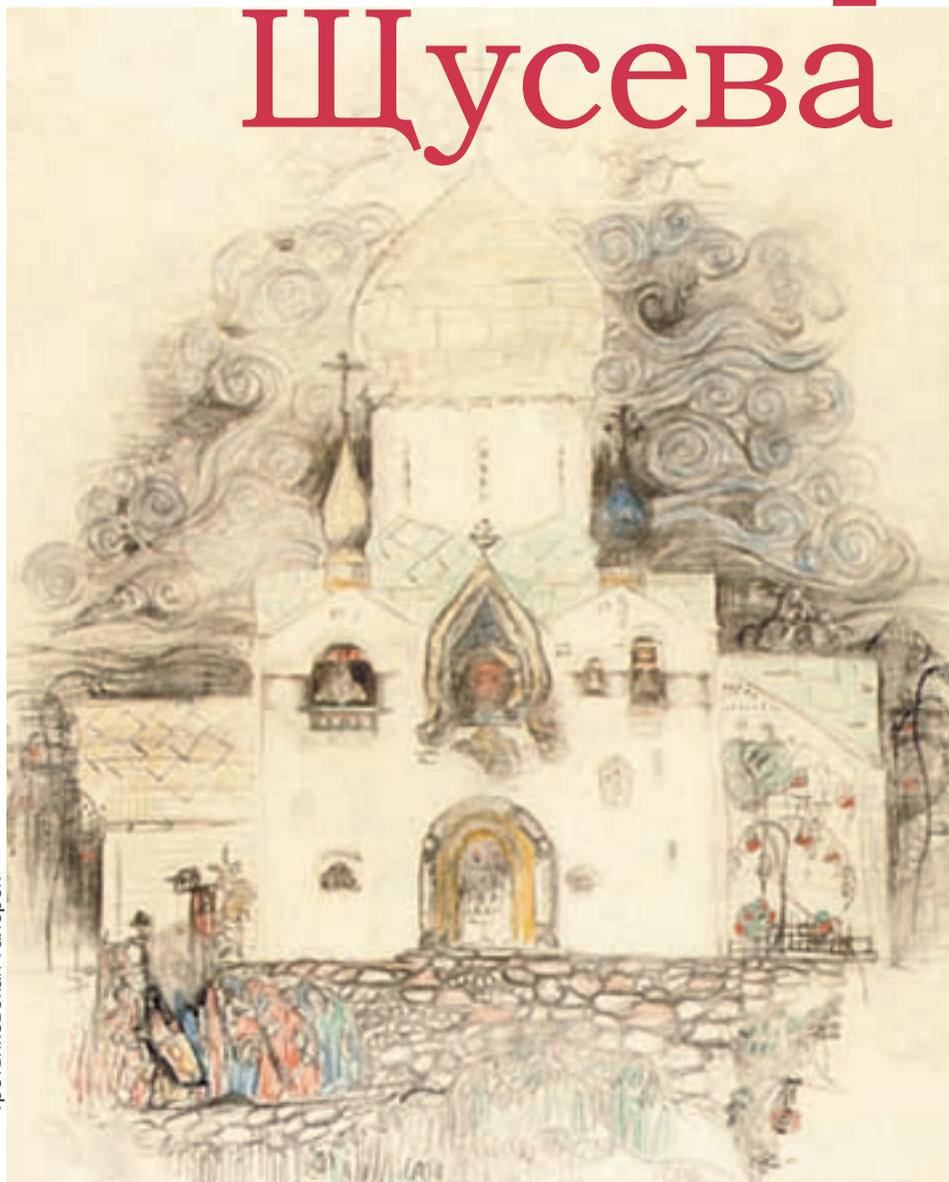
Творчество Шехтеля собрано вокруг какого-то одного ядра, оно рождается, возникает, вылупляется из одной клетки — мечты о красоте, о «серебряном веке» русского искусства, о «европейской» России, оно развивается и после революции быстро умирает.

Творчество Щусева — это какая-то невероятная дистанция между началом и концом, удивительный путь от Марфо-Мариинской обители к проекту здания КГБ (через вокзалы, мосты, институты и оперные театры).

Щусев — это в каком-то смысле советское «всё» и в то же время советское «ничто», пустота. Тот самый воздух времени. Времени, которое вместило бесчисленное множество проектов, пламенные мечты, большие иллюзии, кровь и грязь террора, адские муки войны.

Буквально всё.

Выбор Шехтеля и выбор Щусева

«Третьяковская галерея»

А. Щусев. От Марфо-Мариинской обители...

Самая, возможно, благородная часть наследия Щусева — это проекты послевоенного восстановления разрушенных городов и кварталов: киевского Крещатика, Сталинграда, Новгорода, Кишинева, Туапсе и других городов. В частности, именно щусевская мастерская проделала огромный труд по обмерам и планам реконструкции Ново-Иерусалимского монастыря.

...Кстати говоря, эти самые «обмеры» были важной частью работы «щусевских мастерских».

Он знал, что уничтожение церквей неизбежно, по крайней мере, это не всегда можно остановить, — но «старое наследие» советские архитекторы сохранять были обязаны, в том числе и для того, чтобы строить новые, советские здания, «храмы жизни и культуры».

Так, например, люди из советской «архитектурной мастерской» сделали обмеры и зафиксировали на фотопленку и графические планы — здания монастыря в Калязине, полностью затопленные при строительстве канала Москва—Волга.

Вообще, я думаю, что основная часть его наследия — это как раз эскизы, проекты.

Воздух предвоенной Москвы, Москвы сталинских домов, Москвы проспектов и прямых новых улиц, рожденный в мастерских Щусева.

Нет, он не проектировал «высотки», и это не он (а, скажем, академик Жолтовский) сочинял наиболее яркие проекты домов той эпохи, все эти величественные фасады, украшенные башенками и каменными цветами, но кажется, что все это сделал именно Щусев. Его жизнь, его путь как бы «обнимают» весь

ступая к созданию юбилейной выставки, он воспринимал Щусева «упаковщиком» высокого уровня, то есть архитектором, способным красиво упаковать любой заказ, любое пожелание власти. Но «это оказалось не так», и действительно Щусев интегрировал в свои проекты огромное количество мыслей, идей, «местного материала». При строительстве Оперного театра имени Навои он собрал в него творчество узбекских мастеров, все национальные техники, орнаменты, узоры, какие было возможно; при строительстве Марфо-Мариинской обители — русские орнаменты на тканях, которые собирал годами, и так каждый раз...

Все так, и все же «упаковка» у Щусева была, вернее, она постепенно возникла как раз в тот момент, когда он начал проектировать новые кварталы и города по всему Союзу, стал строить сам «неоклас-

сической, сильной, бесконечной власти — которая гордо и с выражением превосходства возвышается над окружающей ее жизнью.

Эти бесконечные обкомы партии и областные драмтеатры, дома культуры и проходные заводов и фабрик — с портиками и колоннами, как близнецы, как каменные матрешки, опоясавшие всю нашу огромную страну, да, это тоже Щусев. Я бы сказал, это именно Щусев. Псевдо-Щусев, ложный Щусев — но Щусев.

Конечно, что-то «должно было стоять на этом месте».

Но — это ли?

Щусев оставил после себя не только воплощенные и невоплощенные проекты, некую щусевскую легенду и загадку, — но и вполне себе конкретные поступки. Он спасал людей — например, архитектора Барановского, который приковал себя цепями к храму Василия Блаженного (Покровский собор на Красной площади) и не дал его взорвать. Например, художника Шухаева, благодаря своим связям определив его на место главного художника Магаданского театра. Он писал письма, просил, защищал. Благодарности и памяти заслуживает и такое его наследие, как сам Музей архитектуры его имени, ставший со временем важнейшей культурной институцией страны.

Этого у него не отнять.

С другой стороны — он, генерал архитектуры, мог себе все это позволить. И позволял.

И все же главный урок его жизни, как мне кажется, был в другом.

Щусев принял новую эпоху и стал ее «эстетическим выразителем» не потому только, что хотел выжить. Не в силу одной только конъюнктуры и приспособленчества.

Он, прежде всего, хотел оставаться самим собой. Человеком работающим. Человеком, создающим и творящим. Человеком, выполняющим профессиональные задачи. Даже в то дикое, жестокое время. Даже при Сталине. Даже при Большом терроре. Даже в годы войны и свирепого идеологического диктата.

...А вот Шехтель, например, этого не смог.

Выбор между «позицией Шехтеля» и «позицией Щусева» сегодня предстоит сделать многим из нас — писателям и художникам, учителям и ученым.

Это важный выбор.

...к проекту здания КГБ

этот неоклассический стиль. Стиль старой советской квартиры, из которой теперь бодро делают музей. Музей «красивого и благородного» СССР.

В этом воздухе Щусева есть и своя разная бацилла. И о ней тоже необходимо сказать.

Куратор щусевской экспозиции в Музее декоративно-прикладного искусства Юрий Аввакумов сказал, что, при-

сический стиль» в его уже промышленном повсеместном изводе.

Это был имперский стиль. Не случайно один из разделов выставки в Музее архитектуры так и называется — «От авангарда к советской империи».

Да, это была именно империя, и именно имперскую идею закладывал Щусев во все свои «ложно-классические портики» и «колонны». Идея неверо-

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Роберт Гараев. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2020-х. М.: Individuum, 2024.

КРОВЬ И ГОЛОСА УЛИЦЫ

Бешеный успех сериала «Слово пацана» привлек внимание к первоисточнику — исследованию журналиста и музыканта Роберта ГАРАЕВА. А «Семечки»: записная книжка» проясняет личность одного из самых поразительных литераторов 20-х — начала 30-х годов Константина ВАГИНОВА

Как выяснилось, сеттинг и сюжетный материал прогретого сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» был подсказан одноименной книгой Роберта Гараева. Его обширное журналистское исследование о криминальном Татарстане впервые вышло в свет в 2020 году, тогда его заметили немногие, но на волне успеха фильма о горячих парнях с казанских улиц книгу немедленно переиздали.

600-страничный труд журналиста и музыканта из Казани Роберта Гараева — подробный инсайдерский путеводитель по криминальной Казани конца 1970-х — 2010-х, своего рода Архипелаг уличной жизни позднесоветского периода. Слово здесь передано и в самом деле бывшим пацанам, непосредственным участникам событий — бывшим членам преступных группировок «Хади Такташ», «Новотатарская», «Тяп-Ляп», «Слобода», «Жилка», «Низы» и других. Впрочем, происходившее комментируют и юристы, и журналисты, и бывшие милиционеры. Роберт Гараев тоже прошел подростком сквозь жесткую пацанскую школу. История, которую он рассказывает в книге,

очень напоминает ту, что пережил главный герой сериала, Андрей «Пальто».

Гараев, как и Андрей, да и многие реальные мальчишки, попал в группировку в поисках защиты — от вымогателей денег, от уличных нападений. И никто из них не представлял себе, что попадет из огня да в полымя, будет постоянно и безжалостно бит, вынужден избивать других сам, а заодно грабить «чушпанов» и просто прохожих.

В книге последовательно рассказывается, как попадают в группировку, что делают на сборах, какова иерархия и система нака-

заний, сколько на самом деле весит «слово пацана», так ли страшно быть «отшитым» и действительно ли вход рубль, выход — два (если кратко, очень многое зависело от конкретных обстоятельств, хотя совсем выйти сухим из воды не получилось ни у кого).

Понятно, что в подобной книге описывается немало побоищ и убийств, но поразительно, что сами герои, согласившиеся дать автору интервью, говорят о них почти равнодушно: для большинства кровавое месиво, которое они наблюдали постоянно, быстро превратилось в обыденность и рутину.

Вот на глазах четырехлетнего ребенка убили его отца. «Арнольд с Сашей — труп в машину на заднее сиденье, у меня спрашивают: «Сможешь ребенка увезти без кипежа?» Остался я с мальчуганом, успоко-

Майя Кучерская

ил его, он мне рассказал, как эти два дядя его папу убили». Расспросил, где он живет, поймал на трассе машину и привез его в Казань. Довел до двери, постучался и убежал». Занавес.

Сын другого участника группировки вспоминает, как однажды его отца вызвали на разговор, а к вечеру во дворе заброшенной школы нашли только «полотенца и тапки отца, а также фрагмент мозгов». Дядя того же рассказчика и вовсе пропал. «Все, что от него осталось — шапка». И только в женских монологах, в главе о «бабских конторах» и незавидном положении девушки в банде, интонация меняется: когда слово берут пацанки, ледяная жесткость наконец отступает, словно бы женщинам рассказывать о том, как с ними обращались, вспоминать намного больней.

Как заметили зрители фильма и повторяют собеседники Гараева, в уличные банды шли мальчики вовсе не только из неполных, бедных, но и из вполне благополучных семей, причем часто самые энергичные и активные, вовсе не отморожки. Более того, настоящий пацан в определенном смысле должен был быть интеллектуалом, тонким дипломатом и уметь «добазариться» до нужного ему результата, поэтому многие и учиться старались неплохо. Какая социальная безысходность заталкивала этих ребят в параллельный бесчеловечный мир, живший по понятиям, Гараев не обсуждает.

Однако почти все его герои выглядят заложниками системы, не дававшей ни надежд, ни чувства перспективы, из тисков ее они и пытались вырваться вот так, с помощью собственных мускулов и безбашенной отваги: в ОПГ, в отличие от советского общества, они могли сделать неплохую карьеру и заработать столько, сколько не светило на заводе; в ОПГ у них была иллюзия братства и соблюдения своего, пусть и воровского закона. О том, что это была именно иллюзия, и закон, как и слово пацана, постоянно нарушался, в книге тоже немало свидетельств.

«Слово пацана» Роберта Гараева — далеко не первое высказывание о механизмах насилия в закрытых подростковых сообществах: еще в 1989 году в «Новом мире» был опубликован роман Леонида Габышева «Одлян, или Воздух свободы» о тюремной жизни малолеток, не говоря уже о «Повелителе мух» Голдинга и

«Заводном апельсине» Берджеса, а также недавних исследованиях о криминальном мире Татарстана, на которые Гараев прямо ссылается. Так что как будто бы обо всем этом много и подробно уже говорили. Но судя по вполне бешеному успеху сериала и стремительно распродающемуся тиражу книги — не наговорились. По крайней мере, сегодня потребность обсуждать, что дает детям улица и чем так привлекательна философия пацанства, явно обострилась. А что случилось? ...Что ж, спасибо Жоре Крыжовникову и Роберту Гараеву за возможность снова говорить и думать о том, почему «улица» и физическая сила продолжают побеждать наивных «чушпанов» с их уроками музыки и любовью к маме.

**«Семечки»: записная книжка
Константина Вагинова.
Комментированное издание /
Ред.-сост. Д.М. Бреслер, М.А.
Лурье. СПб.: Издательство
Европейского университета,
2023.**

Константин Вагинов (1899—1934) — денди в тулупчике, литературный тусовщик, поэзия которого отчасти напоминала всех, с кем он общался, от Гумилева до Хармса, и все-таки сохраняла оригинальность, голоса улицы записывал в тетрадку.

Вагинов был коллекционером и нумизматом — бродил по тогдашним толкучкам, разыскивал старинные монеты, мундштуки и перстни с камнями, которые украшали его пальцы. А попутно слушал, впитывал звучавшую вокруг речь и коллекционировал языковые редкости. Вещицы складывал в шкатулки, подслушанные слова, забористые выражения, истории, песни и анекдоты заносил в записную книжку, которую назвал «Семечки», в скобках доставив «зерна». В том смысле, что этим зернам однажды предстояло прорасти. В прозе, в романах. Так и случилось, его «Семечки» вызывают в памяти и «Козлиную песнь», и «Труды и дни Свистонова» с шумом и голосами петербургских улиц, а в «Гарпагониаде», как показано исследователями, зерна из этой тетрадки проросли повсюду.

Вагинов фиксировал перебранки в трамваях, реплики в кафе, песни и случайно подслушанные разговоры. «Вы сегодня обоспались», «женихи первой свежести», «мороз по колено», «дни летят, как огурчики». «Мой приятель женился на бабе в шесть пудов. — Интересно, как это будет выгля-

деть! — Т.е. как будет выглядеть? — Ведь это изюм на куличе».

С большим азартом подобрана сюда и обценная лексика — крепко перченые словечки, частушки и песни шпаны, беспризорников, воров, проституток и хулиганов, как называет их Вагинов. Приведем лишь самое невинное: «Ну как твоё дело? — Наше дело сделать тело, а бог душу вставит».

Приговоренному к расстрелу говорят: «Идемте на луну смотреть». Старушка, которую чуть не раздавил автобус, произ-

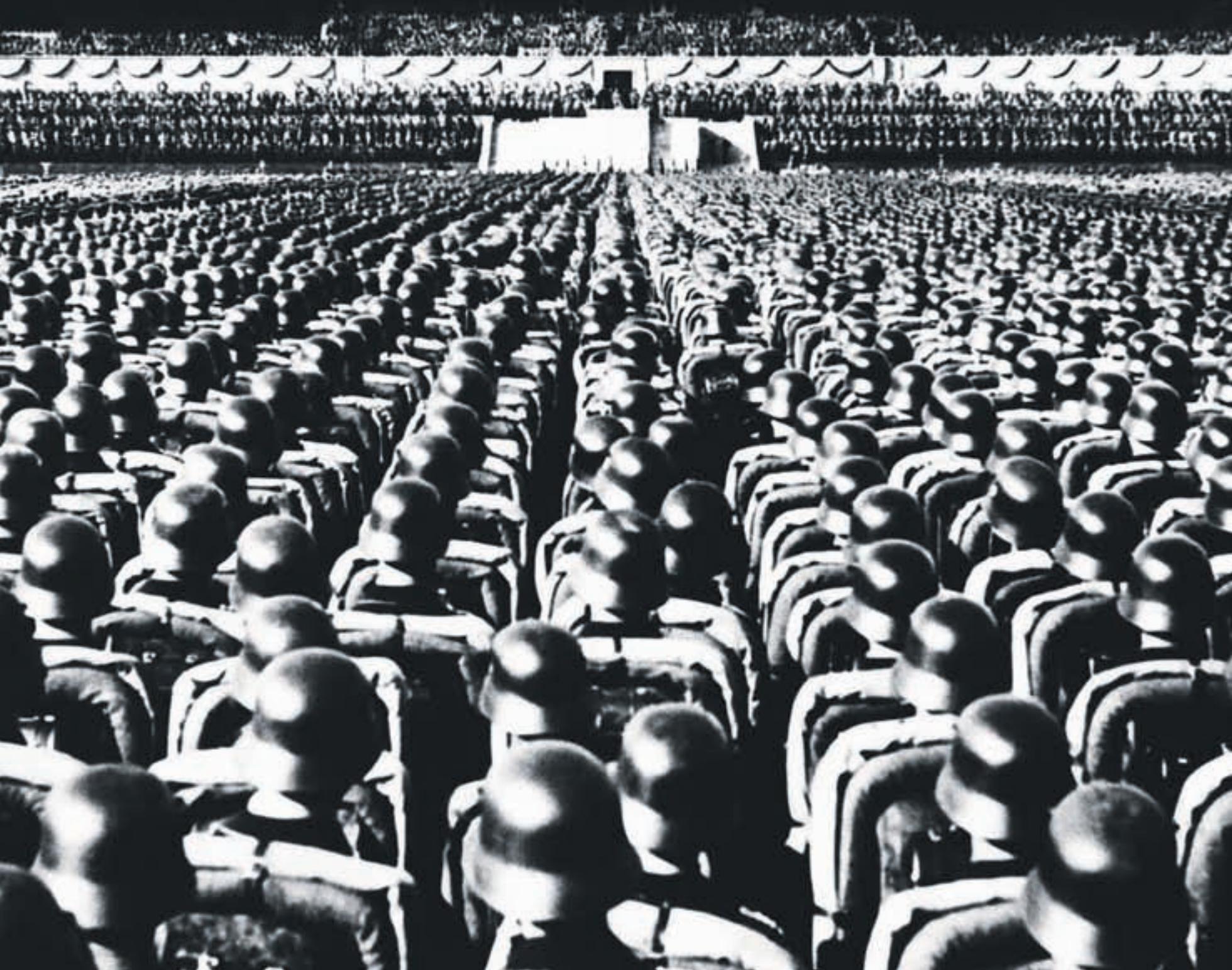

носит: «Чуть из меня не сделал красивого покойника».

Метод собирательства роднит Вагинова и с Лесковым, и с Ремизовым, тоже влюбленными в устную речь и записывавшими полюбившееся в записные книжки. Читать «Семечки» увлекательно еще и потому, что из этих беглых заметок складывается объемный слепок петербургской жизни рубежа 1920—1930-х годов. Грядущий Хам уже явился, гопота заполнила город, но на фоне очередей в уборную, стычек в трамвае, косматых оборванцев в люках за Мариинским театром то и дело скользят нежные тени из прежнего мира — в облике ли старикачиновника, взапой читающего справочник с именами и адресами жителей «Весь Петербург» за прежние годы, или его сиятельства князя Аргутинского-Долгорукого, о котором вспоминает его курьер и камердинер. Ровно в 10 утра князь звонил в звонок: «Анна Степановна быстро подавала мне поднос, на подносе домашние булочки, сливки с густой пенкой и стакан горячего кофея. Я тихо отворял дверь и молча ставил на столик. «Здравствую, дорогой Онуфрий, как погода, как ты думаешь, будет дождь?» И тихий образ безвозвратно ушедшего мира проступает сквозь эту домашнюю сцену. Но отчего же ушедшего? Летописец Вагинов сохранил его для нас.

Фашизм и демократия

ОБЩЕСТВО ПРОНИКАЕТСЯ
ФАШИЗМОМ НЕ В ОДИН ПРИСЕСТ
И ВО МНОГОМ НЕЗАМЕТНО ДЛЯ СЕБЯ

Леонид
Никитинский

*Размышление над книгами:
«Взлет и падение Третьего рейха»
Уильяма Ширера и «Фашисты»
и «Темная сторона демократии»
(двухтомник) Майкла Манна*

Книга «Взлет и падение Третьего рейха: история нацистской Германии» написана Уильямом Ширером — бывшим репортером американских радиокompаний в Германии в 1934–1940 годах, затем освещавшим для них Нюрнбергский процесс. Ширер получил доступ к материалам не только этого, но и последовавших за ним судебных процессов, а также к огромным архивам, включавшим в себя, например, записи личных бесед Гитлера, дневники Геббельса и другие официальные и личные документы. На английском книга Ширера была издана в 1960 году, на русском в 2015-м.

Автор двухтомника «Фашисты» и «Темная сторона демократии» Майкл Манн — исторический социолог и теоретик. К 2004–2005 годам, когда эти книги вышли на английском (на русск, соответственно, в 2014-м и 2015-м) Манн уже получил широкую известность как автор двухтомника «Источники социальной власти».

Манн придерживается собственного взгляда на «общество» (в традиционном виде оно у него как бы исчезает) как на динамические сети властных отношений, в которых государство — чаще самый сильный, но не единственный игрок. Оно реализует политическую власть, но не всегда монополизирует идеологическую и тем более экономическую, а «военная власть» принадлежит армии и полиции, которые иногда получают значительную автономию.

Знакомство с Манном стоит начать с цитаты, в которой он настаивает, что фашизм — не возвращение в варварство, а, напротив, феномен модерна: «Этические и политические чистки — главный вклад Европы в историю Нового времени, а парамилитарное («народное». — Л. Н.)

насилие — отличительная черта XX века. Нам повезло, что этатизм (третий важнейший элемент фашизма после органического национализма и парамилитаризма) сегодня вышел из моды, поскольку оба великих этатистских проекта — фашизм и коммунизм — потерпели крах. Но по-прежнему, пока неолиберализм причинит миру столько же вреда, — и, может быть, этатистские ценности снова сольются с радикальным парамилитаризмом в движениях, напоминающих фашизм».

Это было подписано в печать в 2004 году, и с тех пор одно из названных Манном условий уже выполнено: поворот к идеям сильного государства на фоне террористических атак исламских фундаменталистов, экономических кризисов, вооруженных столкновений, миграционных кризисов и пандемии 2020–2021 годов — во многих странах, в том числе западного мира, достаточно очевиден.

Аналогичный правый поворот в 20–30-е годы прошлого века, доказывает Манн, одними государствами Европы был преодолен в рамках демократии, а в других: Италии, Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и Испании — к власти пришли фашистские лидеры. Но это не были ка-

кие-то инопланетяне: фашистские партии и парамилитарные движения развивались в основном в легальной форме, в том числе и в странах, где они рвались к власти, но ее не получили.

Свой главный тезис: о связи фашизма с демократией — Манн провокационно выносит прямо в заголовок. Эта связь далеко не линейна, но она есть — по крайней мере, традиционно-консервативному авторитарному режиму проще справиться с собственным крайним крылом, апеллирующим к народным массам.

Процесс прихода к власти Адольфа Гитлера детально, со ссылками на многочисленные источники, описывает Ширер. Важно, что, развивая парамилитарные формирования в виде отрядов штурмовиков (СА), Гитлер лишь однажды, воодушевленный походом Бенито Муссолини на Рим в 1922-м, в 1923 году затеял «пивной путч», который провалился.

Фашизм и демократия

Э то показало Гитлеру, что не надо бодаться с армией — надо завоевать ее симпатии. Не стоит бороться и с государством — его надо легально захватить. С этого момента партия национал-социалистов выращивала собственные квазигосударственные формирования, в первую очередь в виде спецслужб и парамилитарных

отрядов, которые были готовы продублировать — во всяком случае, в кадровом смысле — государство, как только представится возможность.

Главным оружием нацистов на этом этапе стал популизм. Они обещали преодоление экономических противоречий в рамках корпоративистского «тотального» государства. Они расчесывали ресентимент, который немцы испытывали после утраты территорий в результате Версальского мира, они всегда говорили то, что немцы хотели слышать, а многие их обещания, такие как ликвидация безработицы, известный рост уровня жизни и возврат многих территорий после прихода нацистов к власти, были выполнены.

Популизм, который так или иначе оказался изнанкой демократии в XX веке и, судя по всему, останется ею в XXI, помимо харизматического лидера требует собственно популюса — народа, который до возникновения в Европе в XVIII–XIX веках национальных государств участвовал в войнах и экономике, но практически не появлялся на политической арене и на это не претендовал.

С точки зрения Манна, обозначать одним и тем же термином государства модерна и те структуры, в которые власть — в первую очередь военная, но также и экономическая и идеологическая — облекалась до XVIII–XIX веков, некорректно. Подданные средневекового короля идентифицировали себя как сословия, к этносу относились на этом фоне с безразличием, а к чужому языку лишь как к технической трудности. В рамках одного и того же этноса знать и плебс жили в разных культурах, а часто и говорили на разных языках.

Первые демократические институты (в Англии — аж в начале XIII века) возникают именно по линиям сословий безотносительно к этносам. Вплоть до XIX века государства было «мало», куда сильнее были другие игроки: появившаяся буржуазия, церковь и интеллектуальные элиты в сфере идеологии и, конечно, армии, обладавшие определенной автономией от монархов. Именно военная власть сыграла ведущую роль в развитии демократии в ее современном виде. Появились армии, укомплектованные по принципу всеобщей воинской обязанности (впервые во Франции в 1793 году), а главное — с целью содержания и вооружения войска была упорядочена строгая система налогообложения.

«Нет налогов без представительства» — эта мысль и сформировала к концу XIX — началу XX века такое общество, в котором «популюс» не только стал интересоваться политикой, но и получил реальную возможность влиять на нее через выборы. Это дополнилось — особенно в Германии, где в XIX веке появилась доктрина социального государства — перераспределением доходов от налогов в пользу беднейших слоев населения, и государства сразу стало «много».

Архив

Итальянский фашизм

Гитлерюгенд

Манн видит одно из оснований фашизма в двусмысленности самого термина «народ» (популюс, демос). Он может пониматься (и понимался вплоть до XIX века) как корпус подданных одного монарха, проживающих на определенной территории, а может — как этнос: «немецкий народ», «русский народ». Подмена демоса этносом — и есть национализм, который в комбинации с этатизмом может породить фашизм и нацизм как его крайнюю разновидность.

Почему именно национализм находит самый живой отклик у «демоса» — скорее вопрос психологии, а для Манна важнее сама эта данность, которая в квадрате и в кубе проявляется в «массах». Поддержавший нацизм (но при этом очень глубокий) философ и правовед Карл Шмитт вообще определяет «политическое» как сферу, где происходит разделение на друзей и врагов.

И вот появляется харизматический лидер... Популизм + национализм + социализм в виде частично выполненных обещаний + компенсированный ресентимент + культ силы и молодости — этот коктейль угрожает снести жалкие плотины демократии, возведенные по сословно-классовому, а не этническому принципу.

Это явление в начале XX века не только «модерно», но и повсеместно — во всяком случае, в Европе. А далее все зависит от прочности плотин и устоев, которую

гарантирует, скорее всего, только продолжительность демократической традиции. Манн приводит карту фашизма, иллюстрирующую, что фашистские партии смогли добиться успеха чаще на востоке и юге Европы и не преуспели на севере и в центре (исключая собственно Германию).

Ширер подробно исследует биографию Адольфа Гитлера и не находит в ней причин для его антисемитизма, хотя его притягательность как оратора объясняется контролируруемыми психопатическими чертами личности. Зато Ширер указывает на предпосылки национализма и этатизма в немецкой культуре. Тут и Гегель с его государством как воплощением немецкого духа, и Ницше в той части, где он рассуждает о сверхчеловеке — «белокурой бестии», и, конечно, Рихард Вагнер — в плане не столько музыки, сколько персонажей, заполняющих его оперы и заимствованных из языческой мифологии. Но это лишь видимая часть немецкого культурного айсберга, в основании которого, наряду с рациональной бюрократией, лежал темный романтизм и мистицизм трансцендентного.

Романтическая мечтательность в конце концов и погубила Гитлера, а с ним и немецкую армию и нацизм: в частности, холокост, отвлекавший значительные

силы и средства нацистов во время войны, многим, в том числе военным соратникам Гитлера, представлялся иррациональным. Однако правильнее назвать эту стратегию не иррациональной, а, как указывает Манн, ценностно-рациональной в категориях Макса Вебера.

В подробнейшем описании Ширера Гитлер до захвата власти и он же после ее обретения — это как бы два разных персонажа. Диктаторская власть и невозможность критики лишили разума не его одного. Но Гитлер до 1933 года — блестящий оратор, чрезвычайно хитрый, интуитивно расчетливый интриган и манипулятор — несомненно, выдающийся политик.

Он неоднократно совершал ошибки, едва не уступив в самый канун захвата власти лидерство в НСДАП Грегору Штрассеру (не столь радикальному в национальном вопросе). С точки зрения этих ошибок фюрером немецкой нации Гитлер стал, в общем, и благодаря «фарту», хотя и за счет выдержанной и умелой тактики, с помощью которой он водил за нос прежних канцлеров и президента Пауля фон Гинденбурга.

Фашизм и демократия

Bundesarchiv

Вплоть до 1933 года нацисты стремительно завоевывали голоса избирателей, комбинируя обещания решить все проблемы с парамилитарным насилием отрядов СА и запугиванием. Но даже на пике популярности на президентских выборах 1932 года Гитлер собрал лишь 36,8 процента голосов, пропустив вперед Гинденбурга с 53 процентами.

Однако, как подробно рассказывает Ширер, подтверждая тем самым главный тезис Манна, демократия Веймарской республики к этому времени была уже вконец расшатана — достаточно сказать, что в 1932 году выборы в рейхстаг проводились пять раз, а глав кабинета министров — канцлеров президент был вынужден менять как перчатки.

В патовой ситуации в январе 1933 года 85-летний фельдмаршал Гинденбург позволил себя убедить и назначил главой правительства ефрейтора Гитлера, которого, несомненно, презирал. Лишь после этого, на-

рушив все договоренности, Гитлер перешел как бы в другой — диктаторский — режим. После провокации с поджогом Рейхстага 27 февраля (в этой истории остаются загадки, но причастность к поджогу нацистов можно считать установленной) Гитлер убедил Гинденбурга подписать 28 февраля декрет «О защите народа и государства», наделявший его чрезвычайными полномочиями.

После смерти Гинденбурга в 1934 году Гитлер объединил посты президента и канцлера, а разделение властей к этому моменту уничтожилось полным ходом: для получения конституционного большинства в рейхстаге нацистам было достаточно пересаживать фракцию коммунистов и запугать социалистов.

Вопрос о законности нацистского режима стал центральным для Нюрнбергского и последовавших за ним процессов — в том числе в рамках Военного трибунала США

над 15 нацистскими юристами и судьями в 1947 году. Главный довод защиты состоял в том, что юристы действовали по законам. Этот довод судьями был отмечен — как и довод подсудимых на главном Нюрнбергском процессе об их действиях «по приказу». Однако вопрос остался дискуссионным.

Акт об особых полномочиях позволял Гитлеру издавать любые декреты, «воля фюрера» была возведена в ранг основополагающего закона путем «толкования». Прежнее парамилитарное насилие стало легальным де-факто, и отряды СС наглядно подтвердили это 30 июня 1934 года, перестреляв прежних соратников по СА — по данным Нюрнбергского процесса, от 150 до 200 человек. В ходе «ночи длинных ножей» были также убиты командир штурмовиков Эрнст Рем, главный соперник Гитлера в НСДАП Штрассер и ликвидированы опасные свидетели прежних проделок.

Концентрационные лагеря для неблагонадежных появились в Германии сразу после прихода нацистов к власти. «Национал-

социалистический союз немецких врачей», сплотившийся вокруг идеи «расовой гигиены», возник в 1929 году, к началу 1933 года насчитывал порядка 3 тыс. членов, а к концу того же года — уже 11 тысяч. Эти врачи и медицинский персонал, уверовавшие в науку «евгенику», реализовали программу эвтаназии инвалидов, которая постепенно переросла в планомерно-«научное» уничтожение вообще «неполноценных».

Наиболее одиозные факты скрывались — на довоенном этапе в «трудовые лагеря» устраивались экскурсии иностранцев, которым предъявляли переодетых эсэсовцев. Но ни медперсонал, ни охрана или техническая обслуга не стали бы массово работать в этих учреждениях «незаконно» — все это регламентировалось специальным законодательством.

Как социолога Манна занимает вопрос: кто были эти люди? С помощью сохранившихся кое-где анкет фашистских активистов, данных об их биографиях и карьерах, об итогах голосования на выборах и по другим надежным источникам, объем которых колоссален, он старается восстановить среднестатистический портрет фашиста в Италии, Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и Испании.

Манн исследует отдельно: лидеров и верхушку фашистских партий; окружавшую их элиту; ядро не всегда формально партийных исполнителей (уделяя особое внимание тем, кто был занят непосред-

связи между ними. Их выделяет харизма, но в общем потоке правого поворота на их месте могли оказаться и менее радикально настроенные люди, и тогда история, вероятно, повернулась бы иначе. Совсем иные и отличные от еще советской версии данные приводит Манн в отношении рядовых активистов и элит, которые тесно общались с партийной верхушкой.

Не новость, что актив фашистских движений составляли ветераны Первой мировой войны, а также следующее поколение, не успевшее понюхать пороха, но повзрослевшее в период военной истерии. Нет данных для ответа на вопрос, шли ли в отряды СА потерявшие работу молодые мужчины, или они бросали работу после поступления в отряды, где обеспечивались всем необходимым и обретали своего рода постоянную занятость. Во всяком случае, фашизм вовсе не был, как учила советская пропаганда, мелкобуржуазным движением «лавочников»: эти партии вербовали сторонников из всех классов, в штурмовых отрядах преобладали рабочие, крайне активны были студенты университетов, с восторгом жегшие книги своих прежних учителей (данные подтверждаются и числом погибших в уличных стычках).

Важную роль в вербовке активистов и сторонников играли институты гражданского общества. Гитлерюгенд был основан еще в 1926 году, будущие нацисты и их сторонники формировались в спортивных и туристических обществах, многочисленных кружках хорового пения, в организациях клубного типа, которые собирались преимущественно в огромных пивных.

Множество иллюстраций этого восторженного единства, наряду с книгой Ширера, можно найти в книге Джулии Бойд «Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов», в которой автор собрала многочисленные свидетельства иностранцев, преимущественно англичан, приезжавших в Веймарскую республику развлекаться и отправлявших туда учиться своих детей. Большинство свидетельств, в частности, об Олимпийских играх 1936 года, полны восторга, хотя бесконечные шумные марши и хоровое пение сдержанных англичан иной раз и раздражали.

Возвращаясь к Манну: тесную дружбу с руководством фашистских партий водили промышленники и финансисты, но вовсе не меркантилизм лежал в основе этого союза — мотивация чаще всего была патриотическая и идеалистическая. Идеи реванша и иерархии привлекали военных, включая самых высокопоставленных, а идея единства «мы» оказалась очень соблазнительной для интеллектуалов. В Германии в их числе оказался общепризнанный (в наши дни) титан

философии Мартин Хайдеггер и уже упоминавшийся Карл Шмитт — автор наиболее глубокой на тот момент критики демократии, концептуально обосновавший доктрину чрезвычайного положения и диктатуры.

А в том, что касается состава рядовых исполнителей и тех, кто обеспечивал массовую поддержку фашизма, Манн приводит массу новых и веских аргументов, но к выводам, принципиально отличным от тех, которые уже были сформулированы (в частности, Арндт в «Банальности зла» и в полемике вокруг этой книги), он не приходит. В редких случаях исполнители геноцида были садистами — напротив, Манн приводит немало примеров отказа от участия в казнях и пытках, которые чаще всего не влекли для отказников никаких последствий, кроме перевода их в «менее специальные» части. Не так много было и идейных. Но служба в концлагерях как минимум гарантировала от отправки на передовую, это был и заманчивый карьерный лифт, позволяющий впоследствии рассчитывать на хороший пост в других сферах. А во многих случаях исполнители участвовали в казнях просто потому, что отказ ставил их в неудобное положение перед товарищами, то есть из конформизма.

Конформизм лежал и в основе массовой поддержки населением фашистских партий после их прихода к власти. Принять идеи фашистов было для жителей тех стран, где они победили, безопасней и комфортней, но для этого надо было в той или иной степени сделать эти идеи своими.

Говоря о геноциде, а также расовых притеснениях и чистках, не всегда достигавших степени собственно геноцида, Манн подробно описывает механизм их эскалации. Истребление людей по этническому признаку никогда не ставилось первоначально как цель: все начиналось с «плана А», предусматривавшего ограничение прав и ассимиляцию; «план Б», который его сменял, предполагал выселение, постепенно перераставшее в принудительную депортацию («В»), а там возникал и «план Г» — собственно «окончательного решения еврейского вопроса».

Общество проникается фашизмом не в один присест и во многом незаметно для себя — оно, как лягушка, которая дергается, если ее опустить сразу в кипяток, но ничего не понимает, если вода нагревается и вскипает постепенно.

watalbum.ru

ственно геноцидом); наконец, широкие массы, одобрявшие программы фашистов и голосовавшие за них.

Биографии лидеров движений и партий более или менее случайны, как и личные

Фашизм и демократия

В книге «Темная сторона демократии» Манн, удерживая в центре внимания главный вопрос: «Кто были эти люди?», — прослеживает (при наличии данных) всю мировую историю геноцида. В Древнем мире и Средневековье, на его взгляд, полных аналогов не находится: случаи кровавой мести, истребления ради захвата земель (в том числе поселенцами в Америке и Австралии) или религиозные войны не ставили во главу угла расовый признак. Зато такими примерами изобилует XX век, и Манн подробно исследует не только геноцид армян младотурками в начале века, но все случаи периода Второй мировой войны (включая коллаборантов нацистов в странах Восточной Европы), а также новейшие примеры геноцида в бывшей Югославии и Руанде.

Риск геноцида, указывает Манн, возникает там, где два традиционных этноса заявляют претензию на политический суверенитет на одной и той же территории, причем у обоих претендентов есть ресурсы для борьбы или, по крайней мере, они так считают. Но уже на уровне этого, центрального для него определения Манн запутывается: рассеянные по Европе евреи вовсе не претендовали ни на какой государственный суверенитет и в реальности не представляли угрозы суверенитету немцев или кого бы то ни было (хотя бы в силу численности — это доказывается на цифрах). Еврейская угроза была (и остается, как реальностью остается и антисемитизм) популярным мифом.

Манн отдает себе отчет в том, что запутывается — в определениях, но не в социологических данных. Это заставляет его пойти на смелый шаг и включить в обзор в виде отдельных глав также истории сталинизма, маоизма и резни, устроенной красными кхмерами в Камбодже в конце 70-х годов XX века. В этих случаях истребление осуществлялось по «классовому» признаку — гораздо более расплывчатому,

но тоже «врожденному». Но и механизмы истребления были, в принципе, те же самые (а что нового тут можно придумать?), и социологический ответ на главный вопрос: «Кто были эти люди?» (лидеры, элиты, исполнители и массово поддерживавшие) — по общим характеристикам выглядит так же.

Не во всех странах, где победил фашизм, расовые притеснения достигали уровня тотального геноцида — в Италии, например, в плоскости избавления от «инородцев» национальный вопрос вообще не ставился. В Испании взаимоотношение монархистов и республиканцев лишь частично окрашивалось национальными и региональными признаками. В нацистской Германии собственно холокост также представлял собой лишь ядро, максимальное сгущение насилия и ужаса. В разной степени, но тоже вплоть до уничтожения, преследованиям подвергались и те немцы, которые просто не разделяли антисемитский миф.

Стараясь распутать этот клубок, Манн вводит также понятия «классицид» — преследование и истребление по классовому признаку и «политицид» — то же самое в отношении элит нации или класса. Здесь он оказывается в шаге от простого вывода: «...цид» (от латинского корня caedo — «убиваю») может быть развернут против любого значимого меньшинства и по любому (но всегда более или менее изобретенному) признаку — хоть против «либералов».

Но это уже Джорджо Агамбен, считающий, что парадигмой современного западного мира (почему только западного?) является концлагерь как «пространство исключения». Кого-то надо обязательно записать во враги, оставив ему вместо политических и вообще человеческих прав только «голую жизнь». Это в русле «друзей и врагов» нациста Карла Шмитта, на ко-

торого Агамбен — вовсе не фашист, а, наоборот, критик-анархист — и опирается.

К XXI веку резко взвинтился темп истории: вызовы, причем экзистенциальные, требуют от национальных государств мгновенных ответов. В этих условиях мысли Шмитта о неповоротливости демократии и о том, что чрезвычайное положение в истории — не исключение, а правило, приобретают дополнительный вес. Государства становятся «очень много», схлопывается разделение властей, сдержки и противовесы перестают работать, а массы остаются на том же человеческом уровне и жаждут простых решений.

Зигмунт Бауман, чья книга «Актуальность холокоста» заслуживает отдельного внимания, сосредоточивается на том, что современность (модерн) так и не создала институциональных гарантий против повторения чего-то подобного. И непонятно, как в рамках демократических процедур их можно надежно создать.

Демократия в кризисе и в любой момент может вернуться своей «темной стороной». Диктатура всегда на том и держится, что обещает вывести «популюс» на светлую дорогу. Но предлагаемые ею решения часто — и даже почти всегда — оказываются губельны.

Мы не знаем, какие решения найдут национальные государства в ближайшем будущем, не знаем и того, возможно ли в будущем возвращение в то еще совсем недавнее по историческим меркам время, когда на территории современных и суверенных не было никаких национальных государств (а в России, по Манну, оно осознало себя таковым точно не ранее середины XIX века).

Надо думать, всем надо думать — спасение только в этом, если оно есть. Обширная литература о фашизме этому, по крайней мере, способствует.

Леонид Никитинский

Что в следующем номере?

- Как лозунгом «Спорт без политики» в России и на Западе прикрывают политические интересы
- Что опаснее — высокая инфляция или дорогой кредит для производства? А может, «оба хуже»?
- В страну вернулась карательная психиатрия

ГОРБИ
GORBY